

Когда
просыпается

УТРО

Фантастическая повесть
о реальной жизни

Когда
просыпается
УТРО

ББК 84(2=411.2)6–44

А 46

Инициатор проекта
Егармин И. П.

Консультант
Федорчук С. В.

Все совпадения с реальными людьми
и событиями случайны

Александров Н. А.

А-46 Когда просыпается утро: повесть. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2024. — 200 с.: ил.

Как примирить прошлое и настоящее? Как оставаться верным себе и помогать людям? Как сделать выбор, не предавая нравственного закона? На эти вопросы ищет ответ простой школьный учитель и жители маленького села Елшанка. Из их сомнений и поступков, мечтаний о будущем рождается личная история — малая, но неотделимая часть общей истории народа.

ISBN 5–8402–0324–4

© Александров Н. А., тексты, 2024
© ИД «Историческое наследие Сибири», 2024

ПАМЯТЬ НОЧИ

Наша жизнь — это партия в шахматы с Богом. У каждого из нас в начале игры одинаковый набор фигур-возможностей и огромный выбор путей реализации этих возможностей. И игрок-соперник у всех у нас один и тот же. Мы всегда играем белыми и ходим первыми. Наш соперник просчитывает свою партию в триллионах комбинаций, а мы же чаще всего не видим дальше второго хода.

Божественные шахматы — это партия длиной в человеческую жизнь. Первый ход — это наше рождение, падение короля на доску — это наша смерть. А между двумя этими событиями тысячи поступков, влияющих на человека, дающих вдохновение или, наоборот, приносящих разочарование и безысходность.

В миллиардах одновременных партий исход, как правило, один — поражение человека. Потери у соперника — это жертвы в виде наших близких и друзей, а потерянные фигуры с нашей стороны — это упущенные возможности и годы жизни.

Казалось бы, игра бессмысленна, а жизнь человека predetermined, что бы он ни делал. Но это не так. Всё зависит от цели, с которой мы садимся за шахматную доску: выиграть или научиться играть.

В первом случае мы обречены на поражение: обыграть Создателя нам не дано. Мы теряем фигуры, растрачивая силы и жизнь на ложные цели. В ослеплении гордыней стремимся выиграть хотя бы одну фигуру и,

пытаясь разрушить оборону соперника, рушим чужие жизни.

Как игроки, мы беспомощны, а беспомощность и обречённость толкает на предательство, ложь и стяжательство, на убийства, воровство и грабежи, на прелюбодеяние и разврат, на развязывание войн и любые формы насилия. Мы боимся проиграть, и страх поедает нас без остатка. Страх того, что мы всё потеряли раз и навсегда. Вокруг пустота, тьма и хаос. Душа наша черствеет, чернеет и каменеет.

Действительно, обыграть Создателя нам не дано. Но верно и другое. Теряя фигуры, мы получаем опыт, проникаем в замысел Творца и радуемся великолепию его игры. Мы пытаемся выстроить свою оборону так, чтобы не нанести вреда ни себе, ни своим близким, ни другим людям. Когда мы, казалось бы, терпим поражение: наши дети болеют, родители умирают, друзья предаются, окружающие хотят причинить нам боль, — мы учимся проявлять заботу и милосердие, скорбеть и помнить, прощать и дружить, любить и делиться счастьем. И эти приобретения остаются с нами навсегда, даже когда все ходы уже сделаны и записаны, даже когда партия уже близится к финалу и мы понимаем, что смерть неизбежна.

Человек не боится проиграть, когда начинает понимать, что всё это время Бог был рядом с ним, как учитель и наставник, а умение любить и прощать — это то, что остаётся с нами и после смерти. Нас наполняет вера как истинное знание о мире. Душа наша готова к сотворчеству, бесконечному труду и вечному добру.

Стратегию игры выбирает человек. На это ему и даны совесть и свобода выбора. Совесть как напоминание о том, кто мы есть, а свобода — как возможность понять замысел Творца и научиться самому творить.

Поэтому в божественных шахматах только один смысл — научиться играть, не теряя данной свыше природы, духовной сущности. Мы должны понять, что победить Бога — это ошибка, бессмысленная и беспощадная по отношению к собственной душе. Отказываясь от помощи Создателя, хотите того или нет, вы отдаёте душу в руки зла, как бы оно ни было привлекательно.

Повесть «Когда просыпается утро» русского писателя Николая Александрова — это как раз та самая попытка автора сыграть в божественные шахматы. И, как любой человек, автор, безусловно, проиграл, но все мы, читатели, только выиграли.

«Когда просыпается утро» — это книга о русских людях, их культуре и характере, чувствах и ценностях, любви к родной земле, к Отечеству, о боли и страданиях от разрушения собственной страны, унижения и публичного оскорбления народа, навязывания чуждой западной идеологии.

После распада Советского Союза мы попали в ловушку рыночной экономики и западных ценностей, которые на поверку оказались ложными. У нас была своя система образования, уникальная культура, просвещённое общество, которое воспитывало подрастающее поколение на примерах русской истории. И за тридцать лет всё это мы почти потеряли!

Культуру объявили отсталой, образование не соответствующим западным стандартам и требующим реформ, историю сфальсифицированной и политически ангажированной, а народ неспособным к восприятию западных ценностей, культуры и демократии. И начали всё разрушать и переделывать. Не задумываясь над последствиями, не понимая смыслов, не строя планов на

будущее. А народ как будто ослеп. Русский народ уснул, впал в тридцатилетнюю спячку.

Повесть «Когда просыпается утро» — это манифест просыпающегося русского народа, который заявляет: я жив и вступаю в свои законные права на русской земле.

В повести три слоя глубинных смыслов.

Первый — это славяно-русская идентичность, скрытая память предков, раскрывающая в том числе нашу связь с великой русской природой. Герои повести, Руса, учитель Корнеев, вековая старуха Черниха, чувствуют красоту родной земли, потому что они светлые душой. Восхищением и любованием наполнены описания лесного озера в Еловом Падуне, смены времён года, обновляющего майского праздника. Нас сегодняшних невозможно понять и без осмысления Руси языческой. Среди героев повести — Леший, Домовой и другие персонажи русского фольклора. Это не просто представители мира фантастического, они несут в себе и передают простые, но первостепенные истины.

Именно через слова Лешего автор начинает погружать читателя во второй слой глубинных смыслов. Они связаны с христианством, которое придало русской культуре особый колорит, соединившись с первичными духовными русскими ценностями, в центре которых — любовь.

Леший говорит: *«...через думы я и понял, что любовь — это жизнь ради другого, а не себя любимого! Любить — значит светить сердцем и душой, кто зрит сердцем — тот видит! Любовь — вот настоящая Золушка. Золото — в золе. <...> От слепоты своей и глупости мы часто не видим любви, мимо проходим. Ослеплены мы, понимаешь? Внешним лоском, а уж в золу заглянуть... нам и вовсе в голову не придёт, нам бы*

злата блеск и чахнуть потом над этой мертвечиной. А настоящее богатство душу греет, а не руки».

Неслучайно на страницах повести вместе с бабушкой Чернихой появляется и старец Арефа, проживший долгую, по человеческим меркам, жизнь и выступающий проводником между мирами. Он как источник истины объясняет коренные смыслы, возвращает людей к первоосновам мира.

Арефа говорит Дмитрию Ивановичу, учителю сельской школы: *«Мир есть любовь, это источник энергии Вселенной, двигающая сила всего живого и неживого. <...> Бог с любовью творил мир и хотел, чтобы любовь жила в этом мире. Так появилась жизнь вечная, а человек — это её проявление, обладающее свободной волей! Нет человека без Бога, как и Бога нет без человека, вот как близко, вот как едино. Но человек может вместе с Богом продолжать творение, созидая любовь, а может пасть во тьму и отказаться от жизни, выбрав смерть. Вот почему жизнь никогда не принадлежала только нам, — но и нашим родителям, народу и Создателю. Любовь не живёт в одиночестве, любовь живёт только в миру. В то же время жизнь — это труд! Через труд человек познаёт мир и обретает веру — то есть знания. <...> Именно вера говорит нам: мир есть любовь! И если делиться любовью с живыми существами, то их ответная любовь может даже лечить, спасти человека. <...> От души человеческой рождается вода живая и мёртвая. Вот такая сила у истинного знания и любви!*

Ведь счастливый человек — тот, кто является частью целого мира, а не его осколком. Нужно помнить, что человек — это все люди, а предназначение людей — нести свет Бога, а значит, любовь. Любовь — закон Вселенной!»

Это полное понимание принципа работы божественных шахмат — победить можно только вместе с Создателем, приняв его правила игры. Победа должна быть не над Богом, а над собой. И другого пути нет, иначе партию придётся переигрывать каждый раз, как она заканчивается! В этих словах также сокрыт весь смысл русской духовности, русской жизни и русской культуры. Невозможно изменить весь мир и по своему желанию сделать его счастливым — измени себя. И наконец, без любви всё бессмысленно. Арефа чётко определяет смысл нашего бытия и формулирует русские традиционные ценности: любовь, вера, жизнь, труд, красота, счастье, люди, совесть. Это не просто слова, это ценности первого порядка, на которых стоит русская цивилизация и русская культура.

В этом смысле автор повести «Когда просыпается утро» подталкивает нас, с одной стороны, к истинному пониманию бытия: мы — люди — только часть огромного мира, а с другой стороны, определяет место человека в этом мире — единство с миром и сотворчество с Богом!

Арефа формулирует главный закон бытия человека: *«...счастливый человек — тот, кто является частью целого мира, а не его осколком»*. Смысл этого высказывания по-житейски прост: коллективное начало важнее индивидуального. Первичный коллектив — это семья, а народ — это коллектив семей, поэтому счастливым можно быть только в коллективе, являясь частью чего-то большего — семьи, производственной артели, народа. Поэтому и жизнь наша — продолжение жизни родителей, всего народа, а дети пойдут по проложенной нами дороге. Мы несём ответственность перед прошлым и будущим, а потому должны чётко следовать заветам предков, моральным принципам народа и божественным законам.

Это очень русское понимание жизни и мира, это наш цивилизационный проект, наш ответ западному либерализму как идеологии. Суть нашего миропонимания проста: главная духовная ценность — любовь. Умеющий любить человека будет любить и Родину, потому что он просто умеет любить. Человек свободен и осознаёт, что мерилом справедливости является не закон, а вера, нравственность и совесть. Вера как истинное знание придаёт совершенно другой смысл самому познанию как процессу, его вектор направлен не на бесконечное получение информации, а на превращение информации в знания, то есть её совестливое осмысление в категориях вреда-пользы для других людей.

Через героев старшего поколения мир русской истории непрерывно связывается с современностью и реальными людьми. Анна Павловна Чернихина соединяет советское прошлое с действительностью новой России, Арефа протягивает в настоящее нить из далёких, почти сказочных времён. Эти два персонажа связывают людей разных поколений в одно целое — в народ. Народ — это история, это люди, которые являются её частью и передают её, как память рода, из поколения в поколение. Народная мифология, фольклор и культура — это мосты из прошлого в будущее через настоящее к сердцу каждого живого человека. Здесь нужны настоящие учителя, такие как Арефа, как Черниха и как Дмитрий Иванович Корнеев.

Третий слой повести — это мир людей, наших современников. Людей в произведении много, и люди здесь разные, как в жизни, — хорошие и плохие.

Многие герои — обычные люди. Такие люди чаще всего неприметны, в них, может быть, не хватает яркости или, говоря современным языком, успешности. Они

не заработали много денег, не получили славы, не стали знамениты. Но стоит заглянуть к ним в душу, и глубина их житейской мудрости поражает воображение, а уровень образованности не ниже, чем у выпускника именитого университета. Просто они не говорят о себе, у них нет страниц в социальных сетях, они не посещают светских мероприятий, не являются обладателями модных часов и телефонов последних моделей. Но жизнь их не менее насыщенная, а иногда и более духовная, чем у людей «состоявшихся».

Сибирская глубинка проявляет богатство духовной жизни ещё более ярко. Здесь ещё живут по совести и по справедливости. Именно в таком месте, Елшанке, разворачиваются события повести «Когда просыпается утро».

Среди главных героев, кроме сельского учителя истории Дмитрия Ивановича Корнеева, можно отметить семью Зиминых: Александра Николаевича, Галину Егоровну, их дочек Зою и Русу. Это пока ещё типичная русская семья — родители и двое детей, две прекрасные девчонки, которые сохранили черты русского женского характера: решительность, доброту, красоту, умение преданно любить и жить в равновесии с миром. Лучшие их свойства проявляются в отношении к природе, к людям, молодым и старым, в уважении к родителям, тяге к познанию, причём Руса одинаково тянется к школьным знаниям и запоминает всё, что ей говорит мудрая бабка Черниха. Руса чиста, добра и открыта, она готова сражаться за правду. Чего стоит только её выходка со сковородкой, с помощью которой она бросилась защищать своего учителя от досужего навета. Она искренне верит в справедливость. Именно о ней можно сказать словами Лешего: *«Любить — значит светить сердцем и душой, кто зрит сердцем — тот видит!»*

Дети в Елшанской школе хорошие и справедливые, они умеют беззаветно любить Родину, чувствуют несправедливость и могут оказать поддержку людям, попавшим в беду. Да, они многого не понимают, во многом сомневаются, но они ещё дети, и многое им только предстоит узнать. И таких детей в сегодняшней России очень много, за ними будущее.

Корнеев Дмитрий Иванович — это пример русского учителя, настоящего, доброго и умного, а главное — верного профессии и детям. Для него урок — это настоящая жизнь, где дети получают знания и важные наставления, а не проходят темы; где вопросы детей к учителю — это норма, а ответы на них учителя — закон. Он своим примером доказывает, что жить по совести возможно. Он не боится трудностей, не бежит от них. Дети любят справедливость, доброту, честность, милосердие и отвечают на это преданностью и любовью. Есть ли сегодня такие учителя? Есть, и мы ждём, что их будет больше. Сама земля наша устала от лжи и фальши, соскучилась по справедливости и людям, для которых жить в равновесии с природой и по совести — это нравственный закон, а не боязнь сурового наказания от государства.

Таковыми людьми, как Корнеев и Зимин, нравственный закон движет в обыденности, приводит их к мысли о покупке дома для Чернихи. Это настоящее проявление жизни по совести, когда человек бескорыстно помогает другому, часто в ущерб самому себе. Такие люди не боятся смотреть в завтрашний день, для них завтра начинается сегодня, и, когда просыпается утро, они просто живут, думая о тех, кто рядом с ними.

Повесть «Когда просыпается утро» посвящена людям новой России, обществу, которое только зарождается, которое ещё будет. Наша идеология только формируется,

её формулируют люди, а не государство. Она формируется вокруг ценностей, которые впоследствии превратятся в целостную идеологическую концепцию. Но пока всё это можно свести к простой формуле: любовь — справедливость — труд — семья — народ.

Нравственный закон — это и осознанная любовь к Отечеству, осознанная как необходимость и почётная обязанность, это служение Родине и народу. Герои повести искренне ищут сопричастности родной земле, её судьбе. И убеждаются, что счастье, ни своё, ни общее, невозможно построить в одиночку. Для нас, как народа, первостепенно глубинное ощущение «я» в «мы» как неотъемлемой части целого, как потенциальное развитие своей индивидуальной сущности на пользу всему обществу людей. Человек становится личностью только среди людей, когда его субъективное начало подчинено коллективным интересам, а его развитие происходит только со всем обществом вместе и одновременно.

Нравственный закон намного шире, чем нам кажется, он не ограничивается жизнью конкретного человека. Он выходит за её пределы, передаваясь от поколения к поколению. Проживая свою жизнь, мы часто не понимаем, за что нам выпадают те или иные испытания. Мы считаем их несправедливыми, обижаясь за трудности то на Бога, то на людей, то на обстоятельства. И у нас складывается впечатление, что мы отвечаем за грехи прошлого.

Действительно, мы не можем отмахнуться от наших предков, так как связаны с ними живой нитью рождения, кровью родства, духом народного бытия. Мы не можем отречься от своей истории, от своих родителей, дедов, далёких пращуров, а если смогли — значит, перестали быть людьми. Память рода связывает нас в единое

целое. Поэтому совершать добрые дела нужно не только для самих себя и дня сегодняшнего, но и для новой жизни, чтобы не перекладывать свои ошибки на будущие поколения.

Мы собственным примером должны показать нашим потомкам, как жить по законам Божиим в равновесии с миром и природой. Праведная жизнь — это очень ответственно. Память рода — это когда наши поступки влияют на наших потомков напрямую через нас, через кровное родство, и они несут за них такую же ответственность, как и мы сами.

Смерть отсекает нашу жизнь от жизни наших детей и внуков, но не ставит на этом точку. Всё продолжается, несмотря на то, что нас самих уже нет. Смерть как ночь, которая отсекает новый день от уже прошедшего. Ночь сохраняет память о вчерашнем дне. Сон позволяет осмыслить ошибки и исправить их в дне новом. Но память ночи, как и память смерти, хранит все наши деяния и их последствия и заставляет нас и наших потомков нести ответственность за ещё не оплаченные счета нашей жизни. Поэтому историю своей страны нужно не только знать, но и бережно к ней относиться. Чтобы помнить всё до мельчайших подробностей.

Представьте двух молодых людей, которые утром не могут вспомнить прошедший день. Они помнят, кто они, но не помнят событий вчерашнего дня, а люди, окружающие их, не только помнят, но и оценивают их поступки. Ночной сон для них — это смерть, перерождение, а утро — это новая жизнь.

Чтобы никого не обидеть, одного будем называть Первым, а другого — Вторым.

И вот ранним утром они оба выходят из своих домов и направляются по делам. Оба куда-то спешат. Жизнь

для них началась с чистого листа, и мир по отношению к ним нейтрален. Каждый из них в течение дня совершает поступки. Их поступки спонтанны, навеяны ситуацией, а сами молодые люди воспринимают мир пока безоценочно.

Первый, пробегая мимо пожилой семейной пары, которая пытается перейти дорогу, отказывает им в помощи, ссылаясь на свою занятость. По той же причине он отказывается помочь мальчишке, у которого слетела цепь на велосипеде. Когда хулиганы нападают на девушку, чтобы отобрать её нехитрое имущество, он проходит мимо.

Второй же, наоборот, увидев двух пожилых людей, помогает им перейти дорогу. Помогает мальчишке поставить велосипедную цепь на место. Приходит на помощь девушке, на которую напали хулиганы.

День закончился, начинается другой. Молодые люди вновь выходят из своих домов.

И вдруг Первый замечает, что люди после ночи-смерти отворачиваются от него, проходят мимо быстрым шагом или даже переходят на другую сторону улицы. Он не может понять, в чём дело, недоумевает и злится. Молодой человек неистовствует, начинает мстить людям за их нелюбовь.

Второй же, тоже пережив ночь-смерть, встречает утром доброжелательных людей, которые улыбаются ему, здороваются с ним. Мальчишки приветствуют, старики кланяются, а девушки с любопытством смотрят на него. Второй не понимает, почему так ведут себя люди, но он счастлив и старается ответить добром на доброту людей. Ему кажется, что люди всегда добры.

Так и в жизни. Мы совершаем много поступков, хороших и плохих, но, проснувшись утром, идём в новую жизнь с багажом прошлого, с нравственными принципа-

ми и сформированным характером, который и определяет счастье новой жизни, её качество, отношение людей к нам.

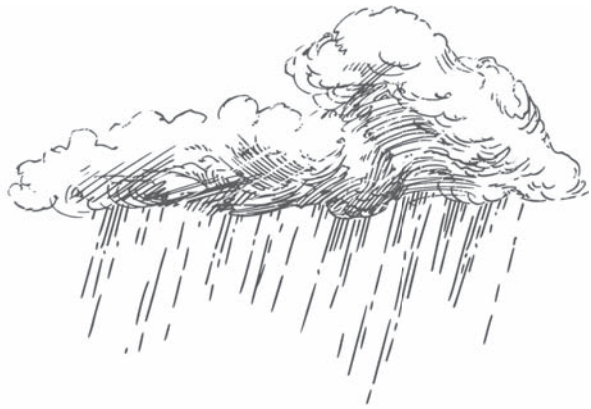
Мы не всегда помним прошлое, но пользуемся им — каждый по-своему, кто что заслужил. И задача только одна — искать ответы, изменяя себя, исправляя свои поступки, обретая новые смыслы жизни и формируя своё отношение к людям. И делать это нужно каждый день, и не только ради себя, но и ради потомков. История — это не только прошлое, но и наше будущее, которое неизвестно как отразится в наших детях, если нам не испытать чаши правды о себе самих, не начать менять свою жизнь прямо сейчас.

Вот как зависит от нашей праведной жизни, наших поступков жизнь будущих поколений. Мы формируем их будущее, а они, благодаря нам, проснувшись после ночи-смерти, не помнят и не знают о нас, живут своею жизнью, которую строят на фундаменте наших подвигов и предательств.

Мы часто живём одним днём, забывая о жизни вечной, забывая о любви и вере, забывая о природе и Боге. Но протянутой руки любящего человека иногда достаточно, чтобы вернуть нас к настоящей жизни.

Повесть «Когда просыпается утро» возвращает нас к нашим истокам, помогает установить связь с прошлым, понять преемственность поколений и собственную ответственность за будущую жизнь. И, главное, помогает понять, что мы способны сделать её счастливой. А для этого нужно просто поверить в самих себя и протянуть руку тем, кто готов её принять как знак симпатии, уважения, дружбы и любви.

С. В. Федорчук

Лилия

Сегодня небо было чистым, до знойной белизны, его горячую любовь чувствовала земля, она затихла, объятая жаркими крылами небосвода от края и до края. И солнечный круг, будто специально и назло всему живому, катился очень медленно, так медленно, что было видно, как вокруг раскалённого диска дрожал прозрачный воздух. Даже ветер спрятался в кустах густого осинника, притих до поры в мелкой траве, и только скорая девочка, бегущая напрямки, потревожила его сладкую дремоту.

У небольшого лесного озера под сводом огромной и кривой ветлы присела старуха, похожая на чёрный полустлевший пенёк, и делала нечто невообразимое и тайное, вовсе непонятное, а оттого страшное. Она деревянными граблями расчёсывала воду в озере, будто его расчесать можно.

«Колдует», — решила Руса, но отступить не стала, присела около старухи и зачем-то шёпотом спросила:

— А что вы тут делаете?

Старуха обернулась и обрадованно удивилась:

— Руска здесь! В гости пришла или опять в дому не лад?

— Не лад, бабушка, отец ругается, сотик обещал отобрать, сказал, что я с ним дурой сделаюсь.

— Сотик? Соты медовые или игрушку телефонную?

— Да нет, бабушка, зачем бы он мёд отнимал, телефон, конечно.

Тем временем к берегу старуха подтянула несколько белых кувшинок. Таких ярких и красивых, какие только во дворцах бывают. Но здесь их было много, они покоились среди плавающих на воде овальных листьев, крупные лилии, молочно-белые с жёлтой серединкой.

— Цепляй, девка, попроторнее меня будешь.

Руса схватилась за бабкину юбку, коричневую и грубую, будто сосновая кора, и потянулась к воде, одним хватом завладела лилиями, потянула на себя.

— Ловка, хорошей бабой будешь, своего не упустишь! — похвалила старуха, пока Руса тянула длинные змеистые цветочные стебли из воды.

— Зачем они тебе? Венок на голову плести?

— Стара я себя красить. Настойку сделаю, подруга у меня захандрила, сон потеряла. И от давления. Таблетки совсем дорого получается. Вот я её и полечу. А ты думаешь, отчего лилии одолень-травой прозвали? За то и прозвали, что в сон клонит и сердце умиряет.

— Чудные цветы, и очень красивые. И название красивое — лилия! Наша, елшанская, или чужая?

— Да нет, гречанкою она была, девка совсем молодая, Нимфея её звали. Влюбилась она в парня, а тот то ли не понял, что к чему, то ли какую другую бабёнку сыскал, однако погибла Нимфея, утопла или сама на себя руки наложила — то мне неизвестно, да в лилию превратилась. Вот отчего она ночь на дне горюет, а утром поднимается, умоется зарёю и возлюбленного своего ждёт.

— Бабушка, я про больную спрашиваю, которую ты лечить будешь: из нашего села или приезжая?

— А, эта-то, наша, а я тебе всё про лилию рассказываю. Болящая-то наша, я редко далёких лечу.

Руса понюхала кувшинку:

— Тиной пахнет, сладко.

— Пойдём, до дома не успеть, до дома всё озеро обходить надо, а тут у меня шалашик есть, спрячемся от дождя.

— Бабушка! Какой дождь, на небе ни облачка!

— Глянь, кувшинки прячутся, если не ночь скоро, то непременно дождь.

И действительно, Руса увидела, как кувшинки стали закрываться, у некоторых лишь венчики-луковицы над водой остались, а некоторые только спохватились.

— Берегут они свою красоту, — проворчала старуха. — Вот и ты береги. Красоту сберечь трудно, а попортить легко. В жизни и дождь будет, и град, и ненасть всякая, а ты берегись. Не дай сердце ранить.

Руса шла за бабкой, неся в руке лилии с длинными хвостами, столь длинными, что те по траве волочились.

Старую женщину хоть и звали Черниха и многие почитали за человека странного, но Руса уже знала, что настоящее её имя Чернихина Анна Павловна и работала она в колхозе имени Калинина дояркой всю жизнь. Но наступил день, когда разорили колхоз, потом разграбили коровники и колхозную контору, ещё совсем новую, несколько лет как обжитую, а потом и Дом культуры растерзали по кирпичику. Обиделась старуха на всех: и на «нюни пустившего» председателя, и на колхозников, кинувшихся своими земельными паями торговать, и на фермеров, вырывающих с корнем себе в дом то, что ещё вчера было общее и общими трудами созданное. И когда подоспел завалиться её старенький домик, ушла Черни-

ха из деревни на озеро лесное в Еловый Падун, и поселилась там в заброшенной вековой избе, которой, по её словам, сносу нет.

Чуть прошли, вот он и шалашик в тонком березняке, будто крыша на земле стоит, ветками и камышом крытый.

Вдруг громыхнуло, раз да другой.

— Сапоги обул, — старуха уселась поглубже, взяла из рук Русы лилии и уложила в уголок, а сама принялась выискивать нечто в юбочных складках.

— Бабушка, — не поняла Руска, — кто сапоги обул?

— А вот увидишь.

На улице тем временем начал медленно гаснуть свет, огромная туча напозла и остановилась над озером.

— Пригнал корову, сейчас пока не подоит, не отпустит.

— Да кто же, бабушка? Загадки у тебя страшные. Это туча, а до этого гром был, а сейчас гроза будет и, может, даже дождь пойдёт.

— Это по-вашему так, а по мне иное: пастух небесный сапоги обул да корову погнал, а теперь доить будет, а чтобы она выдоилась вся, он её молнией сечь начнёт. И прольётся дождик; как молоком, напоит деточек своих на земле: всякое деревце и кустик, всякий цветочек и травку. Детям без молока никак нельзя.

— А бить-то зачем?

— Для пользы, и для порядка. А какая корова без бича порядок понимает?

Но громыхнуло вдруг не над головой, а чуть в сторонке, и эдак дробно убежало прочь. Потом опять сверкнуло, и где-то вдали остался гром, отозвался эхом, и только влагой повеяло. И вдруг над озером, березняком

и шалашом зашуршал тихий дождик. Капли сыпались на берёзку, потом срывались на листья веток шалаша и по спинкам листочков, прыгая озорно, будто наперегонки, сбегали вниз, до самой земли и прятались в траве.

— А это чей шалашик? — спросила Руса, оглядывая домик.

— Наш, общий, когда я загляну отдохнуть-отдышаться, когда Леший здесь подремлет, отдохнёт.

Тем временем старуха справилась с юбкой и из глубокого кармана достала кусок хлеба, переломила его и половину подала Русе.

— Посластись, хлебушек из амарантовых зёрен и картошки. Подсушила правда, не уберегла.

И только сейчас Руса поняла, насколько она голодна.

— А на отца не обижайся, — вдруг сказала Черниха. — Он прав, потому что любит.

Курная изба

Бревенчатый дом на берегу лесного озера был под стать хозяйке — бабке Чернихе, всё несуразно, странно и таинственно. Говорят, что построил его ещё в стародавние времена местный купец, который промышлял торговлей лесом. Потом в доме скрывались красные партизаны в Гражданскую, когда Колчак отступал, потом там прятались сами колчаковцы, потом дом стал заимкой председателя колхоза, охотники из районного начальства в нём жили, а когда власть в стране обратно поме-

нялась, колхоза скоро не стало и в доме том самостоятно поселилась Черниха.

Примечательно и место того дома на самом дне Падуна, склоны которого отличались крутизной и густо растущими елями и берёзами. Дом ни с какой стороны не просматривался, дорога никакая к нему не вела, только заросшая, но днём видимая тропинка от края села Елшанки. Вот такая география, и неудивительно, что именно в здешних местах все чудные события и вершились. Всё здесь перемешалось, и время, и люди, а оттого, верно, характер непростой сохранился. Любой дом или квартира городская — это же шкатулка ценностей, которая имеет связь не только с прошлым, но и с нашими думами и переживаниями.

Однако Черниху попытался выселить из дома местный фермер, скупивший колхозные земли. Так и выгнал же её, как собаку, со двора, но находиться в доме не смог — когда он заходил внутрь, дом начинал, по его словам, «гудеть в мозгу». Дом посчитали проклятым, а Черниху ведьмой. Потом пошли слухи, что дом заговорённый и под каждым углом закопан покойник. Лихой у нас народ на выдумки, а может, и верно треплют. Кому рыть-проверять придёт в голову?

В то же время, когда обстоятельства припирали и районные врачи не могли помочь, а платные были не по карману, люди обращались к Чернихе, и она очень часто и совсем умело помогала болящим. По этой причине её «дурость» стали не замечать, а фермер и вовсе успокоился — из-за боязни, что ведьма может напустить порчу, да и на кой ему дом с покойниками.

Сам дом построен в одну комнату из толстенных почернелых от времени листвяков, толщиной в два обхвата.

Зачем строить дом из таких неподъёмных брёвен, никто не ответит, а крыша односкатная, как у сарая, с толстым слоем мха на глиняной стяжке, сверху земля с пышной растительностью, которая сплелась плотным ковром. Дверь низкая, но широкая и без порога, не споткнёшься. Окно одно с видом на озеро, маленькое, однако в ясный день плотный столб света пробивал комнату и упирался в висевшую на стене чёрную сковороду. А пол сделан из распиленных вдоль брёвен всё того же лиственника, такой не сгниёт и не промёрзнет.

В углу, от входа слева — распятие Христа. Не маленькое и абы как сделано, а вырезано из твёрдого дерева. Есть в наших краях берёза с особо прочной и лёгкой древесиной, во время войны из неё делали пуленепробиваемые кабины самолётов, приклады для ружей и ложе для автоматов, а ещё челноки для текстильных машин, по которым скользила нить. Такие челноки служили дольше металлических. Эта древесина называлась берёза Крылова. И распятие то прежние хозяева закрепили надёжно, оторвать не было возможно, — такой вывод вытекал из царапин и вмятин на стеном лиственнике, которые были свидетелями вандализма. Но Христос устоял.

Но и на этом не всё! Дом-то, собственно, и не дом, а курная изба, потому что топился по-чёрному. Печь, сбитая из глины и камня, походила на перевёрнутый чугунок, и стояла она на столе из каменных глыб, плотно притёртых друг к дружке. Вот говорят, что учёные до сих пор не могут понять, кто и как построил египетские пирамиды, а кто бы нам рассказал, зачем и кто приволок сюда гранитные валуны по тонне весом и лиственники для стен дома в два обхвата, которые если и росли такой толщины, то не ближе двух часов пешего хода.

Почернелое полукруглое дышло печи смотрело на дверь, однако дым выходил из топки, поднимаясь, упирался в потолок и стекался к верхнему краю ската, ниже ограничивался широкой полкой вдоль стены и вытекал через верхнее окно, которое сделали просто и незатейливо: вырезали колоду из верхнего звена сруба и слегка затесали вокруг отверстия изнутри и снаружи.

По зиме курную избу заносило изрядно, однако дымовое окно всегда было чисто, значит, строили с умом и расчётом, и пониманием наперёд. Летом дымовое окно оставалось открытым, а зимою, после протопки печи, закрывалось специальной мешковиной, и тепло сохранялось до утра, да так, что и без тапок было тепло дойти до ночного горшка.

Слева от печи дрова стопкой, ухваты и кочерга, на полке чугушки — большой и малый. Сковорода висела, как теннисная ракетка, над кадушкой с водою, и тут же на стене — черпак с длинной ручкой. Справа от печи таз цинковый на табурете, над ним умывальник с мятым боком и без крышки, вместо полотенца тряпка, серая, но мягкая.

А посреди комнаты — стол письменный, под листом треснутого пластика на столешнице виднелась порванная зелёная материя. Понятно, что этот стол когда-то был принесён из сельсовета, возможно, из клуба. Под окном — широкая лавка и такая же лавка вдоль дверной стены, на которой висели травы пучками и вениками, будто на выставке.

Потолок в избе чёрный, но без налёта сажи, а прочие стены чисты. В курной избе не водились мыши и насекомые, потому что запах дыма, пропитавший стены, отпугивал всё живое, даже комариный гнус не заглядывал

в курное окно. Дым же защищал дом от гнили, вот отчего он, простояв две сотни, а может, и более лет у сырого озера, до сих пор не сгнил.

Кроме бабки Чернихи в доме, по её уверенному убеждению, жил Домовой, вечно нечёсанный, но аккуратного характера мужичок — он жил за печью, и злыдни, маленькие существа, реально злые, жили где придётся, но в основном под лавкой у окна, сидели вкруг и играли в карты.

Руса любила бабкины сказки-рассказки о чудных сожителях, посмеивалась над её наивностью, но, ненароком и не так чтобы явно, пыталась разыскать Домового.

Однажды, уже к августу, когда Руса прибежала проведать старушку, та ходила по избе с мокрой тряпкой и гоняла кого-то.

— Ах вы, злыдни нечёсанные! — ругалась Черниха, замахиваясь на кого-то хлёткой тряпкой. Со стороны смотрелось потешно, и Руса хохотала над Чернихой до колик в животе.

— Ой, бабулечка, хватит! — смеялась она. — А то всех злыдней перебьёшь, одна останешься.

— А я и так одна на этом свете. Вон, — показывала старуха под глубокую лавку, — опять сели в карты играть. Кто проиграет, тому щелбаны бьют, и оттого дерутся.

— Так нет тут никого! — Руса сорвалась с места, схватила веник и ну шерудить под лавкой. — Нет никого, только пыль.

— Ты их ещё видеть не научилась! Вон, смотри, и Копилка пришёл, это их старшой. Он как-то убежал от щелбанов, да лбом о косяк саданулся, рубец остался, вот они его теперь Копилкой зовут.

— А за что же ты их гоняешь, бабушка? Пусть себе играют.

— Так ведь дерутся, да так, что я потом в дому ничего найти не могу. Озорники, всё раскидают! Но бывает, Домовой проснётся, они его уважают, и тогда ничё, порядок. Но Домовой уже старенький, совсем плохонький, всё время спит, вот там, за печкой.

Однако за печкой Руска никого не находила, и её ещё больше веселили бабкины фантазии. Но однажды, когда она заскочила по поручению старухи в дом за ведром, вдруг увидела маленького кудлатого старичка, который, как тень, метнулся за печь. Руска кинулась за ним, но увидеть впотьмах никого не смогла. Да и Черниха уже нетерпеливо звала: «Куда провалилась?»

А бывали дни, когда старуха вдруг начинала рассказывать истории из древней жизни.

— А откуда ты знаешь? — любопытничала Руска. — Ты же тогда не жила.

— Так Домовой рассказывает, и злыдни иногда усядутся на краешке скамьи и прошлое вспоминают. А если им бражки налить, то до полуночи не угомонишь потом, спорят, опять же тумачи друг другу раздают и рассказывают. Весёлые они, но глупые. Ох и бестолковые, а сами маленькие, плешивенькие. Говором не говорят, только, как собаки, лаются.

— И что же они рассказывают? — сгорала от любопытства Руска. — Расскажи, бабушка.

— Да что говорят, врут всякое, наверное. В Гражданскую, говорят, в тысяча девятьсот девятнадцатом году тут колчаковцы остановились ночевать, а наши партизаны, как их завидели, дёру дали, потому как партизан трое, а колчаковцев десятка полтора. И был среди них раненый,

сильно побитый солдатик. Стонал, плакал, помирать не хотел, но к утру помер. А кругом нас болотина, могилку не выкопаешь, да и ноябрь на дворе, замёрзло всё. Вот и решили его утопить в озере. Привязали камень к ногам и по льду на середину озера понесли. А хоть и конец ноября, да лёд всё равно тонкий, так утопи все, кто нёс солдатика. Так все человек пять и ушли на дно, никто не выплыл. А прочие, что на берегу, на лёд, понятно дело, ступить боялись.

Бабка повздыхала, присела на скамью, утёрла руки о подол и замерла, будто уснула. Но потом вдруг вздохнула и говорит:

— Мужичков жаль, ихнего брата и так не хватает, то дерутся до смерти, то пьют до безумия, то стреляют друг друга, то тонут почём зря. Мужик, как спичка, подождёт бабу дитём, а сам сгорел, и нет его, — Черниха опять умолкла, но теперь Руса поняла, что бабушка вспомнила что-то своё, сокровенное.

— Бабушка, а почему я Домового не вижу, а ты видишь?

— Поживёшь, настрадаешься и увидишь.

— А что, только от страдания? А просто так никак нельзя увидеть?

— Почему, можно. Но человеку почему-то горе глаза открывает и очень редко — радость. А больше слепым всю жизнь живёт. Так душа его и не раскрылась на добро. Помнишь, как лилия на зарю расцветает. Так и душа человеческая раскрываться должна. Но твоя зацветёт лилией, ты всё видеть будешь, и Домового, и плохих, и хороших людей, душа у тебя тонкая, ранимая и мужественная. Что-то я тебе расскажу, а больше ты сама увидишь. И всё знать будешь, и всё запомнишь, а потом людям расскажешь.

— А почему ты не расскажешь? Ты же знаешь, ты же видишь — так и расскажи, зачем молчишь?

— Не поймут меня люди, рано ещё им знать, не впрок могут оказаться знания мои.

— Ну как же не впрок, бабушка? Знание — это сила! — Руса задумалась и уверенно мотнула головой. — Так нам наш учитель Дмитрий Иванович говорил: «Знания — это сила!»

— От ума и беда бывает, не всегда знания впрок человеку. Вот ты скоро узнаешь, что на нашем озере Леший живёт, и Сом стопудовый.

— А Дмитрий Иванович говорит, что потусторонних сил не бывает.

— А что знает твой учитель? Только то, что в книжке прочёл? Значит, ничего он и не знает. Книжки они для ума хороши, а для души другие знания нужны, но душа должна быть готова, вот как человек. Ты же в школу в семь лет пошла, а не в три годика, выросла, и настал срок в школу пойти. Так и душе для знаний подготовиться надо, силу набрать. И такие знания, о каких я говорю, такие знания — это власть. А власть должна быть не только в чистых руках, но в чистом сердце.

— Знания — это власть! — повторила Руса. — Здорово! Но так не бывает. Посмотри, вокруг всё иначе! Разве не так?

— Так. Оттого мы все не живём, а страдаем. Тебе уже это понимать надо. Да... — глубоко вздохнула Черниха. — Вместо того, чтобы радоваться, страдаем. Хотя, с другой стороны, тот, кто настрадается, может и радость обрести.

БЫК

В доме было тепло и тихо, только за печкой вздыхал и шлёпал губами Домовой.

— Бабушка, а я слышу, как Домовой спит, — прошептала Руса.

— И как губами лопочет и похрапывает?

— Всё слышу!

— Если слышать начала, значит, скоро и видеть будешь. Ну и пойдём на русь, света вон там сколько!

— Я телефон тут оставляю, чтоб не потерять. У тебя всё равно не ловит. А дома я сказала, что к тебе пошла, не потеряют.

— Так и оставь, целее будет.

Вышли на свет и аж зажмурились — так ярило солнышко. Встали на берегу: старая скрюченная бабка, с седыми патлами, прикрытыми косынкой, завязанной сверху узелком с торчащими кончиками, а рядом девушка-подросток, уже выше старухи, стройная, но ещё по-детски суетливая.

— В твои годы я уже на быках сено, дрова возила, а потом как в коровник ушла, так всю жизнь с бурёнками и провела. Прежде учиться хотела, но война все планы победила, потом, после войны, работать некому было, половина мужиков в чужой земле залегли, колхоз надо было поднимать, мужиков опять-таки рожать, как без мужиков... Эх, без мужиков тоже плохо.

— Дмитрий Иванович говорит, что во время войны женщины трактористами работали, землю пахали. По-геройски, как на войне.

— Да какое там геройство, работали вместо лошадей: я и баба, и мужик, я и лошадь, я и бык. Правильно, женщина в колхозе всё делала, потому как на всю деревню нам одного мужика оставили, механика. И я хотела на трактор, но кто девчонку пустит, мне тринадцать было, когда война началась. Вот и определили меня к коровам, а прежде быка дали, чтобы я на нём сено с полей возила. А ты знаешь, что такое быком управлять? Это тебе не мужик в доме, которого всегда ухватом в чувство привести можно, а то — бык! Он же упрямый, ты ему, мол, поехали, и прутиком по хвосту, а тот стоит. Ты его за кольцо и давай тянуть, а он как вкопанный. Ты знаешь, что кольцо быку в ноздрю вставляли?

— Да откуда же, бабушка? У нас теперь и быков-то нет, да и коров мало, сейчас всё иначе.

— Иначе-то иначе, да не лучше, — старуха уселась на берегу озера прямо на землю и погладила траву. — Сидай рядом, посиди на коленочках у земли-матушки, пока тепло.

Руса уселась рядом, понимая, что старушка что-то рассказать хочет.

— И вот поручили мне привезти сено в коровник. А ехать — в поле, к стогу, накидать и вернуться. Делов-то на копейку. Дали быка, телегу. Я его запрягла. Как прягла — отдельная тема. А не поверишь, бычара с дом, и рога — как у тевтонского рыцаря, вместо башки каску поставь — точно немец, — бабка подняла над головой руки, изображая рога. — Кривые. Сначала так, а потом вверх, да ещё с изгибом. Если под ребро попадёт, все кишки на один рог намотать может.

Руса прыснула со смеху, потому что старушка в этой тёмной цветной кофте, коричневой юбке и с узелком на

голове, да ещё и с рогами, показалась ей такой смешной, что удержаться не было силы.

— Вот тебе смешно, а мне не до смеху было. Что я, соплюха, как ты, а задание — комсомольское, первое, от того, как выполню, так и жить буду, — бабка привычным движением утёрла губы, в глазах сверкнула улыбка. Очевидно, что ей самой нравилось окунуться в те далёкие детские годы. — До поля добрались кое-как за полдня. Сено я наскирдовала на телегу мигом. Девка я была здоровая, справная, что такое хворь или недомогание какое, не ведала. И вот, надо ехать обратно, а он почувал вес, я-то нагрестила от души, и бык мой сник, стоит гад, не шелохнётся. Я его и прутиком, и за кольцо, и пару раз матюкнула от всего своего девичьего сердца, а он возьми и вовсе лёг. Ты представляешь, скотина какая! — вдруг удивилась старуха.

Руса повалилась на траву и ну кататься со смеху.

— Бабушка, тебе только в кино сниматься!

— В кино... Это мы сейчас смеёмся, а мне в тот день не до смеху было. Я — плакать, а он даже глаза закрыл и чуть ли не в храп. День-то уже к вечеру катится, а бык спать завалился. Присела я около него, плачу и говорю: «Скотина ты рогатая, понимаешь, что это моё первое комсомольское задание, осенью меня в комсомол принимать должны, а из-за тебя мне теперь что, всю жизнь в пионерах ходить? Я комсомолкой хочу быть!» И что ты думаешь, бык этот, как про комсомол услышал, глаза свои бесстыжие открыл, голову поднял и давай подниматься. Я от него аж кубарем летела. И зашагал в Елшанку, да не просто зашагал, а прям будто что вспомнил или понял про мою комсомольскую ответственность. И прямиком к коровнику. Приехали! Я села на чурбак, и в слёзы. Бабы

обступили: «Чего ревёшь?» Я им и рассказала. Так с тех пор того быка прозвали Комсомольцем.

Руса молчала, о чём-то сосредоточенно думала, потом сказала как рубанула:

— Я так жить не хочу!

— Как так?

— Тяжело не хочу!

— Ну, девонька, от тебя это не всегда зависит. Жизнь может так повернуть, что и на чертях пахать начнёшь. Жрать захочешь, сама запряжёшься. Опять-таки мамка с папкой не вечные.

— Не хочу я так жить!

— А как будешь?

— Счастливо. Радоваться хочу, учиться, маме помогать!

— Глупая ты ещё. И мы хотели счастливо, и смеяться, и есть от пуза. Мы, что ли, войну ту затеяли? Тут либо пахать, либо под фашистом лежать. А мы не захотели, для нас смерть была краше фашистской власти. Недавно одна сволочь мне говорит, зачем, мол, такие жертвы были? Уйму народа от голода в Ленинграде уморили. Сдать надо было Ленинград, и меньше бы погибло. Ты представляешь?! Им лучше рабами, только бы жить, а как — неважно! Да и невдомёк ему, убогому, что говорить о героях так нельзя, потому что такие слова есть над подвигом их глумление, над памятью об них, несчастных. А нам слушать их — позор.

— Всё равно, — злилась Руса, — я не буду так жить! Не хочу и не буду! И фашистов больше нету! И никогда не будет!

Лицо Русы налилось гневом, щёки загорелись ярким румянцем, глаза сверкали. А старуха будто не видела этого, махнула на Русу рукой.

— Ой, не скажи «не будет», куда б они делись! Фашизм, детонька, непобедим, и где он — сразу не поймаешь, пока он тебя пожирать не начнёт. Фашизм — это даже не рабство, у рабства — рабы ещё люди, а у фашистов людей нету, есть скоты человеческие! А нынче-то их сколько развелось...

— Я и под фашистами жить не буду, и как вы жили, тоже не хочу! Не хочу «я и лошадь, я и бык»! Не хочу!

Руса подхватила и побежала прочь.

— Э-э, всё бегаешь, девка, — погоревала Черниха. — Ничё, родишь, остепенишься, дурь-то поубавится, а разуму прибавится. Уму нашему всё впрок — и роды, и похороны, и хождение за три моря.

И вдруг вспомнила старая, позвала:

— Руса, а телефон на столе?! Телефон свой забыла!

Но куда там, унеслась будто вихрь.

Домовой

Домовой давно поселился в старой избе на берегу озера в Еловом Падуне. Он в точности не знал, сколько времени прошло от того срока, но хорошо помнил тот день, когда понял — здесь ему будет спокойнее и интереснее. Он приволок свой нехитрый скарб и обосновался в избе, что называется, до конца, до самого последнего срока.

В тот день была весна, он сидел у окошка, и беззаботно разглядывал происходившее за окном. На берёзе, стоявшей неподалёку от дома, появились вороны

и принялись выбирать место для гнезда. И Домовому отчего-то сразу показалось, что они, в сущности, ещё очень молоды и строят свой первый домик. Ворона-жена сидела на ветке и била клювом по дереву, указывая, где должно закладывать гнездо. Её мужик сомневался, прыгал по веткам, косил на неё влажным глазом и предлагал иные, более остроумные и способные решения. Баба стояла на своём, поднимала крылья и честила его так, что оставшиеся с осени листья сыпались вниз. Наконец ей наскучила эта беседа с прошлогодним привкусом, она опустилась на землю, искоса поглядывая на других ворон, потом одумалась, подобрала сучок, показавшийся ей необходимым, и унесла его на избранную ветку. Мужик подлетел ей помогать, но тут же уронил почин. Баба заорала так, что тут же полысели и ближние берёзы. После краткого нравоучения она перелетела на соседнее дерево и замерла в позе насмешливого наблюдателя.

Мужик спокойно спустился за утерянным материалом и попытался пристроить его на обозначенном месте, и вновь без удачи. Примерно после часа кропотливой работы ему всё-таки удалось утвердить меж ветвей первый венец. Он обернулся в сторону надменной и насмешливой древесины и кратко высказался. Супруга подлетела, слегка потрепала его по холке и даже решила помочь.

Ещё дотемна они закончили работу. Ворона устроилась в гнезде и, высказав что-то совсем не ласковое, принялась выклёвывать из себя пёрышки и затыкать ими неопрятные щели.

— Ишь ты, а ведь везде жизнь! — удивился Домовой и пожалел, что раньше не было у него досуга, чтобы раз-

глядеть вокруг себя эту вроде бы постороннюю, но такую значимую и понятную суету.

— Всякая тварь в неё упирается в этой жизни, — проворчал он, — вроде бы, в пустоту, а получается, что в себя. И бабы, вот хоть с крыльями, хоть без, такая же тварь, как и везде.

И вот тогда, может быть, в тот самый день, к сожалению или нет, но навела его эта законная возня на мысль жениться. Тем более что по ту сторону озера, чуть правее, как раз у болотистого берега, заметил он симпатичную Кикимору. Ну, не так чтобы молодуха, но и он не первой свежести кавалер.

Однако возраст и приобретённый опыт не позволяли торопиться. Прошёл год с той весны, наступила новая оттепель, хмурилось утро, сырой туман мыл окно, ревматизм и скука сделали своё дело, и решился-таки Домовой свататься. Но не звать же молодую жену в стылый дом, решил истопить. Бился над растопкою час, отсырели и дрова, и спички. Плюнул на растопку, решил так сходить, вдвоём всё равно теплее, а может, Кикимора сноровистее будет огонь разжигать. Надел штанишки новые, сюртучок клетчатый, праздничный, шляпу фетровую, пару лет как забытую каким-то туристом, сапожки сыромятные и шагнул за дверь. А туману наволокло! И не заметил колоду, так и врезался в неё со всей своей праздничной решимостью.

Домовой не ругался, не сетовал, посидел на земле около колоды, сбил со шляпы мусор, встал и так же решительно вернулся в дом.

— Не судьба, — сказал он злыдням, достал из-за печи веник и скоро из него соорудил чучело, повязал его платком, поставил в угол, полюбовался и решил, что от

такой жены беды точно не будет. И зажил тихой и умеренной жизнью.

Русин телефон Домовой обнаружил случайно. Злыдни, по обыкновению ругавшиеся под лавкой, забрались на стол и мирно шептались, — и это было странно и непривычно. Домовой, побряхтев, влез на стол, шуганул плешивых, но задержался. Перед ним лежало что-то совершенно необычное — камень не камень, плоская диковинная штукавина, пугавшая и манившая одновременно. Домовой с любопытством протянул лапку, но тут же рухнул со стола: это штукавина вдруг ожила и засветилась. Злыдни захихикали из-под лавки.

Под столом Домовой сидел долго, однако любопытство победило, и он вновь забрался на стол. Странная штука блестела, и Домовой опять прикоснулся. И опять вспыхнул экран. Домовой только отпрянул, но остался на столе. Скоро камень вновь потух. Домовой прикоснулся — ожил, прошло некоторое время — потух. Опять и опять. Наконец Домовой решился и взял эту диковину в лапки и начал тыкать в кругляшки на экране.

Вдруг раздался гудок, и кто-то сказал:

— Слушаю.

Домовой от удивления выпучил глаза и потерял дар речи.

— Алло! Руса, слушаю тебя!

— Чего? Ничего нет тут, — робко ответил Домовой и огляделся вокруг: очевидно, что говорили всё-таки из этого чёрного камня на столе. Он поднёс его к уху, так было лучше слышно, и камень спросил:

— А вы кто? Представьтесь, пожалуйста.

— Так а что? Так ничего нет. А ты-то чего?

— Я учитель, Корнеев Дмитрий Иванович. Пожалуйста, скажите, где Руса?

— Так и ничего. Никого нет. А тебе-то чего?

А вокруг Домового уже собрались любопытные злыдни, и старший даже потянулся к телефону. Ему тоже хотелось поговорить.

— А ну! Отсель! — закричал на них Домовой. — Чесноку дать?!

В это время в дом вошла Черниха.

— Это что ещё такое! — она схватила веник. — Уже на стол повадились?!

— Алло! Анна Павловна! Это вы?

Черниха подняла упавший на стол телефон и произнесла с достоинством и растяжкой:

— Слушаю вас.

— Анна Павловна, это действительно вы?

— Конечно, я.

— Анна Павловна, а где Руса?

— Домой убежала, а телефон у меня забыла.

— Ну, спасибо, а то я уж испугался за Русу. А кто сейчас со мной говорил?

— Как кто? Домовой мой, вы не обижайтесь на него, он безграмотный, но добрый.

— Странно, Анна Павловна, но около вашего дома связь не берёт?

— Ну, как не берёт? Всяко бывает...

И связь тут же прервалась, а телефон сообщил:

— Вызываемый абонент недоступен. Ваш звонок был переадресован на голосовой почтовый ящик. Можете оставить сообщение после сигнала.

Урок

В тот год первое сентября пришлось на воскресенье, но забот у школьников от того не убавилось. Памятным всегда становится первый день в школе, даже если первым днём будет второе сентября. Во-первых, в школе соберутся одноклассники и другие ребята, придут первоклашки в школьной форме, робкие и неловкие, хотя ещё вчера гоняли по улицам Елшанки и орали как оглашенные. Потом торжественная линейка, на которой очень долго будет выступать директор Аделина Ионовна. Руса уже знала, что у всех директоров могут быть только необычные имена, раньше у них работала директором Эдита Рудольфовна. А имена учителей всегда светились добром и терпением: Мария Ивановна, Анастасия Сергеевна, Людмила Алексеевна или Татьяна Павловна. Весь вечер накануне первого учебного дня Руса была занята своей формой вместе с мамой и старшей сестрой, которая уже училась в педколледже и одевалась, по словам мамы, «абы как» или «чёрт знает как» — джинсы и просторный свитер.

И вот он долгожданный день! Школа! Линейка! Тёплый день и скучная речь директора. После неё выступал худой и высокий специалист из районного управления образования, хорошо, что коротко. Но скоро эта тяготи́на закончилась, прозвучал звонок и начался первый урок, который вёл классный руководитель Дмитрий Иванович. Он рассказывал о Родине и как её нужно любить. И все сидели тихо и думали о своём родном и красивом селе Елшанка.

— Село наше очень древнее, образованное беглыми белорусскими староверами ещё при царе Алексее Михайловиче. Название селу дали ровно такое же, какое оставили на родине. «Елшанка» произошло от слова «елша», «елшина» — народное название ольхи. Ольха же — это разновидность берёзы, которая растёт и у нас в Еловом Падуне. В самом низу, у озера, несколько деревьев огромной высоты. Ольха и ель — подружки и часто растут рядышком.

Дмитрий Иванович рассказывал увлечённо, хотя в классе сидело всего пять учеников! В седьмом — пять, а во всей школе, от первого до девятого класса, — двадцать семь. А в детском саду и того меньше. Это значит, что через три-четыре года учить уже некого будет. Детей в селе нет. Огромная каменная школа, построенная пятьдесят лет назад и где училось более трёхсот детей, теперь, по сути, была пуста. Но в этом году её решили сохранить и пока не сделали филиалом школы из соседнего села, не оптимизировали. Люди уже научились бояться этого слова, потому что именно после «оптимизации» в селе исчезла больница.

Руса подняла руку. Дмитрий Иванович не хотел прерывать свой рассказ, но девочка смотрела с решительным видом, её локоть твёрдо упёрся в стол, а ладонь маячила будто сигнал «стоп», требующий беспрекословного подчинения. Дмитрий Иванович уже знал, что Русу в упрямстве не победить. Собственно, и он был в том убеждён, это касалось вообще всех женщин.

— Что случилось у тебя, Руса? — спросил Дмитрий Иванович.

— Дмитрий Иванович! А что такое фашизм и почему его нельзя победить?!

— Копец... Ты чё, Руска! Фашистов мы победили ещё в сорок пятом! — поднялся с места Коля.

Дмитрий Иванович был недоволен тем, что Руса преврала его, но поддержал тему.

— Правильно, Николай, ты прав, но и Руса права. Ты прав в том, что наш народ победил в Великой Отечественной войне, наша армия воевала против объединённой фашистской Европы. Однако я слышу вопрос, который требует более глубокого ответа. Может быть, мы потом поговорим о фашизме, на отдельном уроке?

— Почему потом? Давайте сейчас! — закричали ребята.

И пошло-поехало, заговорили все и разом:

— По телеку только о фашистах и говорят! Где-то на Украине окопались!

— Да они везде! В Америке тоже!

— Нет! Давайте сейчас!

— Вот как, значит, тема фашизма вас интересует больше всего, — удивился Дмитрий Иванович. — Хорошо, поговорим о фашизме. В действительности фашизм... Фашизм, друзья мои, как всякое зло, победить трудно, но в то же время я не хочу сказать, что он непобедим. Первое, что нужно усвоить, это то, что фашизмом называют всякую исключительность. Фашистами становятся народы или группы людей, или даже отдельные люди, которые решили, что они лучше других. Но фашизм бывает разным: он бывает расовый, религиозный и экономический. Я понятно говорю или сложно? Может, перенесём эту тему на следующий год?

— Всё норм! Мы уже не дети, чтобы понять, что всякое там зазнайство — это фашизма.

— Да, правильно, но это ещё не фашизм, а только признак, претендующий на исключительность. Молодцы! А вы крепкие ребята! Да, фашизм бывает расовый, когда какой-то народ заявил о своём природном превосходстве над другими народами. Религиозный фашизм — это когда одна религия утверждает своё превосходство над другими. Экономический — когда богатые считают себя выше всех, даже тех, кто относится с ними к одному народу или вере. Да что тут далеко ходить. Мы сегодня видим это презрительное отношение к небогатым людям. Самое страшное, что люди, считающие себя избранными, начинают оправдывать и ненависть, и убийство. Как будто у них есть на это законное право.

— Копец! А я думал, что мы их победили! А оказывается — нет!

— Верно, Коля, а оказывается нет, — поддержал учитель. — Сегодня война с фашизмом идёт на Украине. Или это не фашизм? Достаточно посмотреть на их факельные шествия и свастики, чтобы убедиться в этом. Как они похожи на тех, кто напал на нас в сорок первом году, а теперь Америка с Европой развязали новую войну на уничтожение. Чтобы нас не было. Ни страны, ни народа. Что мы можем сегодня сделать для будущей победы?

— Я предлагаю провести акцию! — встала Рита. — Мы назовём её «За победу!».

— Интересно, расскажи свою идею.

— В Новый год, под бой курантов, мы загадаем одно общее желание — «За победу!».

— Это хорошая идея, искренняя. Но одних слов и желаний мало. Чтобы победить, нужно сделать что-то конкретное, реальное. Вот и давайте подумаем, что мы можем сделать для победы.

— Да ничё не можем! — махнул рукой Гена.

— Можем! — поднялась Рита. — Я умею носки вязать! На фронт!

— А больше никто не умеет! Вот и вся помощь фронту! — ответил ей Гена.

— Ребята, подождите, мы очень многое можем сделать для победы, и первое — это хорошо учиться!

— Ну вот, Дмитрий Иванович всё испортил! — сморщился Коля.

— Во время Великой Отечественной войны советские школьники объявили войну фашистам, — учитель поднял руку, требуя внимания.

— Огонь! Вот это дело! — опять подскочил на месте Коля.

— У детей появилось такое правило: если ты получил пятёрку, значит, убил фашиста, если четвёрку — ранил. Тройку — промазал! Двойку — он тебя ранил. А кто получил кол — того убил фашист! Мы должны стать грамотными специалистами, научиться любить Родину, быть физически сильными! Помогать старшим!

— А торгаши в это время будут набивать свои карманы, — закричал Коля. — Моего брата призвали на фронт, так ему бронежилет пришлось самому покупать в три раза дороже. Потому что магазины цену подняли!

— Вот гады! — заорал Гена. — Воры! Ну, Дмитрий Иванович! Они же воры, гады, хуже фашистов!

— А давайте им, которые цены поднимают, войнушку устроим! — подскочил с места Колька. — Предлагаю организовать партизанский отряд, который назовём «Победа»! И будем поджигать магазины!

И начался такой гвалт, что никто уже не слышал ни Дмитрия Ивановича, ни друг друга.

— Ребята! Тише! Послушайте меня! Да, не всё просто у нас в стране. Есть те, кто уехал за границу, сбежал от призыва. И я считаю их предателями. И тех, кто вредит внутри страны. И тех, кто пытается заработать на всей этой ситуации. И даже есть те, кто довёл нашу страну до этого страшного порога. Но есть страна, Россия! И сегодня главное — защитить и сохранить её.

В классе наступила тишина.

— Всё норм! — встал Коля и показал кулак классу. — Попробуйте только плохо учиться!

И дети покотился со смеху, потому что хуже Коли никто во всей школе не учился.

Открылась дверь, в класс вошла директор школы.

— Что у вас случилось? — спросила она.

— Всё «норм», Аделина Ионовна, — ответил Дмитрий Иванович, но его голос заглушил звонок с урока.

Отец

Мама Русы Зимина Галина Егоровна работала заведующей детским садом. А у отца была своя лесопилка — два станка в заброшенном коровнике. Александр Николаевич готовил берёзовый пиломатериал и отправлял его на завод, где из этого материала делали бильярдные столы. От такого бизнеса прибыль была умеренной, но, как говорил глава семьи, на жизнь хватало.

Утром третьего сентября Александр Николаевич пошёл к Чернихе. С некоторых пор его стала беспокоить дружба младшей дочери и странной, очевидно «не в себе»

старой женщины. Колхозную жизнь Александр Николаевич помнил смутно, мал был, но знал, что Анна Павловна Чернихина когда-то была передовой дояркой трёхтысячницей, носила орден Трудового Красного Знамени, её фото висело на районной Доске почёта. Однако было и горе в её жизни: сначала умер муж, потом на Афганской войне погиб сын. И уже пожилая женщина, говорят, свихнулась, замкнулась и ушла в заброшенный домик на лесном озере в Еловом Падуне.

Александр Николаевич ещё издали увидел Черниху, которая сидела на брёвнышке около озера недалеко от дома. Чёрные невероятно толстые брёвна стены, скрюченная, высыхающая от старости женщина, клюшка кривая, тонкая и такая же вечная, как и жилистая рука, её держащая, — вся эта картина вдруг изменила решительное настроение Александра Николаевича. Он поздоровался с полупоклоном:

— Доброго здоровья, Анна Павловна! Могу присесть?

Старуха повернулась на голос. Перед нею стоял стройный мужчина лет около сорока. Закинутые назад прямые волосы открывали широкий лоб, голубые глаза были задумчивы и внимательны. Верхнюю тонкую губу накрыли аккуратно стриженные усы.

— Присаживайся, Александр Николаевич! Давно тебя жду, знаю, беспокоит тебя дружба наша с Руской твоей. И не удивляйся. А вот то, что в курточке ко мне пришёл тонюсенькой да без шапочки — это плохо. Смотри, как погода на осень повернула, в один день, вчера лето было, а сегодня уже осень. Вчера зелень кругом, а теперь берёзки желтизной зацвели, рябину багрянцем прихватило, глянть, папоротник по склону коричневой рекой потёк. Осень!

— Да, действительно, за один день всё поменялось. А осень сухая, урожай хороший. Картошка нынче добрая, и грибов насолили, засушили.

— Так ягод-то не было. Давно замечено, когда ягоды избыток, грибов не будет. Да, Александр Николаевич, — Черниха пощупала его курточку, — тонкая шкурка, городская, модная, красивая, но не добрая. Вот на мне душегрейка, хорошая, тёплая одежда, сама сшила. Не ахти как ровно, но душу она мне своим теплом греет.

Посидели молча.

— Покурить можно? Не помешает дым? — спросил Александр Николаевич.

— Покури, и бабушку угости, давно я не курила.

Александр Николаевич протянул пачку сигарет, предварительно выбив одну для удобства забрать.

— О! Это дело! И прикурить дай.

Закурили. Помолчали.

— Ха! Голова кругом пошла! Ох, давно я так не летала! И лесок, и озерко наше сверху увидела.

Посидели, опять помолчали.

— А я вас помню, Анна Павловна, в Доме культуры вы в президиуме сидели, и орден на груди.

— Было дело, сиживала я и в президиуме, и на пленум ездила, и раз даже в Москву на поезде каталась! Коммунисткой я была, но не той, что страну предали и прошили, а той, что страну строили, — Черниха глянула на Александра Николаевича, мельком, чуть скосив глаза, и вдруг спросила не в тему:

— Ну, что болит?

Александр Николаевич на миг замер:

— Не знаю, куда бросить окурок.

— Брось в ноги, потом приберу. Так болит или нет?

— Да в боку тянет, стонет, потом вроде отпустит, — пожаловался Александр Николаевич. — Тягомотина, а в больницу ехать... сами знаете.

— Покажи где. Расстегни свою шкурку лягушачью синтепоновую.

Бабка прощупала бок от рёбер до паха с одной стороны, потом так же тщательно с другой.

— Я тебе не помогу. Мне посоветоваться нужно.

— С кем?

— С Арефой.

— А он кто?

— Наш он, знахарь местный. В десяти верстах от сель живёт, на Иксе. Он точно знает.

Черниха поднялась с бревна, опираясь на клюшку, подошла к берёзе, уткнулась в неё лбом и начала нечто шептать.

— Зря я разговор о здоровье завёл, — засомневался Александр Николаевич, глядя на блаженную женщину.

Вдруг бабка перестала разговаривать с деревом и вернулась к нему.

— Арефа сказал, что здесь хирург нужен. А потому не тьяни, завтра же в райцентр, и там не задерживайся, езжай в область. Сделаешь быстро — хорошо поживёшь, затянешь — через пару лет похороним.

— Что у меня, Анна Павловна?

— Думаю, что вещь нехорошая, точнее тебе в больнице скажут. Просветят и скажут.

— Вот этого я и боялся.

— А ты не бойся, смерть — это тоже жизнь, но другая. Езжай завтра, беда у тебя маленькая, преодолеешь. И ещё дитё приживёшь, а может, и двух. Тут уж как получится.

— Да какие дети? Гале почти сорок. Этих бы вытянуть.

— Вытянешь и этих, и ещё родишь. Хороших людей должно быть много. Вот ты скажи, ответь на вопрос. Когда-то очень давно, я ещё девчонкой была, в нашей деревне жила женщина по имени Руса. Потом это имя как-то вдруг исчезло. Ты так дочку назвал почему?

— Эта женщина — Галина родственница, наверное прабабушка. Она родила двенадцать детей, восемь выжило, четверо детей на фронте героями погибли. В честь неё мы дочку Русой назвали. Русой — значит светлой. Хотел счастливой жизни своей дочери и светлой памяти прабабушке.

— Хорошо, очень хорошо, я её помню, добрая была женщина!

— Спасибо вам, Анна Павловна, и за добрые слова, и за напутствие. Сколько я вам должен?

— Сколько должен? — переспросила Черниха. — Поправишь дела свои, тогда и поблагодаришь. Вот, телефон. Руса в прошлый раз забыла. Передай. И за дочку не беспокойся, не запрещай ко мне ходить. В душевном тепле твоя дочь, и мне веселей.

Рыбалка

Бывают в сентябре дни особой прозрачности, когда всякая веточка, листочек, стебелёк травяной видны отчётливо и ясно, а цвета играют полутонами, будто подсвеченные изнутри. Жёлто-красный лес соседствует с

зелёными елями и соснами, добавляя красоты и загадочности в этот мир. Даль чистая, звенящая, а вода в озере просматривается до глубины таинственной.

По лесной тропе меж тонких берёз и векового ельника спустились рыбаки, их было четверо. Стройный мужчина в синем спортивном костюме с полосой в виде перевёрнутой запятой через плечо, в тон костюму бейсболка, но в сапогах. Следом мужчина небольшого роста, грузный, с раскормленным животом, в похожем синем спортивном костюме, далее молодой человек, тонкий, манерный и всё время охающий, в светло-бежевых плотно обтягивающих ноги брюках и лёгкой курточке-безрукавке. А замыкал шествие мужчина средних лет в кепке, крепкий, осанистый, в брезентовой куртке и штанах, видно, что водитель. Он, полусогнувшись, нёс на спине самый объёмный рюкзак.

Скоро мужчины добрались до берега озера на дне Елового Падуна, скинули тяжёлую заплечную ношу рюкзаков и расселись, а кто-то и улёгся, блаженно ощущая долгожданный отдых. Машину они бросили наверху, потому как в Падун спуститься никакая машина не могла, и метров пятьсот им пришлось нести всё рыбацкое снаряжение на себе.

— Ну, Ананьев, если здесь нет обещанного чудаюда, то я тебя самого зажарю.

Мужчина в бейсболке привстал:

— Валерий Петрович, я в этом районе не так давно, но про сома стопудового мне кто только не говорил. Потом, вы хотели посмотреть исторический объект, перед тем как затеять покупку, вот она, курная изба, а это озеро. Природа чудесная, место летнего лагеря идеальное! Комар носа не подточит. Мы этот лагерь так и назовём: «Курная изба».

Мужчина, которого звали Валерий Петрович, очевидно, был среди компании главным и самым авторитетным, и этот авторитет подтверждался полнотой, обвисшим животом, круглым, с самодовольной улыбкой лицом. Он глянул на избу и изрёк:

— Видим. А дым из избы? Тоже по плану?

— Бабка здесь какая-то живёт, самовольно, но она нам не помеха.

— Бабка? Ананьев, признайся, ты нам сюрприз приготовил? А? Мужики? Там в доме, ей-богу, сидят красотики, стол от жратвы и самогона ломится и нас ждёт? А? Геннадий Анатольевич, признавайся! И мы наконец-то узнаем, способен ли ты на расходы для друзей?

— Валерий Петрович, не шути, там действительно старуха столетняя или около того.

— Ладно, не переживай. Место мы увидели — красивое, изба — внушительная. Триста лет этой избе?

Ананьев кивнул:

— В архивных документах поминается с тысяча семьсот третьего года. Но предполагают, что дом очень древний.

— Это хорошо. Чем старше, тем дороже. Глебушка, как тебе твоё новое имущество?

— Место шикарное. А озеро войдёт в территорию участка?

— Конечно, и озеро, и дом, — уточнил Геннадий Анатольевич.

— Так, — прервал Валерий Петрович, утёр вечно потное лицо, — теперь осталось твоего легендарного сома поймать. Ребятки, а что разлеглись? Налаживай снасть!

В это время дверь избы заскрипела, вышла сгорбленная Черниха и плесканула нечто на землю из мятого ведра. Постояла, разглядывая рыбаков, не дождалась ни слова, ушла обратно. И тут разразился дружный хохот!

— Вот это сюрприз!

— Бабка-то сказочная!

— Да, Геннадий Анатольевич! Сюрприз! Оставь эту красавицу себе, — ржал толстый.

— Нет, Валерий Петрович! Ты у нас главный, ты у нас руководящий, так сказать, и направляющий, ты у нас законодательная власть, тебе и право первой ночи!

Пока шла суматоха и ржач, водитель и молодой человек раскинули покрывало на траве и бойко и со знанием дела сервировали импровизированный стол водочкой и закусками.

— Господа, предлагаю выпить за прибытие! — поднял рюмку юноша. — Ой! Я про колу забыл! — и на скатерть легло несколько бутылочек колы. И вдруг поморщился: — А бабка просто омерзительна! Старая вонючая гадина!

— Не ревнуй, Глебушка, она тебе не конкурент!

И опять смех на всю округу.

— Какой вы всё-таки, Валерий Петрович, невыносимый.

Водитель не пил и не закусывал, он достал из рюкзака аккумулятор, подсоединил к нему трансформатор, преобразующий ток аккумулятора, а потом уже подсоединил выходной кабель к сачку. Пока весёлая троица продолжала произносить торжественные тосты, водитель начал накачивать резиновую лодку.

Ржаво заскрипела дверь, вышла Черниха, утёрла руки о фартук, поправила узелок на голове и неспешно приблизилась к рыбакам.

— Что, бабулечка, скучно одной-то. Давай, выпей с нами, — толстый кивнул Глебушке, чтобы тот налил. — Да не в стакан, в банку консервную! Выложи остатки на хлебушек, бабушка закусит, — и повернулся к Ананьеву, — молодёжь учить надо!

Старуха меж тем оглядела снасти, наклонилась к трансформатору и поцокала языком:

— Аж до тысячи пятьсот вольт!

— А? — заорал чуть захмелевший толстяк. — Вы видели? Вот тебе и баба-яга! Вот что значит человек советскую школу закончил! Давай, бабуся, выпей с нами.

Черниха будто не слышала.

— Сомы нашего решили взять?

— Нет! Ну ты посмотри на неё, всё понимает.

— Сомы не возьмёте, а рыбу всю погубите.

— Не бойсь, старушка, нам сом, а тебе вся рыба!

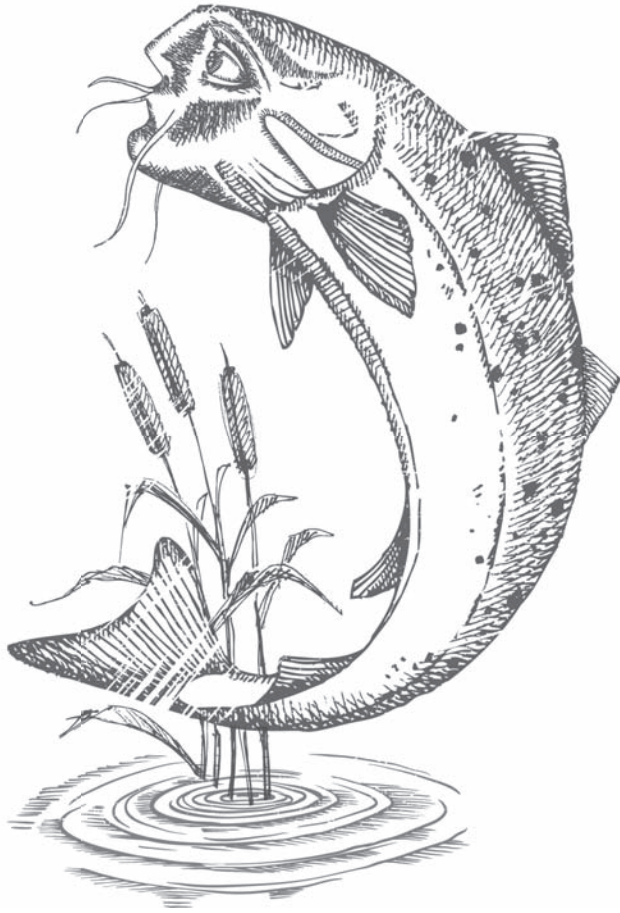
Черниха молча развернулась и ушла, дверь так же истошно и ржаво закрылась.

— А я водки налил! — скорчил гримаску Глеб.

— Оставь, ещё придёт. Ну, давайте, за успех нашего дела!

Выпили, уже по-деловому и сосредоточенно закусили.

— Пора! Глеб, ты на берегу костёр сочини, — распорядился толстый. — А ты, — кивнул водителю, — ты на страховке, — осмотрелся и приказал: — Ну что, Ананьев Геннадий Анатольевич, погнажи наши городских!

И опять вдруг истошно запела дверь избушки, скоро из неё вышла старушка с выдавшей виды винтовкой наперевес. Рыбаки онемели.

— Езжайте домой, рыбачки, не дам я вам озеро загубить, — спокойно сказала старушка и, не целясь, выстрелила в трансформатор.

Крышка агрегата треснула, обнажив внутренности.

— Ты что творишь, дура?! — заорал Ананьев.

Но Черниха вдруг скомандовала:

— А ну-ка, Леший! Шмальни-ка по верхам!

И вдруг с крыши дома, из высокой травы раздалась длинная очередь пулемёта. Берёзовые ветки осыпались на головы и к ногам рыбаков...

Когда рыбаки поднимались по склону к машине, толстый вдруг нарушил тяжёлое молчание:

— Глеб, а что это за пятно у тебя на штанах?

Глеб выпрямился и попытался посмотреть на свой зад.

— А что, видно?

— Видно, штаны-то светлые.

Водитель упал в траву, Ананьев обнял берёзу, а толстый присел, и вдруг лес потряс хохот, нервный, неистовый до икоты.

— Сома, блин, поймали!

— Стопудового!

— Старуха прогнала!

— Я же говорил, что это место особое, оно очень дорого стоит!

— Говно к деньгам — верная примета!

И опять истошный, дикий хохот оглушил Еловый Падун.

Учитель

Отец и мать Дмитрия Ивановича работали на одном заводе, он инженером, а она экономистом. Долгое время жили в общежитии при заводе, и, собственно, жизнь Димы началась здесь, в общем доме, где по широкому и просторному коридору шумной ватагой носилась ребятня. Все жили весело, дружно и с одинаковой мечтой — получить отдельную квартиру.

Квартиру действительно получили сразу все молодые специалисты в одном новом доме, однако после перестройки завод скоро был приватизирован. Неожиданно умерла мать. Отец стал попивать, и, пока Дмитрий служил в армии, не стало и отца. Но осталось ощущение обиды за родителей, жизнь которых будто обрезали, сократили, а потом ещё обозвали «совками». Выбор исторического факультета был неслучаен. Дмитрий Иванович хотел понять: что произошло с людьми, народом, государством, с миром? Почему опять всё нужно было разрушать до основания? И почему нашему народу никак не хватает мудрости вовремя остановиться, подумать, обернуться в прошлое и устроить лучшую жизнь?

Он учился досконально и ответственно, закончил исторический факультет педуниверситета с красным дипломом, категорически отказался от аспирантуры и заявил, что поедет в село Елшанку, откуда проистекает их род. Он никогда не жил там, и даже родители его только родились в Елшанке, но желание прикоснуться к истокам оставалось великим. И вообще, он был уверен,

что смысл работы учителя заключается исключительно в воспитании детей, и не имеет никакого значения, где воспитывать и обучать — в миллионном городе или в маленькой Елшанке. Он убеждённо говорил однокурсникам: «Многие великие люди вышли из сельской местности — маленьких городков, райцентров, сёл, деревень: Ломоносов, Чехов, Есенин, Менделеев, Твардовский, Астафьев, Шукшин, маршалы Жуков, Рокоссовский, генералиссимус Сталин, первые космонавты Гагарин, Титов и сотни, и сотни героев, прославивших нашу Родину. Вот где настоящий творческий потенциал, вот откуда растёт мощь странь». Его монологи внимательно слушали, но у каждого были свои планы, и Дмитрий Иванович, по большей части, знал эти планы сокурсников, и они вообще не были связаны со школой и образованием. Последнюю точку в его выборе поставила тётка, приехавшая с семьёй с Украины, там уже всюю бомбили. Он решительно отдал ключи от квартиры и уехал в деревню предков.

В Елшанке ему выделили жильё — отдельно стоящий домик, который ещё держался, но тепло хранить уже не хотел. Полный энтузиазма Дмитрий Иванович отремонтировал «служебное помещение», восстановил изгородь и провёл интернет.

Первые годы пронеслись в каком-то едином порыве энтузиазма и ощущения нового и очень важного. Директор школы, до него преподававшая уроки истории, с удовольствием отказалась от них в его пользу, отписав ему ещё и уроки обществознания.

Но вдруг наступил год, который всё изменил. Была объявлена пандемия, и школа вымерла. Дети сиде-

ли дома, вернее, гоняли по улице, свободно общались друг с другом, но в школу не ходили. Уроки проводили дистанционно. Как дети учатся дистанционно, все знают, и Дмитрий Иванович начал работать с ними у себя дома, причём занимался всеми предметами подряд, помогал не только тем, кто хотел учиться, но особое внимание уделял ленивым, ходил по домам. Такой энтузиазм понравился далеко не всем. И случился первый, а потом и последующие сложные разговоры с директором.

— Дмитрий Иванович, вы нарушаете постановление губернатора, — строжилась Аделина Ионовна. — Введён карантин и самоизоляция. А вы продолжаете общаться с детьми без масок и даже собираете их у себя дома.

— Аделина Ионовна, но маски не могут защитить никого от вируса, потому что вирус даже в микроскоп не виден. Для него ваша марля что мёртвому припарка.

— Вы что, считаете, что в нашем правительстве дураки сидят?

— Нет, наверное, но то, что сейчас происходит, наводит меня на эту кошунственную мысль, — старался отшутиться Корнеев, — и я склонен с вами согласиться — сидят.

Окончательно отношения обострились, когда пришёл приказ всем учителям сделать прививки. Дмитрий Иванович оказался в числе последних, но и после строжайших предупреждений не торопился в медпункт. Вообще, все эти постановления, приказы и прочие бумажки очень отвлекали его от дела. Корнеев не стал дискутировать с директором на тему действенности вакцины, однако от прививки сдержанно отказался.

Его пригласили на беседу в управление образования, благо к тому времени он уже купил старенькую праворульную «Тойоту-Короллу», которая позволяла ему свободно передвигаться по району.

В управлении он попросил дать документ, обязывающий его поставить прививку. Такого документа ему не дали.

— Ну, на нет и суда нет, — сказал он и покинул управление.

Уже утром директор истерила и кричала, что он единственный не привился и тянет школу назад. И он впервые ответил откровенно дерзко:

— У нас что, в районе соревнование: кто доведёт глупость до ста процентов?

Директор отступила, авторитет молодого учителя был велик, и не столько среди учеников, сколько среди родителей. Мамаши, особенно самых бестолковых учеников, души не чаяли в новом учителе. А молва о давлении на историка поплыла по селу.

Но во всём плохом были и плюсы. В Дмитрия Ивановича влюбились все представительницы слабой половины села и даже некоторые замужние женщины. Однако Дмитрий Иванович был неприступен, а когда однажды к нему наведальась решительная соискательница брачных отношений, он оказался холоден и неприступен, как памятник. Насторожившиеся было молодые люди Елшанки скоро поняли, что Дмитрий Иванович не конкурент, а кто-то выследил и сообщил, что «у учителя есть бабёнка в райцентре», для того он и купил автомобиль. На том все и успокоились. Главное, что мужик. По нынешним временам — это уже дорогого стоит.

Элеонора

Впервые Дмитрий Иванович увидел её в районном Доме культуры, где проводилось августовское совещание учителей. Она с решительным видом перемещалась среди многочисленных гостей, указывала сотрудникам, где должно разместить запоздавшие стенды, складировать коробки с подарками для награждения особо выдающихся личностей, или приводила в чувство нерасторопных и неряшливых коммерсантов, торгующих сладостями и кофе. Не заметить и не запомнить её было нельзя — она отличалась ярко-рыжей причёской.

Учителей прибывало со всего района, просторный холл уже переполнился, готовый выплеснуться в актёрский зал, но туда никого не впускали. Новые платья, возгласы и поцелуи, женщины были настроены на праздник и с любопытством заглядывали в танцевальный зал, где выстроились фуршетные столы. Дмитрий Иванович впервые участвовал в подобном совещании, где подводились итоги и ставились задачи перед всей отраслью на следующий учебный год.

Рыжеволосая девушка была невысока, стройна и, очевидно, пристально следила за модой. Он стоял с Аделиной Ионовной, когда неожиданно встретился с ней взглядом. Глаза её тоже были если не жёлтыми, то как будто золотистыми. И ему, наверное, показалось, но эти глаза улыбнулись.

Дмитрий Иванович скоро забыл о девушке, слишком много было впечатлений, людей, знакомств и разговоров.

Но уже после совещания, когда учителя плотными рядами обступили фуршетный стол, за которым он пытался запить сухой бутерброд горьким кофе, вдруг заметил, что рыжая девушка смотрит на него. Дмитрий Иванович удивился, ещё раз глянул в её сторону, и только после этого она отвела пристальный взгляд.

Красивая тигрица наметила новую жертву, — подумал он, забрал елшанскую делегацию и увёз довольных наградами сельских учителей в родное село.

Осень в Сибири — пора свадеб. Понятно, что давно эту традицию не связывают с окончанием страды, но, как говорится, привычка осталась. И вдруг Корнеева приглашает на свадьбу человек, с которым он был едва знаком. Дмитрий Иванович даже подумал, что жених ошибся, но настойчивый звонок подтвердил приглашение, и учитель решил прогуляться, съездить на свадьбу, тем более осень золотая, тем более субботний вечер, на людей посмотреть да себя показать — тоже надо. Аргументов «за» было значительно больше, чем «против».

Когда он вошёл в кафе с цветами и подарком, первое, что бросилось в глаза, — это рыжая причёска сотрудницы Дома культуры. Всё сложилось, и Дмитрий Иванович не удивился, когда оказался за одним столиком с огненной красавицей.

— Элеонора, — протянула рыжая девушка тонкую руку.

— Эля? — уточнил Корнеев.

— Эля — в сказке, а я Элеонора.

— Понял, — согласился Дмитрий Иванович.

Элеонора много говорила, вела себя свободно, прекрасно и даже виртуозно владела ножом и вилкой, много ела и поддержала все свадебные тосты. Но не кривля-

лась, не заигрывала и не кокетничала. Пила исключительно красное сухое. Тут же сообщила, что предпочитает чилийские вина, они имеют более выразительный и яркий вкус. Дмитрий Иванович не мог похвастаться знаниями светской жизни и не был винным гурманом, он если выпивал, то исключительно водку, однако хорошо знал историю России, особенно последние два столетия. Но проявлять за столом свои познания в исторической науке считал лишним, а потому выглядел крайне молчаливым и невыразительным молодым человеком.

Однако собственный скромный и сдержанный внешний вид не остановил его, и во время медленного танца он шепнул девушке на ухо:

— Вы не обидитесь, если я вас приглашу к себе в гости?

Элеонора секунду думала, а потом ответила.

— Вы знаете, — размышляла она вслух, — я отношусь к тем девушкам, которые могут и согласиться.

Хорошо это или плохо, и стоит ли радоваться такому быстрому развитию событий, Корнеев не знал. Они договорились встретиться через десять минут. Дмитрий Иванович ушёл за машиной, а Элеонора, допив бокал вина, последовала за ним. Их исчезновения никто не заметил, почти никто.

Перед въездом в Елшанку Дмитрий Иванович пересадил Элеонору на заднее сиденье, под защиту тонированных стёкол, и попросил не выходить, пока он не скажет.

— Ты женат? — удивилась Элеонора.

— Нет, я не женат, но я учитель, а это ещё ответственнее. Вы девушка видная, а село наше маленькое, а потому прошу соблюдать конспирацию.

Корнеев въехал в раскрытые ворота сарая, который он приспособил под гараж, запер ворота и только после этого открыл дверку машины и выпустил Элеонору на свободу. Она вышла, осмотрела стенные щели гаража, выбитое окно и такой же пустой дверной проём во двор.

— Круто! Машина здесь зимой не потеет?

— Нет, но зато снегом не заносит.

— И конспирация, — добавила Элеонора и, покачивая стройным станом, пошла на выход.

Но дом удивил её ещё больше. Посреди избы стояла огромная русская печь, древняя, просевшая, а оттого вся кривая, однако тщательно белёная. На полу половички, кровать в углу панцирная и рядом стол. С иной же стороны что-то очень условно напоминало кухню со столом, умывальником и настенными полками.

Элеонора нажала на пипку умывальника, кашнула вода.

— А удобства на улице?

— Конечно, — улыбнулся Корнеев. — И там же душ, но он летний, зимой я умываюсь снегом.

— Снежный человек? — улыбнулась Элеонора и повела рукой, показывая на стены дома. — Но это же винтаж!

Она достала из сумочки бутылку красного вина, видимо со свадебного стола.

— Вот что, «человек дождя», я принимаю все обстоятельства непреодолимой силы, а потому предлагаю выпить, перейти на дружеское «ты» и поехать ко мне, — она пододвинула к себе стакан, налила в него вина, сделала глоток. — Твой дом очень похож на музейный экспонат. Прикольно. Историческая реконструкция. У меня куль-

турологический шок. К тебе можно экскурсии водить, но не меня.

Она глянула в маленькое окно, постучала кулачком по громоздкой скамье, провела пальцем по печи и спросила:

— А зимой в доме холодно?

— Да, дом тепло держит плохо, но печь чудесная, я сплю зимой на печи и в спальном мешке. А утречком бодрячком за дровами и растопкой. Если бы ты только знала, как бодрит утро в остывшем доме.

— Поверь, никакого любопытства!

— Но скоро топиться печь, — продолжил Корнеев описывая достоинства сельской жизни, — и тепло растекается по всему дому, как горячий хмель по холодным жилам холостяка!

— Очень поэтично, — Элеонора прервала учителя. — А за рифмами поедем всё-таки ко мне.

Руфус

Элеонора жила одна в однокомнатной квартире двухэтажного кирпичного дома. Когда они переступили порог квартиры, тут же попросила гостя разуться и не топтаться в грязных ботинках по всей прихожей. В квартире сияла идеальная чистота. Элеонора сама разулась, вошла в ванную и под умывальником вымыла обувь, протёрла специальной тряпочкой и поставила в прихожей.

— Я немного устала, приму душ, а ты пока приготовь чай.

Дмитрий Иванович прошёл в кухню.

Типичная планировка квартиры. Из зала два направления: по первому можно через прихожую попасть либо на улицу, либо в туалет, а по второму — только на кухню. В зале раздвижной диван, сервант с телевизором, два уличных окна и огромное зеркало встроенного шкафа. Перед диваном журнальный столик. На кухне ещё скромнее, но также чисто и уютно.

Корнеев наполнил водою чайник, включил, и не успел тот зашипеть, как на стол запрыгнул толстый рыжий кот — он припал на передние лапы, выгнулся и только после этого обнюхал руку гостя.

Кот на столе для Дмитрия Ивановича был такой же дикостью, как курящий на уроке ученик. И, вякнув неоконченное «мяу», кошка спланировал ровно в дверь и приземлился в зале.

— Только не трогай Руфуса! — раздался крик из ванной.

В тот же вечер Руфус летал ещё пару раз: с дивана, позже с журнального столика. И всякий такой полёт заканчивался скандалом с Элеонорой, которая неистово отстаивала права своего любимого кота ходить по столам, спать втроём и требовать гнусавым голосом сырую курятину.

Утро неожиданно началось ровно с гимном России. И дальше всё пошло по плану: включался телевизор, принимался душ, готовился лёгкий завтрак, час уходил на макияж. Чистая обувь позволяла хозяйке ходить по квартире уже обутой и одетой. Кстати, отметил Дмитрий Иванович, очень удобно.

На первый урок Корнеев опоздал, чем крайне удивил Аделину Ионовну. Она выразила недоумение, не-

удовольствие и предупредила, мол, первый и последний раз. Собственно, Корнеев сам так же думал, что это было первый и последний раз, возвращаться к Элеоноре он не собирался. Но наступила суббота, и неожиданно для себя он позвонил рыжей колдунье.

Она поздоровалась и вдруг сказала:

— Если поедешь ко мне, то не забудь купить упаковку минералки.

И он поехал. Всё повторилось до мелочей. Мытая обувь, летающий котенок. Правда, летал он уже хитро: Дмитрий Иванович сталкивал его так, чтобы хозяйка не видела. Но жирный кот всякий раз громко шмякался всем телом о пол, и скрыть диверсию было невозможно.

Через неделю Дмитрий Иванович вновь опоздал и смог приехать только к концу первого урока. Причиной стал долго перекрытый железнодорожный переезд, но Аделину Ионовну это уже не останавливало. На следующий день в учительской висел приказ: «В связи с ненадлежащим исполнением учителем истории Корнеевым Дмитрием Ивановичем должностных обязанностей, предусмотренных условиями трудового договора, нарушением трудовой дисциплины, а именно опозданием 11 октября 2021 года с 8:00 до 9:30 без уважительной причины на рабочем месте, повлёкшим срыв образовательного процесса в 9 классе, руководствуясь ст. 192 ТК РФ, ПРИКАЗЫВАЮ: наложить на учителя истории Корнеева Дмитрия Ивановича дисциплинарное взыскание в виде выговора».

Потом появилось ещё два выговора, которые наконец-то навели Корнеева на мысль уговорить завуча сменить расписание и освободить его от первого урока в понедельник. Но всякий раз, уезжая от Элеоноры, Дмитрий

Иванович был уверен, что больше никогда к ней не вернётся. И это желание было искренним.

«Мне что, там намазано?» — спрашивал он сам себя, но проходила неделя, и какая-то сила везла его к ненавистному Руфусу.

Однако был случай, когда после уже двух лет «дружбы», он вдруг предложил:

— Выходи за меня замуж.

— Что? — удивилась Элеонора. — Носки твои стирать?

— Семьёй жить, дитя родить, тебе же за тридцать и мне почти столько. Пора о семье подумать.

— Дети не входят в план моей жизни.

— А что входит?

— Моя жизнь.

— А я?

— Димочка, тыходишь в мои планы, но только как гостевой муж.

— Какой муж? — удивился Корнеев.

— Гостевой.

— То есть как Руфус — кастрированный? Муж, но не муж?!

— Дима, отвали, не доставай меня глупостями. Это ты у нас идеалист, а я человек приземлённый, мне звёзд с неба не надо. Тебе другая жизнь нравится, а мне и моя не противна. Я — сибаритка! Не нравится, я тебя не держу. Если ты уйдёшь, я, конечно, буду переживать, но жизнь из-за тебя менять не собираюсь. Мы — свободные люди. И даже ты свободен в том, что повесил на себя общественную несвободу, дурацкие обязательства, будто ты кому-то что-то там должен: Родине, Отечеству, народу. А я никому ничего не должна!

После этого разговора Дмитрий Иванович не приезжал к Элеоноре две недели кряду. Она звонила, спрашивала, что случилось, Дмитрий Иванович врал и говорил, что много работы с детьми на выезде. Но потом он опять купил упаковку минеральной воды, бутылку красного сухого чилийского и поехал к Элеоноре.

Да, ему не нравилась её необязательная жизнь, мучило от понимания бесплодности её и своего существования, гарантированно бездетного, если он останется с нею. Ненавидел он и рыжего Руфуса, его гнусавый кастратный хрип. Но ему нравилась чистота, порядок и чёткая упорядоченность — по минутам, изо дня в день. Вот если бы он смог так организовать свой быт...

Полицейский

Руса иногда сама, а иной раз с Дмитрием Ивановичем навещала Черниху. Привозили хлеб, конфеты, макароны, иногда тушёнку.

— Хлеб не возите, глянь, корка, а в корке крошки. Не хлеб это, даже в войну лучше пекли. Лучше муки, но серой, второго сорта. Вышку не надо, совсем плохая мука.

А в обратку уезжали грибы белые сушёные, опять маринованные, брусника, калина, травяной чай, вяленые караси и щука.

Отца Русы, Александра Николаевича, положили в больницу. На операцию пришлось взять кредит, потому что квоты на этот год кончились, а когда новые Москва спустит, никто не знал. А жить хочется, вот и полезли в

кабалу, пришлось заложить дом. Собственно, вся деревня в кредитах жила. Кто-то по нужде и необходимости брал займы, а были и по дурости, на ремонт или одежду, одни даже взяли кредит на свадьбу и за день прогуляли заём. Всё бы хорошо, если бы через неделю не развелись, вот и осталась невеста без мужика, но с кредитом.

Александр Николаевич дольше всех жил без кредита. Даже Дмитрий Иванович и тот взял кредит на машину. Теперь у колодца, центральный водопровод уже не работал, бабы обсуждали, к кому коллекторы приезжали, «чёй-то» говорили. Короче, страсти кипели, воды нет, тушить нечем, а тут ещё и свет повадились чуть ли не каждый вечер отключать, особенно если ветер или дождь. И около колодца всё чаще слышались вздохи:

— Ох, бабоньки, скоро при лучине жить будем.

— Слыхали, ставку опять подняли, и доллар растёт!

— Да и хрен на него, у нас долларов всё одно нету!

— И санкции новые!

— Вот удивили — новые! А старые какие были? Нам хоть потоп, цены всё равно вырастут.

Вот так — и смех, и грех. Благо леса много кругом, никто за дрова не платил, на всех хватало. Опять-таки скоро закон вышел, что только хворост можно собирать. «А жить как? — спрашивали люди друг друга. — Если работы нет, и дрова покупать, будто не в лесу живём». С грибами что-то Госдума «замутила», теперь, говорят, за грибами можно ходить только с линейкой — шляпки у грибов мерить. У такого-то гриба шляпка должна быть три сантиметра, а у другого не меньше двух.

На западные санкции люди реагировали равнодушно, потому что ощутиее были санкции родного прави-

тельства. А тут ещё подняли пенсионный возраст, но, как и цены, медленно, в растяжку на пять лет. Власть душила грамотно, медленно затягивая удавку, с обезболивающим, чтобы «не рыпались». Считай, по миллиону у каждого пенсионера подрезали. Так что, рассуждая, бабы делали вывод: в деревне ещё можно выжить и новую власть дожидаться, а в городе совсем тяжело.

На следующий день после известной рыбалки в дом к Чернихе постучался полицейский, совсем ещё мальчик, но в форме и с папочкой под мышкой. Бабка вышла на зов:

— Что, милоч, заблудился?

— Вы гражданка Чернихина Анна Павловна?

— Я, — ответила старушка, — чего хотел?

— Поступило заявление, что вы незаконно проживаете в этом доме, а также держите незарегистрированное огнестрельное оружие: винтовку и пулемёт, предположительно пулемёт Макарова.

— И пушку сорок пятого калибра! Ага! Ты кто такой, милоч, чьих будешь?

— Я лейтенант полиции, Картавко Пётр Петрович, сотрудник районного отдела внутренних дел, — козырнул полицейский.

— Полицай, значит, слыхала про таких ещё в войну. Ищи чего ищешь, твоя работа.

Полицейский не стал реагировать на бабкины намёки, видимо, не впервой.

— Прошу ответить, на каком основании вы проживаете в данном доме?

— А ты на каком основании ходишь по этой земле?

— Я гражданин Российской Федерации.

— А я гражданка Советского Союза, где хочу — хожу, где хочу — живу, и никто мне не указ. Мне этот дом Леший сдаёт, а Домовой присматривает.

— То есть документальных оснований у вас нет?

В это время из дома с истошным скрипом старых навесов вышел Дмитрий Иванович, а за ним Руса.

— А вы кто такие? — спросил полицейский. — Предъявите документы.

— Я учитель Елшанской основной школы, — ответил Дмитрий Иванович и подал водительские права. — Паспорта с собой не ношу.

— Этого достаточно, — ответил полицейский, посмотрел права и спросил: — С какой целью вы здесь?

— Я что-то нарушил? Или это место запрещено посещать? — спросил Дмитрий Иванович.

— Я интересуюсь, потому что в этом доме проживает гражданка Чернихина незаконно, а также располагает незарегистрированным огнестрельным оружием.

Полицейский замолчал. Он стоял, переглядываясь с Дмитрием Ивановичем, и явно не знал, что предпринять. Видимо, немного поразмыслив, он спросил:

— А эта девочка — ваша дочь?

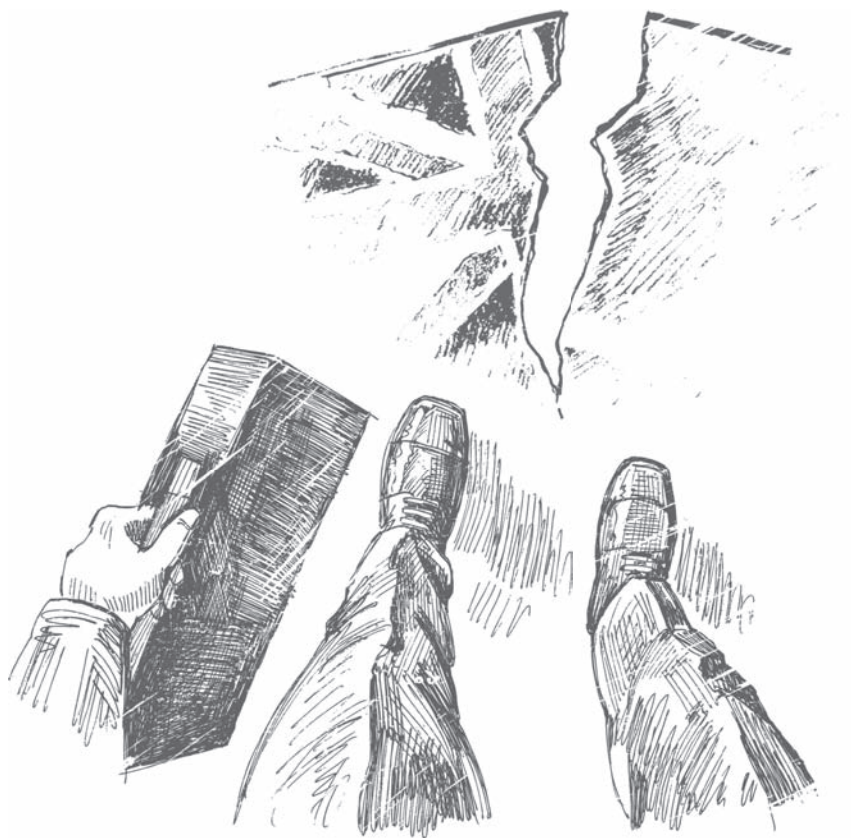
— Руса — моя ученица.

— Ученица? И чему вы её здесь учите?

— Мы пришли попроведовать пожилого человека, которому, к вашему сведению, девяносто шесть лет. Или это выглядит противозаконным?

— Разберёмся, — пробурчал полицейский, отдал права, раскрыл папку и записал: «Дмитрий Иванович Корнеев, учитель Елшанской школы». — Как девочку зовут?

— А зачем? — удивилась Руса.

— Для порядка, — ответил полицейский. — Пожалуйста, твои полные фамилия, имя и отчество. Я должен буду сообщить родителям и в опеку.

— Смотри, молоденький, а сколько уже грязи в душе накопил. Зачем обидел и ребёнка, и учителя? — удивилась Черниха, будто ни к кому не обращаясь.

— Хорошо, — угрюмо кивнул полицейский. — Оскорбление должностного лица при исполнении своих обязанностей, статья триста девятнадцать Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривает штраф в размере до сорока тысяч рублей.

— Анна Павловна вас не оскорбляла, она сказала, что это вы...

— Разберёмся, — опять невнятно пробурчал лейтенант.

Он тщательно и очень не торопясь заполнял бумагу, вот страница уже полная, и все, истомившись, ждали, когда же она наконец закончится, но полицейский вдруг перевернул бумагу и продолжил писать на чистой стороне.

— Анна Павловна, — не отрываясь от своей писанины, обратился лейтенант, — оружие сами сдадите или потребуется обыск?

Черниха молчала.

— Я не слышу ответа.

Черниха молчала.

— Прошу расписаться, — полицейский протянул папку, на которой лежал заполненный им листок.

Черниха не шелохнулась.

— Будьте любезны, — протянул полицейский ручку Дмитрию Ивановичу.

— Я ничего подписывать не буду.

— Понятно, от подписей отказываетесь. А вы, милая девушка?

— Она ещё несовершеннолетняя и подписывать ничего без присутствия родителей не имеет права, — ответил за неё Дмитрий Иванович, — и прекратите уже «исполнять свои обязанности», нам пора идти.

— Пока вы свободны, но только пока. Честь имею! — козырнул полицейский и пошёл прочь.

— Не имеешь, — буркнула Черниха.

— Что вы сказали? — обернулся полицейский.

— Да иди уж, — махнула на него Черниха и шепнула: — Смотрите, сейчас споткнётся.

— Однако передайте тем, — повысил голос Дмитрий Иванович, чтобы удаляющийся полицейский услышал его, — передайте тем, кто вас сюда послал, что мы не позволим обидеть Анну Павловну. Всем обществом встанем на её защиту! — пригрозил Дмитрий Иванович, понимая, что неспроста в такую глухомань приехал полицейский из самого райцентра. Что-то затевалось против Чернихи. Но что? Неужели, действительно, кому-то опять понадобился её дом?

— Я, конечно, передам... — повернулся лейтенант и вдруг полетел куда-то в сторону, вскинув руки вверх, упал на землю, папка с бумагами выскользнула из его рук, а листочки из папки подхватил невзвешенный ветер. Полицейский быстро поднялся с земли и кинулся ловить бумажки, но те порхали и разлетались в разные стороны, будто дразнили его. Побегав так несколько минут, он понял, что поймать ни единого листочка не сможет, остановился и повернулся к зрителям: Дмитрию Ивановичу, Чернихе и Русе.

Он стоял молча, напряжённо, желая что-то сказать, но сдерживался. И всё-таки не выдержал:

— Всё ещё только начинается! — и быстрым шагом пошёл к склону, а потом скрылся в густом лесу.

— Что это было? Откуда взялся ветер? — спросил Дмитрий Иванович.

— Леший шутит, — ответила бабка, — в нашем лесу недобрых людей не любят.

— Ну как? — спросил кто-то.

Все оглянулись назад и увидели плешивого мужичка в халате, запахнутом направо, по-женски, по его высокому лбу ползла гусеница, на большом носу рос маленький гриб, волосы чёсаны налево, а бровей, ресниц и правого уха не было.

— Отлично! — похвалила Черниха. — Знакомьтесь, смелее, Дмитрий Иванович, Руса, это наш друг — Леший, короче, хулиган. Проиграл в карты всех зайцев из нашего леса. Но играть со злыднями отказывается, уж очень они мухлюют и играют только на щелбаны.

Ананьев

Прежде Ананьев Геннадий Анатольевич служил в органах правопорядка и боролся с ворами и лихоимцами, но, уразумев все особенности и хитросплетения рыночной экономики, имея за плечами не только диплом, но и юридический опыт, пришёл к единственному и, безусловно, правильному выводу: надо идти в политику. Надо идти в ряды тех, кто сегодня решает судьбу бюджетных средств, а не тех, кто охраняет эти средства. И неудивительно, почему в политике стало так много

юристов, просто они перешли на другую сторону баррикад. Скоро он стал членом партии власти, здесь выбора не было, потому что у кого власть, у того и деньги, у того уважение, влияние и все блага земные. Деньги решали все вопросы, если деньги не могли решить все вопросы, то эти вопросы могли решить очень большие деньги. Значит, сделал вывод новый политик, чем больше денег, тем больше гарантий безопасности и комфорта, тем больше власти над людьми, и наконец, тем больше свободы!

Среди партийных единомышленников сообщников найти легко. И вот он уже глава района с дотационным, но самостоятельным бюджетом. Ещё работая в органах, он усвоил простую истину: кого нельзя купить, того можно запугать, кого нельзя запугать, того можно посорить с законом. Но нужна команда районных депутатов, они могут быть буфером, прикрытием, а в нужный момент и гарантией легитимности. Он много отдал сил на то, чтобы в депутаты вошло как можно больше зависимых людей, то есть тех же бюджетников и коммерсантов. Опыт не купишь. Ему это удалось, они походили на дрессированных собачек, которые поднимали лапки по его команде, прикормленные привилегиями или правом выиграть тендер, а более ценилось — его снисходительность и внимание.

Иногда, глядя с высоты президиума на слаженную работу депутатов при голосовании, он, как кукловод Карабас-Барабас, наслаждался силой и презирал своих кукол одновременно. Он уже чувствовал себя не главой, а хозяином, и вдруг появилась какая-то полоумная старуха, за которую вступился учитель-пацан. Первая и главная мысль — растоптать и уничтожить, чтобы больше ни

у кого не возникало желания возражать. Здесь есть только одна воля — его воля! И всё так не вовремя, область готова выделить средства на летний лагерь для детей, и единственное легитимное и обоснованное направление для расхода больших средств — это историческое место с артефактом в виде курной избы в Еловом Падуне. Просто участок в поле или лесу за тридцать миллионов никто купить не позволит. А тут и земля, и лес, и озеро, и курная изба, которой цены нет! А потом... Ананьев умел видеть перспективу: после оформления, на подъездные пути к детскому (как ему нравилось это слово — «детскому», слезу прошибало) оздоровительному лагерю потребуется ещё не одна сотня миллионов! А строительство — это золотая жила, которую даже раскапывать не нужно, она лежит на поверхности, её закапывать надо, чтобы другие не увидели. И кто эту стройку будет заканчивать, неважно, к тому времени, по его планам, он будет или губернатором, или близко к тому. Проще говоря: либо ишак сдохнет, либо падишах на повышение пойдёт.

В кабинет вошли помощники, самые верные и преданные. И среди самых верных и преданных не было мужчин, — это ещё один вывод жизни: самыми верными соратниками становятся женщины, они дисциплинированы, исполнительны и умеют быть жестокими или безжалостными, просто нужно уметь подобрать и настроить административный аппарат. Ананьев рукой пригласил дам за приставной столик.

— Коллеги, недалеко от Елшанки в Еловом Падуне устроилась жить какая-то то ли шаманка, то ли чёрт её знает кто. Недавно мы ездили туда с коллегами из области смотреть площадку для организации летнего дет-

ского лагеря. Так эта то ли ведьма, то ли сумасшедшая устроила стрельбу по нам. Но я не хочу огласки этого инцидента, меня там, — Ананьев указал на потолок, — не поймут, как я мог такое допустить в районе. И конечно, чтобы не навредить делу — организации в том месте оздоровительного лагеря для детей, а это наше обещание избирателям. В Еловый Падун был направлен полицейский для составления протокола и поиска оружия. Понятно, что найти оружие уже бесполезно, но вдруг за сумасшедшую вступился местный учитель и пообещал поднять всё село на её защиту. Мне только этого не хватало, революционеров в районе. В общем, надо внимательно рассмотреть работу этого учителя. Может, он и не учит ничему, а во власть метит? Со скандала удобно начинать-то.

— Геннадий Анатольевич, позвольте уточнить, с приходом учителя Корнеева елшанские ребята начали участвовать в районных и областных олимпиадах и уже привозят призы. Один мальчик отправил работу на Всероссийский конкурс. В школе стала проводится на высоком уровне воспитательная работа, замечательные занятия «Разговор о важном». За два года дети изменились на глазах, научились говорить, излагать свои мысли, записались в библиотеку, участвуют в диспутах и видеоконференциях, уже проявляют способности к самостоятельному мышлению. Я предлагаю поработать с этим юношей, вразумить, наконец, втолковать, сделать своим соратником. Он активен, и теперь воспитательно-патриотическая работа в школе на высоте. А ведь это была одна из самых депрессивных школ. Мы даже хотели закрывать её, и организовать подвоз в соседнее село. А теперь хотим обобщить его работу и привести как при-

мер другим школам, — доложила заместитель Тамара Владимировна.

— Показатели — это хорошо. Вот бы и сидел себе: уроки, конкурсы, конференции. Чего в активисты-то полез? Нет, нам революционеры не нужны. У нас в Елшанской школе избирательный участок! Давайте ещё этого учителя в избирательную комиссию посадим бюллетени считать. Там упустим, потом ещё где-нибудь, давайте сразу пустим всё на самотёк! А весной выборы президента! Наперёд видеть надо! Нас сюда зачем выбрали? Чтобы мы работали. За то нас поощряют грамотами и денежными вознаграждениями, орденами и почётными званиями. Кого мы рекомендуем и поддерживаем? Лояльных и умных, тех, кто понимает политику правильно. Мы сегодня руководим районом, нам кто-нибудь мешает руководить районом? Мы сами распределяем тендеры, землю, пай и прочие рычаги влияния, кому дать, кому не дать. А вы чего хотите? Не огорчайте меня. Не надо демократию превращать в хаос. Из доклада полицейского я знаю, что с этим учителем...

— Корнеевым Дмитрием Ивановичем, — подсказала заворготделом Тамара Ивановна.

— Даже слышать этого имени не хочу! С ним была девочка из седьмого класса Елшанской школы. Решите этот вопрос. Не мне вас учить, самое простое — возьмите Трудовой кодекс, там про моральный облик учителя написано. Он же активный, как вы говорите, значит, что-то да было! Каждый сверчок должен знать свой шесток. Следователь, который ездил в Еловый Падун, вам поможет, напишет заявление о подозрении... Короче, не мне вас учить. И ещё, вот полюбуйте, этот учитель, опыт

которого, дорогая Тамара Владимировна, вы только что предлагали обобщить, уже успел подписать письмо против «осквернения» памятника на могиле коммунарам, который на территории монастыря. Звёздочка куда-то исчезла с этого памятника. Активисты протестуют, реставрировать хотят, а когда церковь без креста стояла, им это нравилось! Всё, идите. Да, — остановил он сотрудниц, — а старуху эту в интернат определите, пусть соцзащита поработает. О стариках надо заботиться, и потом статью в газету пусть корреспонденты напишут про положительный опыт заботы о стариках в нашем районе. Гласность! Гласность должна работать на имидж района. И ещё, помните, что мы одна команда!

Из кабинета вышли серьёзно озадаченные дамы.

— Тамара Ивановна, пригласи начальника управления образования и секретаря комиссии по делам несовершеннолетних, проведём экстренное совещание, — распорядилась заместитель главы.

— На когда?

— Сегодня, на шестнадцать ноль-ноль, у меня. Да, и полицейского того пригласи. Правильно глава говорит: наперёд видеть надо!

— Тамара Владимировна, у меня есть предложение.

— Говори.

— Я знаю этого учителя, ему около тридцати, он отслужил в армии и университет закончил. Но если он служил, значит, годен.

— Отличная мысль, Тамара Ивановна, отличная! Пусть воюет, пусть делом займётся. Хорошо, я посоветуюсь с военкомом.

Итак, колесо закрутилось.

Незванные Гости

На основании рапорта лейтенанта полиции, следователя отдела внутренних дел района Картавко Петра Петровича в Елшанку были отправлены два человека: сотрудник отдела по делам несовершеннолетних из полиции и психолог из соцзащиты. Задача стояла предельно простая — подтвердить подозрения Петра Петровича о нездоровых отношениях учителя Корнеева Дмитрия Ивановича и ученицы седьмого класса Зиминой Русы. По ходу изучить тему насилия в школе и проверить содержание и воспитание детей в семье заведующей Елшанским детским садом Зиминой Галины Егоровны, матери «пострадавшей» девочки.

Когда представительницы власти зашли в дом Зиминых, в нём стало тесно. Разговаривать решили на кухне, она была просторной, с большим столом посередине, светлой и уютной. Проверять «содержание» детей не стали, потому что и так было ясно, что в доме уют, порядок и чистота.

— А где сам хозяин? — спросила сотрудница из полиции, которая себя чувствовала старшей.

— В больнице, в областной, ему сделали операцию. Онкология, — ответила Галина Егоровна.

— Да, сейчас много раком болеют, — согласилась она. — Как в общем живётся?

— Да как у всех. Вот сейчас муж выйдет из больницы, так совсем хорошо станет.

— Мы приехали поговорить с Русой. Можно её пригласить для разговора? — перешла к делу психолог, женщина молодая и упитанная.

— Руса, — позвала Галина Егоровна, — иди сюда!

В комнату вошла Руса, и женщины отметили, что девочка очень симпатичная, стройная, но ещё до конца не оформилась.

— Руса, — продолжила разговор психолог, — наша работа направлена на защиту прав детей. Мы много встречаемся с детьми, и наша главная забота — это ваше счастье. Ты живёшь в хорошей семье, мы видим, как у вас чисто и всё оформлено так со вкусом, и шторы, и посуда. И ты такая симпатичная девочка, хорошая семья, — психолог глянула на сотрудницу полиции, и та согласно кивнула в ответ. — Ты поняла, что мы твои друзья? Скажи, а как у вас в школе дела? Мальчишки дерутся, наверное, шалят?

— Так пацаны, они всегда шалят! — удивилась Руса.

Женщины заулыбались, а Галина Егоровна нервно поправила халат на груди, она понимала, что в гости неспроста появилась столь представительная делегация, но по какому поводу, она даже подумать не могла.

— Ой, смотрите, это же макраме?! Какая чудесная работа! Руса, ты делала? — встрепенулась психолог.

— Я с сестрой, и мама помогала, — смутилась довольная Руса.

— Какая хорошая семья! Дружная и мастеровитая. Вот я всегда говорила, что в сотворчестве с родителями вырастают хорошие дети, в сотворчестве, надо всё делать вместе. Согласитесь, коллега, такая красивая девочка и такие умелые руки, а она только в седьмом классе! Поразительно! Это просто поразительно! А ты, Руса, наверно, уже и с мальчиками дружишь?

— Дружу, я со всеми дружу, и с девочками тоже.

— Я в седьмом классе тоже дружила, но с одним мальчиком, и даже с ним поцеловалась. Первый раз,

представляете, в четырнадцать лет. Так любопытно было. Ты, Руса, уже целовалась? Нет? Ну, признайся!

— Нет, не целовалась.

— Но на свидания уже ходила?

— Так с кем ходить? У нас в классе Колька и Генка!

— А постарше? Из восьмого или девятого класса?

— Там один, и тот debil, сидит то в компе, то в со-тике! Он даже говорить не умеет, мычит только. У нас в девятом четыре человека учатся, три девочки и один мальчик, и в восьмом не лучше.

— А Дмитрий Иванович, он же молодой и красивый, и говорит отменно, истории всякие знает.

— Дмитрий Иванович — да! Он так говорит, заслушаешься. У него самые интересные уроки. Я раньше историю не любила, а теперь хочу историком стать.

— О! Значит, у вас одни интересы! А с ним бы ты на свидание пошла?

— С кем?

— С Дмитрием Ивановичем?

— Зачем?

— Ну как же! Он красивый, умный, неженатый, молодой!

— Мама, — Руска повернулась к матери, — я не понимаю.

— Руса, я тоже пока не понимаю, — ответила совсем растерявшаяся Галина Егоровна.

— Тебе четырнадцать, а ему тридцать, — настаивала психолог, — потом общие интересы. Девчонки бы обзавидовались!

Руса стояла молча и только оглядывала женщин, сисясь понять, шутят они или разыгрывают её. И в чём прикол и когда надо смеяться?

— Господи, да что тут не понимать? — прервала тишину сотрудница полиции, уже уставшая от всех разговоров. — Он к тебе лез целоваться, обниматься?

— Кто целоваться?

— Товарищи! Господа! Вы же с ребёнком разговариваете! — взмолилась Галина Егоровна.

— Тьфу ты, боже мой! Да подождите вы, мамаша, — махнула на Галину Егоровну сотрудница полиции и опять обратилась к Русе: — Да учитель твой пытался ухаживать? Ты вон какая красивая, а он молодой и одинокий. Поняла, о чём спрашиваю? Ты чё, прикидываешься? Ты же в деревне живёшь, да и компьютер смотришь! Он — мужчина, ты — женщина, связь улавливаешь?

— Кто, Дмитрий Иванович, что ли?

— Да, Дмитрий Иванович! Ты не прикидывайся, взрослая, сама всё знаешь, — давила сотрудница полиции. — Намекал он тебе, предлагал там то да сё? Ты маленькой не прикидывайся! Вон титьки на лоб скоро залезут и юбку короткую по самую розетку носишь. Давай говорить по-взрослому, хватит комедь ломать!

И тут до Руски дошло, чего от неё добиваются эти женщины.

— Мама... — будто за помощью обратилась к маме Руса, но вдруг схватила с плиты сковороду. — По-взрослому?! А ну пошли отсюда! И замахнулась на сотрудницу полиции.

Галина Егоровна кинулась к дочери, обхватила её, прижав руки со сковородой.

— Бегите, бабы, пока я её держу!

Повторять не пришлось, женщины кинулись вон из дома.

А Руса вдруг заплакала, да так, что всё её тело задрожало, мать отпустила её обмякшее тело, посадила на стул.

— Прости меня, доченька.

Уже с улицы специалист полиции закричала, обращаясь к Галине Егоровне:

— Я тебя родительских прав лишу! Детей распустила, на людей кидаются! Завтра же! От такого воспитания их спасти надо.

— Мама, — подняла заплаканное лицо Руса, — ты меня прости, что я подралась.

— А ничё, дочка, пусть сами не лезут. Сдачи давать надо.

Но вдруг из соседней комнаты выскочила старшая сестра Зоя, подскочила к окну и закричала в форточку:

— А я всё на телефон записала! Президенту отправлю! И вас с работы выгонят!

Галина Егоровна обомлела, присела около Русы, которая от удивления вовсе перестала плакать.

— Доченька, это ты всё время снимала, пока они здесь были?

— Да, мама! Снимала! Стояла вон там, за шторкой, и снимала. А теперь президенту отправлю, чтобы он этих дур с работы выгнал. Лишат они тебя прав! Да мы сами их лишим прав, мы их таких прав лишим! — Зоя погрозила в окно кулаком.

А Руса вдруг засмеялась и утёрла глаза:

— Зойка, а пойдём их отметелим!

— Не пуцу! — подскочила мать, преграждая дверь.

— Да я шучу, мама! Зоя, а каких таких прав ты их лишишь?

— Прав таких — лезть в чужую семью и говорить всякие гадости о людях.

— Ну, девочки, я сегодня поняла одно, — мать обняла дочерей, — нас теперь никто не одолеет. Мы теперь сила! Вот только бы папка быстрее вернулся домой, а то мы без него всех тут покалечим.

Незванные гости остались ни с чем. Получить пользу от этого визита им не удалось. Однако ж нехорошие слухи всё-таки поползли, и на Корнеева некоторые стали поглядывать с опаской.

Геодезист

Раньше их называли землемерами.

Землемерами работали, как правило, люди худые, высокие и скорые на ногу. И был у них инструмент примечательный, чем-то напоминающий букву А, держались они за маковку этого инструмента и шагали, поворачивая инструмент с ноги на ногу, сами шагали, и инструмент шагал. Звали тот инструмент — сажень или циркуль землемерный. Шёл землемер, шаги считал, потом умножал на два метра, потому как между ног у этого инструмента два метра и было, вот тебе и расстояние.

В старину землемер пользовался особым уважением: во-первых — грамотный, а во-вторых — при должности, и от того, как посчитает, такой удел земли у тебя будет, и в каком месте отведёт участок, в таком месте урожай тебе собирать. Нынче всё проще, циркуль землемерный таскать уже не надо, всё прибор один сам делает и на карту метит. И не землемер уже это делает, а геодезист. Всё по-научному.

Зима нынче поздняя, припоздали холода на сибирские просторы. Восьмое декабря — День Морены, хозяйки тёмной ночи, а снегу — чуть только траву припошил. С приходом богиня зимы не прерывала жизнь умерших людей, а вводила их в мир вечности, указывая душе её дальнейший путь. И всякому новая жизнь в вечности давалась по делам, словам и заслугам земным. Справедлива Морена и строга, прекрасна ликом и страшна взглядом и законом правды. В этот день не пели гимнов-славлений, но справляли обряд особый.

Землеустроитель и геодезист Морозов пришёл к озеру в Еловом Падуне по горячему и беспрекословному приказу главы района Ананьева, сделать съёмку местности вокруг озера, оформить участок вместе с курной избой и выставить на торги. За спиной геодезиста на широкой лямке через плечо разместился тахеометр, который позволял измерить площадь вокруг озера, сам дом и нанести потом на карту. За эту работу обещали дополнительно два выходных к новогодним каникулам.

Он выбрал удачное для съёмки место, присел на ящик от прибора, вынул из внутреннего кармана пальто чекушку водки, открыл, отпил и блаженно закурил. Чудесное место, панорамное, видимо, приглянулась эта красота главе, только вот почему-то по этому участку было поручено выиграть торги в пользу Свирского Глеба Моисеевича. Собственно, какая разница, это не его геодезическое дело, пусть тешатся, пока у власти, придут новые, те будут петь новые песни.

Вдруг дверь избы с пронзительно-ржавым скрипом отворилась, и на пороге появилась старуха в тёплой мехнатовой телогрейке и с дымящимся поленом в руке. Она подошла к озеру и, не ступая на лёд, закричала надтреснутым, но ещё сильным голосом:

— А ни Мора, ни Морока не будем славить, но приветствуем тебя, богиня зимы, владычица снегов, хозяйка мороза, льда и метели! — старуха размахнулась и кинула дымящуюся головешку на лёд озера. — Морщины морозовы измором не заморочишь, морем не уморишь, мороком не омерзишь, мухомором не умертвишь! Не боюсь твоих морозов, вот огонь есть у меня, не боюсь твоего смертного холода! Уходи, мороз, отсюда! — трижды плюнула в сторону геодезиста и пошла обратно в дом.

Морозов судорожно перекрестился, выплюнул прилипшую к губе давно потухшую сигарету, открыл чекушку, выпил, занюхал рукавичкой и поспешил обследовать вверенный ему участок. Перед каждым поворотом вокруг озера он устанавливал прибор на треногу, записывал координаты, наносил точку на карте, делал тёплый и бодрящий глоток и спешил дальше. Работа пошла, в работе он успокоился и уже не думал о старухе, кричащей в простор озера, и её странных манипуляциях с головешкой. Будто и не было того, а приснилось. Ему теперь вся эта картина казалась потешной, как весёлые похороны из какого-то фильма.

— Ой, Морена, ой, Морена! Уморила ты меня! — хотнул геодезист, допил из чекушки, бросил бутылёк на лёд, а тот, позванивая и кувыркаясь, унёсся прочь.

И вдруг — препятствие! Из озера вытекал ручей, и не то чтобы широкий, но быстрый: в самом устье, в размытой полынье виднелись разводы движущейся воды. Геодезист поднялся чуть выше по течению, но перепрыгнуть ручей не представлялось возможным, тем более с геодезическим прибором.

«Так вот она где берёт своё начало, речка Смородина! Речка, разделяющая мир живых и мёртвых. Но где

мир живых, а где мёртвых — по левому берегу или правому?» — судорожно думал геодезист, и вдруг догадался, что по правой стороне — мир Прави, то есть жизни, именно на том берегу, где он сейчас стоит. А ему надо переправиться на другой берег — в мир мёртвых, мир Нави. Но геодезист в тот мир и на тот свет не хотел.

Внезапно он почувствовал запах дыма от костра. Жгли берёзовые поленья — он мог отличить берёзовый дым от любого ещё с детства, с банного духа, в который всегда подмешивался запах дыма из печи.

— Тьфу ты! Наваждение! Ну конечно, никакой речки Смородины нет! Что за фантазии в двадцать первый век, что за бред. Всё, пить меньше надо, а то или гаишники жизнь испортят, или белая горячка добьёт.

Но как перебраться? Чуть поодаль, у самого истока ручья он увидел два бревна. Они лежали, будто мост, и как он их раньше не заметил! Геодезист ступил на брёвна и, не торопясь, такой мелкой цыпой перешёл ручей. Левый берег ничем не отличался от правого, та же твердь, слегка припорошенная снегом. Он уловил шум голосов и смело пошёл на них.

— А вот и Морозов! — услышал он приветствие, ещё не видя никого, и ему стало совсем хорошо и спокойно на душе: он не только в безопасности, но ещё и знакомых встретил в этом чёртовом Еловом Падуне.

На берегу озера, под огромной ветлой стоял длинный празднично накрытый стол, во главе стола на ледяном троне с высокой резной спинкой сидела сама богиня зимы — величественная Морена. Её нельзя было не узнать, она была бледна и прекрасна ликом, на голове ледяная корона в разноцветье изумрудов и рубиновых камней. На толстом изгибе ветлы лежала Русалка, в голубом и бессовестном купальнике. Морозова аж передёрнуло от

ощущения ледяного холода, но ей, как видно, было комфортно и на морозе. Она увидела его первой, помахала рукой и шлёпнула по стволу довольным хвостом. За столом сидели Дед Мороз со Снегурочкой. Снегурочка показала геодезисту очень знакомой, да, она очень походила на жену начальника отдела! Тут же сидел Леший, но в праздничном халате и без привычной гусеницы на лбу. Недалеко от стола горел костёр. Около костра на берёзовой чурке сидел глава района Ананьев.

Геодезист растерялся и не знал, с кем первым здороваться — с Мореной и её гостями или с главой района.

— Здравствуйтесь, господа, — наконец-то поздоровался Морозов, дипломатично обращаясь ко всем сразу.

— И что же тебя сюда привело? — спросил Леший.

— А Геннадий Анатольевич разве не говорил?

— Он ответит за своё, ты на него не кивай. За себя говори! С чем пожаловал в Еловый Падун?

— Так, — затрясся от волнения геодезист, — выполняю приказ, делаю съёмку местности, готовлю документы для торгов.

— И кто должен выиграть торги? — спросила знакомая Снегурочка.

— Так Глеб Свирский, ваша милость.

— За два выходных продал совесть? — вздохнула богиня Морена.

— Ваше царское величество! — встал на колени геодезист. — Ваша честь! Простите, бога ради, грешного!

— Простим? — спросил Дед Мороз.

— Нет, — ответил за всех Леший и сморщил рожицу. — Собаке — собачья смерть!

— Простите, — геодезист подполз к Лешему, схватил полу его халата и стал целовать. — Простите, ваше благо-

родие! Век за вас молить буду Господа нашего Иисуса Христа и матушку Его Пресвятую Богородицу и всех святых!

— Этот первый распнёт Христа по его указке, — Морена кивнула на Ананьева.

— Слаб человек, — вздохнула Снегурочка. — Давайте отдадим его Люське.

— Да, отдайте его мне, — радостно встрепенулся хвост Русалки.

Геодезист пополз к ногам богини Морены.

— Чёрт меня попутал, вот он — глава! Всё он! Он сказал мне и съёмку местности сделать, и торги подлые учинить, чтобы Свирский выиграл! Всё — он!

— Признаёшь вину? — спросила богиня, глядя в глаза Ананьева.

— Конечно, нет! Я же знаю, что чистосердечное признание — самая короткая дорога в тюрьму!

— Верно, — согласилась богиня. — Это верно там, где нет правды! А значит, там нет и жизни, потому что ложь — это та же смерть!

— Отпустите меня, ваше благородие, Царица Небесная! — опять застонал геодезист.

— Куда тебя отпустить? Ты умер, и я введу тебя в чертог смерти.

— Живой я! Ей-богу, живой! Смотри, тёплый! Отпусти домой, Христа ради, к супруге моей доброй и к деточкам малым — Леночке и Толику.

— Как же я могу тебя отпустить, если ты лжец и слуша лжи? Сегодня останется жить только правда.

— Так я же не по своей воле, я же человек маленький, мне сказали — я исполнил. Я же не решаю ничего, я — принеси-подай.

— Но ты же знал, что глава лжёт и заставляет тебя лгать?

— Именно! Именно! Заставлял. Я не по своей воле! А я куда пойду, кому я нужен? А тут зарплата стабильная, а мне деточек кормит-поить надо. Ты же женщина, ты же сама всё знаешь! Да, наконец, так сейчас все живут. Скажи я ему что против, — показал геодезист на Ананьева, — и всё, на улице я. И кому правда моя нужна? Жене? Деточкам моим? Или совести моей? А на кой мне моя совесть, если жрать дома нечего будет?

— Чем он лучше Ананьева? Да ничем, такая же дрянь. За малое продал то, за что и жизнь отдать — честь. Пустая душа. На лесоповал его! — подытожил разговор Дед Мороз.

— На какой лесоповал? — удивился геодезист.

— На сказочный, но имеющий большое воспитательное значение, — уточнила Снегурочка, жена начальника отдела.

— А-а-а! Будьте вы все прокляты! — закричал геодезист, ударил кулаком по земле... и очнулся около курной избы.

Морозов немного постоял на коленях, огляделся, черпнул в ладонь снега, утёр лицо.

— По ходу, бухать надо завязывать.

Он снял координаты курной избы, записал всё в блокнот и поспешил на выход. Задание было выполнено, два дня к новогодним выходным в кармане. Только дома он увидел порванную на коленях штанину, а вечером не мог долго уснуть, потому что по мозгам елозила одна и та же мысль: ложь — это та же смерть. Он встал, покурил, опять лёг и опять не мог уснуть, а потом вдруг прошептал в темноту:

— Прости, Господи!

— Прощу, — ответил кто-то из темноты.

Флешмоб

Конечно, лучше было бы увидеть флешмоб, который разместили дети на просторах всемирной паутины как раз накануне новогодних праздников. Но нет такой возможности, а потому просто перескажем хотя бы в общих чертах. Скажем прежде и несколько слов в защиту интернета. В действительности же это очень полезное изобретение, но, к сожалению, человек удивительным образом всё хорошее может превратить в помойку, в данном случае в помойку информационную.

Прежде чем начать съёмку флешмоба, Колька залез на крышу школы со своей мобилой, он был типа оператором. На съёмку ученики школы принесли из дома сковородки. Пришли все, кроме первоклашек, их даже и не звали.

Сначала школьники выстроились в форме сердца и, поднимая руки вверх, изобразили, как оно пульсирует. Потом в кадре появилась Руса Зимина. Вот что она сказала:

— На детей Елшанской школы напали полицейские. Они ходили по домам обучающихся в школе детей и расспрашивали о нашем любимом учителе истории Дмитрие Ивановиче Корнееве. Они хотели слышать только гадости о нём. Мальчиков спрашивали, не бил ли он их, не пугал, не толкал ли. Когда пришли ко мне домой, я не выдержала и выгнала сковородкой инспектора из полиции. Попробуйте ещё раз приехать к нам в Елшанку, мало вам не покажется, мы вооружены!

Руса показала свою сковороду. А потом сказала:

— Посмотрите на этих людей.

На экране появились сотрудница полиции и психолог соцзащиты. Отчётливо слышны оскорбительные слова, ответ Русы со сковородой и крик матери: «Бегите, бабы, пока я её держу!»

На экране вновь Руса:

— С этого дня Дмитрий Иванович под нашей защитой! И уберите от нас телефон доверия, мы вам больше не доверяем! Мы не будем стучать на учителей и родителей! Мы лучше, чем вы думаете о нас. И мы едины!

Закончился флешмоб опять съёмкой с крыши: дети выстроились в форме сковороды с ручкой и угрожающе закричали и замахали своими сковородками.

Получилось очень неплохо.

Комиссия

Дмитрий Иванович, в общем-то, в жизни и не встречал препятствий. Он любил трудности, но те, которые выбирал сам. Про таких говорят: жил как хотел. Даже службу в армии он выбрал добровольно, из убеждения, посеянного отцом, что мужчина должен обязательно служить в армии. А потом уже учёба в педуниверситете. И работа в глубинке без карьерного роста и особого достатка — тоже его добрая воля. Он был убеждён, что стремление к повышению социального статуса мешает сосредоточиться на жизни и часто вводит в заблуждения. Человек, устремлённый к общественному успеху, уже не может правильно ориентироваться в вопросах смысла

жизни. Дмитрий Иванович ставил перед собой задачи и решал их вполне успешно, поскольку успех зависел только от него самого и его умения отличить главное от модных химер. И потому в свои силы он искренне верил, верил в торжество справедливости и здравого смысла. А великое или невеликое будущее — видно будет только последующим поколениям.

Но сегодняшние противники были неподвластны ему, они оказались теми обстоятельствами, которые называют непреодолимой силой. В борьбе с ними он всякий раз оказывался на шаг позади. Был протокол Картавки, в котором он описывал нахождение несовершеннолетней девочки вместе с елшанским учителем в Еловом Падуне. Была служебная записка от инспектора по делам несовершеннолетних и психолога соцзащиты о странном поведении той самой девочки. И был ролик флешмоба — детская забава, которая стала настоящей провокацией и аргументом против него. Дмитрия Ивановича объявили организатором флешмоба, который в своей корыстной борьбе использовал доверчивых детей.

Правда, все эти аргументы носили более эмоциональный, чем юридический характер, ничего существенного против Корнеева не было — ни заявлений, ни пострадавших. Да и сам учитель был на хорошем счету. Однако, когда он решил, что всё наконец-то успокоилось и буря преследования утихает, в Елшанку приехала комплексная комиссия из района.

Председатель комиссии — руководитель методкабинета, заслуженный учитель России — успокоила крайне встревожившуюся Аделину Ионовну:

— Дорогая Аделина Ионовна, ну что вы так разволновались? Вот приехали посмотреть, как работаете,

ничего необычного. Вы на хорошем счету, вас уважают не только в управлении, но и коллеги. Радоваться надо такому вниманию. Мы по-простому, не беспокойтесь. Обобщим удачные наработки. Отправим вас поделиться опытом на областную конференцию. Представим к наградам.

— Неожиданно, и так много народа, — пыталась успокоиться директор школы.

— Есть у вас молодой активный педагог. Корнеев Дмитрий Иванович. Он какие предметы ведёт? Историю и обществознание? И классное руководство? Замечательно! Хорошо бы с классом побеседовать.

— Да, он такой активный, всё время с детьми, и экскурсии, и участие в районных конкурсах... Пойдёмте, в седьмой класс.

Когда комиссия вошла в класс, дети поднялись с мест.

— Здравствуйте дети, — поздоровалась председатель комиссии и обратилась к учителю: — Простите, что прерываем урок. Позвольте мне поговорить с детьми.

Учительница русского языка уступила своё место за столом.

— Ребята, у вас хороший классный руководитель Дмитрий Иванович. И уроки у него интересные. Да? Что вы можете о нём рассказать?

— А зачем вы спрашиваете? — насторожился Генка.

— Идёт конкурс «Учитель года», рассматриваются несколько кандидатур, в том числе и учителя истории Елшанской школы Корнеева Дмитрия Ивановича. И чтобы не ошибиться, мы решили, что надо спросить не директора, а обучающихся. Правильно? Пусть дети поставят учителю оценку, а то всё время учителя только

ставят. Какую бы оценку вы поставили Дмитрию Ивановичу?

— Пять, конечно! — подскочил Колька.

— Да! Да! Правильно! — подхватили ребята.

— Нет, неправильно, — встала Руса. — Не пять, — наступила гробовая тишина, — а пять с плюсом!

Ребята такую оценку поддержали ещё громче.

— Мы обязательно отметим Дмитрия Ивановича за хорошую работу. Вот ещё что — «Разговоры о важном». Какие темы вы обсуждаете? Что запомнилось?

— Дмитрий Иванович про разное рассказывает, — ребята наперебой стали вспоминать уроки. — Вот недавно — про фашизм.

— Очень интересно! Да, тема-то какая актуальная!

— Ага, про фашизм. И про предателей. Колька ещё сказал, что торгашам войну устроить надо и магазины поджигать! — без умысла хохотнул Генка.

— Ну ты че...

Специалист как будто пропустила это мимо ушей, но глаза у неё загорелись.

— Про каких предателей? — переспросила она.

— А про тех, которые у нас окопались, — уточнила Руса.

— У нас в России окопались?

— Конечно! А что, вы не знаете?

— И им, значит, войну? А про магазины что Дмитрий Иванович сказал?

— Да ничего. Сказал, чтобы Колька думал, что говорит.

— А что, Дмитрий Иванович разве не прав?

— Не прав, конечно! К стенке их по законам военного времени! — Колька как всегда горячился.

— Учитель у вас хороший, а предателей у нас нет. Мы вместе живём в своей стране. Все вместе. И никакие магазины жечь не надо. Вот что вам должен был сказать Дмитрий Иванович. Хорошо. А что-нибудь необычное, такое запоминающееся рассказывал?

— А у него всё запоминающееся!

— Например?

— Он про сома рассказывал огромного, про Лешего и Домового. И что солнцу раньше молились, короче, прикольная жизнь была.

Председатель комиссии встала из-за стола:

— Замечательные у вас дети, Аделина Ионовна! Спасибо вам, ребята, за честный разговор.

Дети поднялись с мест и стояли, пока за гостями не закрылась дверь.

Председатель и другие члены комиссии прошли в кабинет директора.

— Аделина Ионовна, вы же прекрасно всё понимаете. Вам звонили, подсказывали. А тут ясно как божий день. Вот это воспитание! Сегодня магазины жечь, а завтра? Куда смотрит классный руководитель? Дети, конечно, под влиянием, будут его защищать. Но здесь же элементарные нарушения — устава, педагогической этики. Нравственная этика — раз, гражданская позиция — два, культура безопасного образа жизни — три. Продолжать? И эти языческие сказки о Леших и Домовых. Он не язычник случаем?

— Нет, — удивилась Аделина Ионовна, — не замечала.

— А в церковь он ходит?

— Тоже не знаю.

— Плохо. Знать о своих сотрудниках надо всё. Он живёт один или у него женщина есть?

— Говорят, что есть какая-то, но никто толком не знает.

— Вот видите, как много вопросов, и нет ответов. Мужчине тридцать, а он не женат, это уже подозрительно. Н-да! Экземпляр. Это же он у вас отказался прививаться от ковида? Готовьте-ка приказ об увольнении. Нет, сначала выговор. Я подпишу как свидетель. Ознакомьте, возьмите объяснительную, чтобы как положено. А потом приказ. Не ждите дальше, да и к Корнееву будьте гуманнее: грубое нарушение — это всё-таки не аморальное поведение или чего похуже.

Учитель уволен

Аделина Ионовна причину увольнения Дмитрия Ивановича сформулировала так: «На основании п. 1 ст. 336 ТК РФ, в связи с неоднократным грубым нарушением устава МБОУ «Елшанская общеобразовательная школа» в течение одного года, ПРИКАЗЫВАЮ: уволить Корнеева Дмитрия Ивановича с должности учителя истории МБОУ «Елшанская основная общеобразовательная школа». Приказ был прочно и безукоризненно обоснованным уже потому, что за последние годы Дмитрий Иванович неоднократно опаздывал на работу, о чём свидетельствовали соответствующие приказы и предупреждения.

Но прежде, как человек, уважающий чужие права и свободы, гармонично чувствуя веяния времени и гуманистически настроенного правительства, а также обладая добрым сердцем, Аделина Ионовна предложила

Дмитрию Ивановичу уволиться «по-хорошему», то есть по собственному желанию, освободить служебное жильё и уехать из района. И уверенно гарантировала, что всякие расследования тут же прекратятся. На что получила ожидаемый и категорический отказ и вопрос:

— Аделина Ионовна, что вам важнее: изобличить преступника или избавиться от него, отправив за пределы района?

Разговор проходил в маленьком, но прохладном директорском кабинете. Старая мебель, очень старая, деревянный пол, покрытый толстым слоем коричневой масляной краски. На стене в головах портрет Путина, в шкафу за стеклом портрет Медведева. Два стола, обычных, письменных, но стоящих друг к другу под прямым углом: один — рабочий, а второй изображал приставной столик. Стулья новые, пластиковые, с дырчатым дном для вентиляции. Позади стола в одном углу триколор Российской Федерации, в другом — флаг области. На фоне старой мебельной рухляди флаги отличались особой торжественной новизной.

Аделина Ионовна сидела за рабочим столом, Дмитрий Иванович за приставным.

— Дмитрий Иванович, — попыталась переубедить учителя Аделина Ионовна, выполняя наказ свыше всё решить на месте, без выноса мусора на районный уровень, — я вам предложила идеальный вариант. Вас же в тюрьму посадят! Вас же по комиссиям затаскают! Боже мой, вы же не представляете, в какое дерьмо, простите за выражение, вы вляпались, какие люди стоят за этим расследованием. Вы не хотите понять, что и полиция, и прокуратура, и администрация — все против вас, они вас будут таскать, пока не заведут на вас уголовное дело.

Я же вам как мать сейчас говорю. Вот этот мой приказ об увольнении для вас благо. Но если вы не уедете, то я ничего гарантировать не могу. Я не имею права так говорить, но мне жаль вас, вы ещё такой молодой! От вас же так просто не отцепятся, понимаете это или нет? А вы со своей гордыней носитесь, как курица с яйцом! — она разволновалась и в очередной раз переложила на подоконнике свой сотовый телефон.

— Аделина Ионовна, — Дмитрий Иванович посерьёзnel. Он понял, что директор не только выполняет свои администраторские обязанности и волю властей, она действительно от души беспокоится за него. И в ней сейчас борются приказ свыше и совесть. Ей очень тяжело. И он, может быть, впервые увидел искреннее чувство в глазах директора. — Скажите, это вам Ананьев приказал убедить меня уехать из района? Вы сейчас его слова повторяете?

Аделина Ионовна смутилась буквально на секунду, видимо, не ожидала такого вопроса.

— Говорите правду, если уж начали. Что он вас просил ещё мне передать? Весь ассортимент угроз перечислите, пожалуйста.

— Нет, Дмитрий Иванович, это не он просил, я с главой не встречалась, — Аделина Ионовна встала, подошла к окну, наверное, чтобы всё-таки скрыть выступивший румянец стеснения и неловкости. — Я вам скажу, но только не выдайте меня, пожалуйста, очень прошу вас, мне тогда головы не сносить. Меня вызывала заместитель главы Тамара Владимировна, и там была ещё Тамара Ивановна.

— Знаю о них, слышал: «Мы с Тамарой ходим парой, санитары мы с Тамарой. Если что-нибудь случится, приходите к нам лечиться».

Аделина Ионовна резко развернулась к Дмитрию Ивановичу и оперлась на подоконник. Она любила свой подоконник, он стал её своеобразной поддержкой и аргументом в её пользу, потому что напоминал всем её победу, когда в прошлом году школа попала в программу и на окнах заменили все деревянные рамы — теперь во всей школе наконец-то были пластиковые окна. В этом был плюс и минус. Плюс понятен, а минус в том, что теперь облупившийся фасад школы вдруг стал выглядеть ещё уродливее.

— Не хулиганьте, Дмитрий Иванович. Мне не до смеха. Они просили меня уговорить вас уехать из района. Не ко двору вы пришлись нашему начальству. Где-то что-то... я не понимаю, где вы им так могли насолить.

— Не ко двору, — повторил Дмитрий Иванович. — Вы же понимаете, Аделина Ионовна, что теперь, после вот этого признания, я как человек, как мужчина уже уехать не могу. Мне чувство собственного достоинства не позволит. Если я уеду, то, поверьте, я же перестану потом сам себя уважать, да и вы перестанете.

Аделина Ионовна подошла к сидящему Дмитрию Ивановичу и доверительно положила руку на плечо.

— Дмитрий Иванович, вы меня простите, но сейчас решается ваша судьба, и я как мать, не по службе или приказу, а просто, чтобы вашу жизнь не искалечили, прошу вас, уезжайте, а потом, когда пройдёт время, вы вернётесь. А уважать я вас буду всегда, поверьте мне.

— Нет. Спасибо вам, конечно, я не выдам вас, но и не уеду, — Дмитрий Иванович встал. — Честный человек не может ничего бояться и не должен. Победа будет за нами! — он, как показалось Аделине Ионовне, легкомысленно помахал ей рукой и пошёл к выходу.

— Дмитрий Иванович! Стойте! Господи, вы себя сами-то слышите? Детский сад, честное слово! Вы идёте ровно тем же путём, что и Ерёмин! Понимаете?

— Ерёмин? — Дмитрий Иванович задержался в дверях. — Я слышал о нём. Он работал директором Витовской средней школы?

— Именно! Работал! А теперь со статьёй и с инфарктом сидит дома и раны зализывает. Его два с половиной года по допросам таскали! А вы знаете, Дмитрий Иванович, что я и без увольнения обязана вас выселить из служебного помещения? Дом признали ветхим, он находится в аварийном состоянии. Вы слышите меня? А если вы добровольно не съедете, то я должна буду обратиться в полицию. Вы же понимаете, что я человек подневольный?

— Знаю, знаю, что подневольный. Я даже не буду ехидничать над стремительными сроками ветшания моего дома. Всё и так понятно. Аделина Ионовна, выселять меня не надо, дом я покину самостоятельно, но мне нужно несколько дней, чтобы найти место, куда переехать. Вы же не требуете от меня сейчас же вынести вещи на улицу и ночевать в сугробе?

— Не делайте из меня зверя, — возмутилась директор, — но у вас только три дня!

Дело Ерёмина

Дмитрий Иванович отличался, конечно, внешней бравадой, но отдавал себе отчёт в том, как методично стягивается удавка на его горле. Аппарат «правительства»

района душил системно и продуманно. Для сопротивления, очевидно, уже требовался адвокат, но Дмитрий Иванович никак не мог согласиться с тем, что без юриста может проиграть. Напоминание о деле Ерёмкина не осталось без внимания Дмитрия Ивановича, и уже на следующий день он не только нашёл координаты опального директора, но и напросился на встречу с ним.

Сомнения — вот причина, которая толкала Корнеева к действию. Какими праведными ни были бы его негодование и протест, он давно уже знал, что правда побеждает не всегда. И узнать похожую историю, а главное, её итог, показалось Дмитрию Ивановичу очень важным.

Встретились в райцентре, в кафе, за угловым столиком. На столе чай. Ерёмкин Сергей Евгеньевич — крепкий, коротко стриженный, хорошо сложенный пятидесятипятилетний мужчина, ростом выше среднего.

Дмитрий Иванович был готов к встрече, он заведомо поинтересовался делом Ерёмкина, тем более оно было на слуху, и не только в учительской среде. Сергей Евгеньевич сразу согласился на встречу, потому что, в свою очередь, уже слышал о скандальном деле Корнеева. Встретились два брата по несчастью, а потому разговор начался сразу и откровенный.

— Сергей Евгеньевич, вы старше меня на четверть века, я вам в сыновья гожусь. У вас за плечами армия. Я читал о вас: вы подполковник в отставке и вас после демобилизации попросили возглавить школу. И вы согласились.

— Не совсем так. Я проработал в школе два года. Пришёл учителем истории, обществознания и ОБЖ — основ безопасности жизнедеятельности. Для меня было всё ново. Я до того занимался воспитательно-образователь-

ной деятельностью среди солдат, сержантов и офицеров. А тут дети, и это было волнительно, наверное, потому, что я ещё хорошо помнил себя и свой класс, а мы были просто оторвами. Что мы только не творили. Я не только помнил всё, но и помнил, откуда эта дурь в жопе берётся!

Я стал для них неожиданным учителем. В школе очень давно коллектив педагогов не менялся. А тут вдруг мужик, здоровый и бородатый. У меня не было классического педагогического образования, только высшее военное общевоинское училище. Трудность была, но временная, это как в незнакомое авто сесть, к габаритам нужно привыкнуть.

А потом мне работа в школе стала нравиться. Я во время урока успевал и «за жизнь» поговорить, и послушать, о чём ребята думают. Были, конечно, ситуации. В десятом классе проходили тему Великой Отечественной войны. Я дал задание сравнить исторические портреты Сталина и Гитлера. И вот на следующий урок мне дети заявляют, что, собственно, разницы особой нет. Что Сталин, что Гитлер — тираны. Скажу честно, я был в шоке. Я догадывался, что в нашей стране не всё в порядке с образованием детей, но не мог предположить, что до такой степени. На втором этаже школы была галерея портретов участников войны. Я сказал: «Класс! Встать! На выход!» Вывел их в коридор, построил в одну шеренгу напротив портретов и говорю: «А теперь скажите своим предкам, что Гитлер и Сталин одно и то же!»

Понятно, что вся эта дурь берётся из гаджетов, но самое страшное, что в семьях говорят так же! И даже в семьях учителей! Ты понимаешь это?! И на этом же уроке мне одна девочка, у неё мама учитель в нашей школе, говорит: «А моя мама сказала, что надо было выгнать

фашистов до границы, а дальше не идти». Ты слышишь: мол, мы свою страну освободили, зачем дальше полезли? И тут меня тряхнуло! И тут я понял, что нельзя историю преподавать просто по учебнику.

И я пошёл к директору и говорю: «Давайте организуем военно-патриотический клуб». Он говорит: «Давайте. Это внеклассная работа, она поощряется».

Я собрал детей, но, как старый вояка, решил, что в клуб попадут только те, кто хорошо учится и у кого дисциплина на уровне. По нашему примеру в районе начали создавать военно-патриотические клубы, и мы решили на базе своей школы провести районный фестиваль. Главное, дети загорелись этой идеей. О нас узнали в районе, школа стала считаться передовой.

На второй год мне предложили место директора школы. Я согласился, и это стало последней каплей. Знаете, что такое «агрессивное болото»? Были у нас такие, в оппозиции. Не весь педсостав, конечно. Дама одна мечтала стать директором и считала себя законной преемницей. Случай подвернулся. Я жёстко поговорил с учеником, поговорил при двух учителях у себя в кабинете. Понятно, что для такого разговора были весомые причины. На следующий день приехали из следственного комитета. Разобрались, выяснили, что никакого насилия не было, написали отказ в возбуждении уголовного дела. Через четыре месяца вдруг возбуждают уголовное дело по той же причине, плюс избиение. Всего собрали три сюжета, правда, один тут же отказался, потому что, по его словам, ему сказали написать такое заявление. Были подключены неизвестные силы, которые терпеливо пытались меня выгнать из школы, хотя я уже был отстранён. Два с половиной года шло следствие. Два с половиной года потерпевшие

отказывались, но всякий раз дело возобновляли. В итоге — инфаркт, и я не выдержал, написал повинную. Написал, потому что начали угрожать судебными делами другим учителям, которые были при первом конфликте с учеником. Зампрокурора сказал, что я попал в передел системы, и система не может меня выпустить просто так, тем более дело длится уже столько времени, — Сергей Евгеньевич горько усмехнулся. — Типа честь мундира. Меня осудили на три года условно. Учительское болото торжествовало.

— Вы сдались?

— Я ничего не боюсь, я свободный человек и ни от кого не завишу. Я теперь знаю, что такое правовая система России, я не хочу ещё раз попасть в этот обмолот. Я понял одну истину: совсем не обязательно человека садить в тюрьму или отправлять на лесоповал, его можно сломать иными способами. И сегодня эта система «лома» работает отменно.

— А как другие учителя, родители, дети, наконец?

— Были и пикеты, и заявления, люди делали многое, но система умеет не замечать, не видеть. А для прессы это горяченькое дельце, есть повод посмаковать. Коротче, грязь кругом, не хочу даже вспоминать, это страшно.

— Страшно русскому офицеру?

— Это страшно всем. Это не бой в открытом поле. Я и сейчас, если придёт приказ, готов отдать жизнь за Родину. Это не сложно. Но мы говорим о другом. Пыток мало кто выдерживал. А пытка моральная, психологическая — это страшно, её невозможно выдержать, если её применяет система власти. Я теперь, как никто другой, понимаю эту поговорку: от тюрьмы и от сумы не зарекайся.

— Понял. Сергей Евгеньевич, мои вопросы не для прессы. Я сейчас поясню. Я, собственно, знаю, что случилось. Читал и спрашивал у людей, весь район ещё хорошо помнит ваше дело. Короче, я интересуюсь, мне важно из первых рук узнать. Я работал в Елшанской школе учителем истории, как и вы, тоже истории, а сейчас допрашивают детей и родителей, не бил ли я кого или оскорблял. Короче, ищут любой повод, чтобы обвинить, но дела ещё нет.

— О! Какой знакомый сценарий! — попытался пошутить Сергей Евгеньевич.

— Не смейтесь, всё очень серьёзно. Причина в том, что я выступил в защиту старой женщины, ветерана труда. Жить в селе ей негде, вот она и поселилась в брошенном доме. А дом этот вместе с землёй кому-то потребовался. Короче, я им помешал.

— Так и что теперь? В каком состоянии дело?

— Пока все притихли. Меня выгнали за нарушение устава, но требуют, чтобы я уехал из района. Что мне делать? Я ни в чём не виновен! И почему я должен бежать?! Это же трусость! Вы же понимаете, как это позорно — бежать, будучи ни в чём не виновным! Будто шкодливая собачонка!

— Знаю, знаю! Сам не спал. Всё думал и думал...

Наступила пауза. Два мужчины, крепких, умных, сильных, сидели, опустив головы, и думали каждый о своём горе.

— Говорят, — Дмитрий Иванович отодвинул от себя нетронутый пластиковый стаканчик с чаем, — много говорят о сталинских репрессиях. Я думаю, что сейчас не лучше. Тогда боролись с предателями и врагами, а сейчас просто ломают людей.

— Мне трудно сказать, я тогда не жил, а написано много всякого, — ответил Сергей Евгеньевич.

— Когда при Хрущёве проверяли политические дела, заведённые во время Сталина, — более двухсот тысяч, — оказалось, что судебных ошибок меньше четырёх процентов. Только четыре дела из ста были ошибками, оговорами или случайными. А сейчас, как думаете, сколько ошибок?

— Много. Не знаю, но много. Если органы завели дело на человека, то оправдательного приговора ждать не стоит, — согласился Сергей Евгеньевич.

— Верно! Страшно подумать, но сейчас чуть больше трёх процентов оправдательных приговоров, а знаете, сколько оправдывали при «злом» Сталине? То-то! От восьми до десяти процентов. Сейчас в три раза меньше. Да и бог с ними, с этими оправдательными. А сколько воров на свободе ходит? Вот от всех этих мыслей о ворах на свободе... это же всё отсутствие правды, без которой лично мне жить хреново, — Дмитрий Иванович понял, что начал горячиться. — Извините, Сергей Евгеньевич, что потревожил вас, но я ищу ответ на свой вопрос, и мне показалось, что ваш опыт может стать мне подсказкой. Что посоветуете?

— Беги, Дима! Беги. Потом некому будет рассказывать, что ты не верблюд.

— И последнее: скажите, вот этот прессинг, преследования полиции, прокуратуры, а потом суда сломали вас?

— Сломали. Но об этом я говорить не хочу. И я не хочу больше попасть в эти жернова.

Случайная встреча

Наконец-то из больницы вернулся Александр Николаевич Зимин, бледный и худой. Он двигался медленно, осторожно, швы обещали снять через неделю. Он-то и предложил Дмитрию Ивановичу переехать к ним в дом, но учитель попросился в каморку около кочегарки, в цехе Зимина. Так Дмитрий Иванович одним разом решил все вопросы: нашёл жильё и место работы пилорамщиком, сторожем и кочегаром одновременно.

Готовить еду Дмитрий Иванович приспособился на газовой плитке для туристов, разовые баллоны с газом и продукты он покупал в магазине-вагончике, а картошку, молоко и сметану у елшанских хозяек. Но сегодня он пришёл в магазин с коробочкой, которую сделал из старого затёртого, но ещё прозрачного плекса, крышечку замкнул на малюсенький замок. Упросил поставить в магазине хозяйку, добрую женщину, которая долги не прощала, но под запись продукты выдавала, особенно пенсионерам, если пенсии на месяц не хватало. А как хватит, если пенсия всего десять тысяч, и лишь у некоторых по двенадцать. Хорошо, если дети помогают, а кто один остался на всём белом свете? Но бутылку займа хозяйка никогда не даст, вот хоть умри здесь, а не сдвинешь. И понятно, у самой мужичок нет-нет да попивал.

Коробочку поставили около кассы, на крышке написали: «На дом Чернихиной А. П.». Сама продавщица одобрила инициативу Дмитрия Ивановича и первая опустила в коробочку три тысячи, а Дмитрий Иванович достал зарплату и всю опустил в прорезь на крышке.

— А на что жить будешь? — спросила продавщица.

— У меня ещё есть. Когда в школе рассчитали, я за неиспользованный отпуск изрядную сумму получил.

Стоявшие рядом две покупательницы, местные, елшанские, опустили в прорезь по тысяче. Одна так и сказала:

— На благое дело, Бог зачтёт.

— И люди зачтут, — уверенно поддержал Дмитрий Иванович. — Человек она достойный, настоящий патриот, всю жизнь отдала людям — прежде передовой дояркой была, а потом сына вырастила и отдала.

— Знаешь, Дмитрий Иванович, я вот тоже сына отдала, призвали его на СВО, да что-то патриотизм мой сразу весь куда-то вышел. А ведь я ещё та патриотка была! А как убьют мою кровинушку?!

— Вы воспитали мужчину, защитника Родины, вам поклон.

— Мне-то поклон, а он там, на фронте, а вы здесь — в тепле!

— Так вот и я думаю, что моя очередь на подходе, — неожиданно вырвалось у Дмитрия Ивановича.

— На войну? — охнули женщины разом.

Вдруг дверь в магазин отворилась, и на пороге появилась Руса. Она избегала встречи с Дмитрием Ивановичем, ей было стыдно за подозрения, которые пали на учителя, и она считала себя невольной виновницей такого наговора. Но вот неожиданная встреча. Она замерла у дверей.

— Руса, здравствуй! Давно не видел тебя.

— Здравствуйте, Дмитрий Иванович, — смутилась Руса, — да всё дела разные, учёба.

— Руса, — Дмитрий Иванович подошёл к девочке, — ты не обижайся на людей, это они специально, чтобы я уехал отсюда. Это нам за то, что смириться не хотим, за то, что заступились за пожилого человека.

Учитель повернулся к покупателям:

— Как вы думаете, победит правда?

— Победит, Дмитрий Иванович, обязательно победит! — сказала женщина, мама одного из школьных шаполаев. — Вы не думайте о нас плохо, мы всем сплетням этим не верим, мы за вас. Мы, если что, сами кино снимем и в интернет положим, мы тоже уже умеем.

— Спасибо вам, — сказал Дмитрий Иванович, — и всем передайте спасибо за поддержку. Вместе мы сила! — он повернулся к Русе. — А ты не унывай, не смей, держи хвост пистолетом! Поняла? Нас бьют, а мы крепчаем.

— Хорошо, — напряжённо улыбнулась Руса. — Дмитрий Иванович, а помните, вы рассказывали нам о фашистах? Ну, что они на Украине окопались?

— Да, помню.

— Так вот он, этот фашизм, мне так кажется, окопался значительно ближе — здесь, у нас он окопался. — Руса разволновалась и, чуть не заикаясь, закончила мысль: — Я никогда не думала, что среди нас фашисты живут!

— Вон как глубоко ты научилась думать! Но, наверное, не столько фашисты, сколько те, кто невольно прислуживает им. Слаб человек, жизнь прожить честно — это уже подвиг.

— Нет, подождите, Дмитрий Иванович! Помните полицейского, которого мы встретили у Чернихи? Помните, как он оскорбил вас и меня своим подозрением? Я, скажу

честно, тогда вовсе не поняла, о чём он говорит, но, когда вы с бабушкой вступились, он тут же назвал закон, который его защищает. Разве тогда он не чувствовал себя, как выше нас: и меня, и вас, и её. Он же потом написал на вас заявление!

— Нет, Руса, я не могу с тобой согласиться. Того полицейского назвать фашистом нельзя, а вот тех, кто его послал... тут надо подумать. Если у людей есть власть, они начинают чувствовать себя выше остальных, это да. И отсюда один шаг до фашизма. Вот сколько у фашизма одёжек! До свидания, Руса.

— До свидания, Дмитрий Иванович, — ответила Руса.

— До свидания, милые дамы, — Дмитрий Иванович повернулся к женщинам.

Закрылась дверь за учителем, минуту стояли ещё в тишине.

— Хороший человек! — сказала покупательница.

— И очень умный! И что особенно хорошо, что молод. Молод и честен, — ответила вторая.

— Дмитрий Иванович — самый лучший учитель в моей жизни и самый хороший человек на свете, а его обижают, да ещё так подло! — и вдруг Руса заплакала и уткнулась в плечо женщины.

— Потерпи, милая, — гладила её добрая женщина, — потерпи. Терпёжка — это у баб первое лекарство от всех бед, вот и привыкай, а то от обиды счастья не увидишь.

— А! — вдруг махнула рукой вторая покупательница. — Не было денег, и это не деньги! Для старушки не жаль! — и сыпанула мелочи в прорезь копилки.

Руса

После известных событий Руса очень изменилась, нечто будто надломилось в её добром и чистом сердце. Она вдруг увидела вокруг себя людей более отчётливо, и они теперь не казались ей все одинаково хорошими, они стали разными.

Она поделилась этим ощущением с мамой, и та ответила сразу и просто:

— Ничего, Русонька, это ты повзрослела, потому что на тебя впервые упала тень. Моя бабушка была такая же светлая, чистая душой, в её честь мы назвали тебя. И похожа ты на неё, и высокая вырастешь в неё.

И от этого разговора Русе стало ещё грустнее, ей захотелось встретиться со своей неведомой прабабушкой, и эта невозможность отозвалась тоской. Тоской непреодолимости обстоятельств. Опять эти обстоятельства времени и места!

— Мама, обстоятельство — это же второстепенный член предложения?

— Конечно, доченька. Что у меня спрашиваешь? Ты лучше меня должна знать.

— Тогда ответь, почему обстоятельства сильнее всего главного?

— Потому что в жизни всё иначе. Нет ничего второстепенного. Всё важно, и всё может стать главным. Любое слово, любой поступок. Но ты можешь выбрать: добро или зло. Главное, не перепутать и не называть добро злом, а зло добром.

Вот такая философия, которая опять заставила Русу задуматься.

Каждое утро, шагая в школу, Руса слышала шум пилорамы и понимала, что там за станком работает её любимый учитель, она хотела его увидеть, но человек пострадал и, вместо того чтобы учить детей, теперь пилит доски. Как это несправедливо! И почему в жизни так много несправедливости?

Школа всё та же, те же школьники и учителя, но все уже забыли про Дмитрия Ивановича. Уроки истории вела сама Аделина Ионовна, но разве сравнится она с Дмитрием Ивановичем, он так много рассказывал нового, и так интересно. Он говорил, что история нашей Родины удивительно красива и благородна. Запомните, говорил он, именно благородна! И рассказывал про освоение Сибири, как малые народы получили письменность и им помогли построить школы, о достижениях коллективизации, индустриализации промышленности, о победе в войне.

Он говорил, что каждое поколение вправе выбрать путь развития. И вы выберете свой путь. Опять эта проблема выбора! История стала любимым предметом у всех школьников, даже у мальчиков. И ребята по-новому увидели свою Родину и свою Елшанку, до боли сердечной знакомую. Оказывается, как это здорово, когда живёшь в краю родном! И ещё он сказал, что самое главное достояние страны — это люди. И в нашей Елшанке должно быть много детей, дети — наше будущее. И тогда Руса под впечатлением того урока пришла домой и сказала маме, что у неё будет пять детей или даже семь.

Мать от удивления села на стул и спросила:

— Это ещё откуда? А не рановато ли о детях думать?

На что Руса тут же ответила, что о детях думать никогда не рано и никогда не поздно, потому что Дмитрий Иванович сказал, что без детей у страны нет будущего.

Мать утёрла лоб и успокоилась:

— Ну, если Дмитрий Иванович сказал, тогда ладно, я согласна и на семь внуков.

— Да нет, мамочка! Рановато о внуках говорить. А что, слабо вам с папой родить мальчику — защитника Отечества? Кто спасать Россию будет? А то одни бабы в доме.

— Это чему вас в школе учат? — удивилась Галина Егоровна.

— Родину любить и думать о будущем, — уверенно и даже воинственно ответила Руса.

Руса, кажется, до самых мелких подробностей помнила уроки Дмитрия Ивановича, как на занятиях «Разговоры о важном» он рассказывал о Елшанке, чем занимались предки, как заготавливали дёготь и древесный уголь и продавали в Томске. Как потом выгнали из деревни кулаков и попа, как строили новую жизнь и как боролись за эту жизнь, и как был убит первый председатель колхоза, местными кулаками. Как потом сожгли первую школу в доме попа. Он и о Чернихе рассказывал, как она стала передовой дояркой в районе и больше всех надаивала молока.

Аделина Ионовна тоже рассказывала, но только то, что было в учебнике, и потом спрашивала именно только то, что там написано. И школьники скучали, потому что в её рассказах не было радости единства, которое давал Дмитрий Иванович, ощущения одного мига истории — от Вещего Олега до сегодняшнего дня. И ещё не было такого уважения к предкам, которое испытывал Дмитрий

Иванович, — он учил относиться к Родине как к маме с папой, беззаветно и преданно, чтобы стать счастливыми и сильными. И правда, когда мама вдруг наругает, и даже несправедливо, разве мы с Зоей её меньше любим? Как прав Дмитрий Иванович! И как его не хватает в школе!

А вчера объявили сбор зубных щёток и пасты для участников СВО — специальной военной операции, а учителям поставили коробку, в которую они должны сбросить деньги на спецоперацию. И Колька с Генкой опять бузили, кричали, чтобы олигархов растрясли, а не бедный народ обдирали, потому что несправедливо так жить в одной стране, когда некоторые жируют, яхты покупают и деньги за границей прячут. Руса не знала, правы мальчишки или нет, но щётки и пасту купила, а Галина Егоровна передала несколько пар вязаных носков, это они с Зоей постарались. И Руса спросила:

— Мама, а что, наше правительство не может зубные щётки солдатам купить?

— Наверное, может, — ответила Галина Егоровна.

— Так почему же не покупает, зачем мы щётки собираем?

— Трудный вопрос, Русонька. Ты последнее время очень трудные вопросы задаёшь. Но я отвечу так: я не знаю, насколько нужны эти щётки нашим бойцам, не знаю, почему их не покупает наше правительство, но знаю, что эта забота полезна нам всем.

Опять всё сложно, а Руса всё думала и думала: «Как жить и радоваться жизни, если несправедливо и даже подло, по-предательски, уволили Дмитрия Ивановича, и почему правительство не может купить нашим бойцам зубную пасту?» Неужели в ту, большую, войну люди так

же спорили: одни поддерживали, а другие нет? В учебниках нет ничего об этом. Там мужчины добровольцами шли на войну, пацанов тысячами снимали с поездов, на фронт рвались, а сейчас прячутся, кто за границей, кто где, кто-то просто прячется. Говорят: «За что воюем, с кем воюем? Чтобы украинских олигархов поменять на российских?»

Отец ругает правительство, директор школы хвалит президента, а учителя предпочитают молчать, и только бабы у колодца костерят всех подряд. Но на то они и бабы, это у них в привычке.

Сказка — ложь

Тот памятный классный час Дмитрий Иванович посвятил сказкам. Он так и сказал:

— А сегодня, дети, я хочу с вами поделиться тем, что прочитал недавно о русских народных сказках.

Руса подивилась теме классного часа, мол, как в детском саду. Но оказалось всё значительно серьезнее.

Сначала Дмитрий Иванович рассказал о сказке «Колобок», что в древние времена по этой сказке дети учились воспринимать космический мир. Он сказал, что Колобок — это луна, которую спекли два бога, и пошёл гулять этот Колобок по знакам зодиака. Один знак хотел съесть его, но только откусил немного, Колобок убежал от него. Потом встретился другой и третий — так начала уменьшаться луна. Потому два названия у спутника Земли: луна и месяц. Луна — это небесное тело, а ме-

сяц — это время, за которое луна пролетает вокруг Земли, при этом меняя видимую с Земли часть. И вот, когда остаётся только полоска, которую люди и называют месяцем, лиса его съела, но скоро родился новый месяц. Вот почему в году двенадцать месяцев — двенадцать новолуний. Здорово!

Ещё интереснее про Курочку Рябу. Курочка Ряба снесла золотое яичко, то есть любовь, и вот два влюблённых его колотят по очереди: «бабка била — не разбила, дед бил — не разбил». Так в семьях бывает, когда родители ссорятся, но разбить не могут. А тут пробежала мышка — символ молвы или сплетни, махнула хвостиком, и разбилось яичко золотое — любовь. На что судьба утешает непутёвых людей, мол, не плачьте, снесу я вам яичко не золотое, но простое, вот и живите с ним, если любовь сохранить не могли.

Но поразила Русу пушкинская «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях». Дмитрий Иванович сказал, что она очень современная. Да и вообще, во всех сказках Пушкина очень глубокий смысл. И вот он рассказал, что царевна — это Россия. Злая мачеха — много их было в нашей истории — задумала царевну погубить: сначала хотела убить через наёмников, а потом сама отравила ядовитым яблоком. У славян яблоко было символом любви и красоты. Попробовала царевна отравленное яблоко и умерла, потому что нет жизни в мире, в котором очернена истинная красота. Королевич Елисей — русский мужчина — своей любовью оживляет царевну. И всякий раз, когда будут пытаться убить Россию, её спасет любовь и верность мужчины. Любовь всегда побеждает смерть.

— На диване они горазды лежать! — возразила тогда Рита.

— Это твой отец, может, и лежит, а наш папка работает, он у нас хозяин семьи, — не согласилась Руса.

— Ага! — в свою очередь возразила Рита и показала на Колю с Геной. — Вот они — хозяева, посмотрите на них. Им только дурака валять!

— А вот станут они старше, и не будут дурака валять. Потому что за многое будут в ответе: за свою семью, за страну, — защитил мальчиков Дмитрий Иванович.

И тогда Руса иначе посмотрела на этих двух балбесов. А ведь и правда, подумала она, если что случись, Колька с Генкой с автоматами — защищать страну, а девочки, если и будут воевать, то только санитарками или поварами.

— Правильно, — поднялся Коля, — это закон природы! Мужчина умнее!

И начался переполох.

— Я не могу согласиться с Колей, — вернул бразды правления классным часом Дмитрий Иванович. — У мужчин одни задачи, у женщин — другие, но кто кого умнее — это вопрос очень спорный.

— Сам дурак, — Руса одарила Кольку подзатыльником.

— Да, Руса, раздавать подзатыльники ты горазда, но после лета, на следующий год, Коля придёт на голову выше тебя, и тебе уже трудно будет дотянуться до его головы, а ему до твоей легко. Это тоже закон природы. Окружающий нас мир природы живёт по очень строгому закону, всякое нарушение такого закона ведёт к катастрофе. Но человек живёт не только по закону природы, но и по закону любви. Вот почему у природы нет понятия «справедливо — несправедливо», а у человека есть! Именно благодаря этому закону, закону любви,

Елисей спас царевну-Россию. Замечу, в очередной раз спас.

— Трудно понять, Дмитрий Иванович. А если зайчика сожрала лиса — это что, справедливо, что ли?

— Да, справедливо, потому что так запрограммировано природой. Корова даёт молоко, которым питается её телёнок и человеческое дитя, но люди могут использовать не только её молоко, но и мясо, и шкуру. В природе всё гармонично, у каждого своя роль. Заяц ест траву, лиса съедает зайца. И здесь все важны: будет мало травы, нечего будет есть зайцам, их станет меньше — а значит, и лис. Внутри вида выживает сильнейший — самый здоровый, быстрый, умный, кто нашёл жилище, пищу, завёл потомство, сберёг его. В стае или стаде должен быть сильный вожак. Поэтому закон природы — это закон выживания. Всё справедливо, и природа так живёт миллионы лет. Так было до человека и будет всегда.

— Так и человек живёт по закону сильного. Вот Руса, она здоровая, как лошадь, потому и дерётся, — обиделся Коля.

— Ты правильно сказал, и человек живёт по закону сильнейшего, но он живёт ещё и по закону любви, по закону совести. То есть человек обязан быть справедливым. Если человек нарушает закон любви, он превращается в страшного зверя, что само по себе уже катастрофа.

— Так вы скажите ей, что нельзя руки распускать.

— Она и сама знает, но распускает, потому что ещё не поняла закона любви, закона совести.

— Пока она научится понимать, она мне все мозги вышибет!

— Не бузи, Коля. Совесть помогает человеку научиться любить окружающий мир и людей в том числе.

Вот что такое человечность — это ответственность за мир в семье, стране и во Вселенной. И Елисей спасает Россию, разбивая хрустальную крышку гроба, так он проявил силу своей любви и спас царевну.

— Тогда почему вы не женитесь, если всё так хорошо понимаете? — спросила Руса.

— Жениться можно только по любви, то есть по готовности нести ответственность за семью. Я пока не встретил свою любимую.

— А мой папа встретил!

— Ваще, это правильно, когда у человека нет права обижать, но есть право защищать.

— Отличная мысль, Коля, — похвалил Дмитрий Иванович.

— И всё-таки, — встала упрямая Рита, — а что делать, если муж не собирается ничего делать, а лежит на диване? Что, брать его обязанности на себя, что ли? И руководить семьёй, страной?

— Ага! Женщина науправляет, костей не соберёшь! — закричал Гена.

— А как же быть? — удивилась Рита.

— Прежде всего, перестань осуждать собственного отца, не к лицу это дочери.

— Скоро появится искусственный интеллект, и люди перестанут ссориться, — авторитетно заявил Гена. — Представляете, стоит дома аппарат с искусственным интеллектom, к примеру, около стиральной машины или около унитаза. Подошла жена и всё рассказала про мужа, потом муж зашёл, всё о жене рассказал, а коробка картонная и отвечает, кто прав, а кто виноват.

— Нет, так не будет. Дело в том, что искусственный интеллект — это всего лишь программа. Помните,

я вам про топор рассказывал, которым можно голову сечь, а можно храм строить? Вот, искусственный интеллект — тот же топор. А в человеческих отношениях столько нюансов, в которых может разобраться только совесть и любовь.

— Значит, искусственный интеллект зависит от воли человека?

— Именно! Исключительно от воли. От человека зависит, что принесут технологии — добро или разрушение. А мужчина всегда должен быть готов постоять за Родину, за семью — в этом воля настоящего мужчины и смысл его жизни.

— Здорово! Класс! — закричал Коля. — А девчонкам остаётся только за мужиком сидеть, в мобилу пялиться и шоколадки трескать?

— У девочек своя забота: стать хорошими хозяйками, жёнами и вырастить, воспитать хороших людей, смелых, мужественных, справедливых. Но это уже тема «Сказки о царе Салтане»: «Я б для батюшки царя родила богатыря». Это оставим на следующий классный час.

Когда Руса пришла домой, то тут же рассказала о классном часе маме и Зое. Мама опять подивилась и сказала, что Дмитрий Иванович очень умный. И когда с работы пришёл папа, то все его обихаживали, а тот понять не мог и всё спрашивал, что случилось, вроде, и не двадцать третье февраля, и не день рождения.

Он так и сказал:

— Девочки, вы меня пугаете! Что случилось? Признавайтесь! Что сломали опять?

А «девочки» только хитро улыбались.

Гимн России

Аделина Ионовна с большим трудом открыла дверь цеха и вошла внутрь. Дмитрий Иванович работал за станком, ярко горели потолочные лампы, истошно визжал пильный диск, веер опилок ссыпался на пол, пахло тёплым деревом. Она понимала, что кричать бессмысленно, тем более Дмитрий Иванович был в наушниках. Она обошла станок и встала так, чтобы учитель увидел её. Дмитрий Иванович махнул ей рукой и, когда новая доска упала в накопитель, выключил станок. Он снял наушники и респиратор, отряхнул с рукавов опилки и подошёл к директору.

— Доброе утро, Аделина Ионовна! Вы пришли посмотреть, чем занят отвергнутый системой образования специалист? Или меня приглашают на расстрел?

— Вы всё шутите, Дмитрий Иванович, а мне не до шуток. Дети сегодня решили не петь гимн России.

— И откуда вы знаете, что сегодня они откажутся петь гимн?

— Я знаю точно, мне сообщили.

— Понятно.

— Дмитрий Иванович, пожалуйста, будьте серьёзной. Забастовал ваш седьмой, а к ним присоединились восьмой и девятый классы, а потом и другие дети тоже решили не петь гимн. Понимаете?

— Ещё нет, а что случилось, почему? Не без причины же. Всегда пели, а теперь решили не петь?

— Вы что, не догадываетесь?

— Если честно, Аделина Ионовна, даже предположить не могу. Что могло побудить наших замечательных детей не петь гимн России?

— Они решили так протестовать против вашего увольнения. Вы должны, именно должны, как настоящий учитель, прийти в школу и поговорить с детьми. Прямо сейчас!

— Я опять кому-то должен? Это вы меня уволили. Ведётся расследование о моём «облико морале». Мне нельзя ходить в школу и общаться с детьми, я субъект крайне ненадёжный, даже опасный. Или вы подозреваете меня в том, что я подговорил детей не петь гимн? Как вы заподозрили меня в организации флешмоба. И вот вы опять подозреваете меня. Да сколько можно? Я пилю доски, читаю книжки и даже в Елшанку не хожу, только в магазинчик за продуктами. Вы, собственно, вместе с полицией и вашими подозрениями уже посадили меня в тюрьму, изолировали от детей. Что же вам ещё от меня нужно?

— Спасите меня, Дмитрий Иванович! Спасите меня! Я не знаю, что говорить детям, они услышат только вас. Я же за вас! Вы же знаете, что я за вас.

— Вы ни разу не заступились за меня.

— Но я же не могу, я подневольный человек!

— Вот так и происходит предательство. И не жалуйтесь, что вы в плену. Мы даже думать честно уже разучились. Хорошо, я переоденусь и приду. Я постараюсь быстро.

Аделина Ионовна обняла учителя.

— Спасибо, дорогой Дмитрий Иванович! Я знала, что вы настоящий друг!

— Аделина Ионовна, — отстранил её от себя Дмитрий Иванович, — вы можете запачкаться, а вы человек системы, вам нельзя.

— Дмитрий Иванович, вы стали невыносимы!

— И всё-таки хорошо, что вы ко мне пришли, и, главное, вовремя. Я скоро приду.

Дмитрий Иванович не мешкал, до начала занятий оставалось двадцать минут. Когда он вошёл в школу, дети стояли в коридоре у подоконников и уже ждали начала построения, и очень удивились приходу учителя.

— Дмитрий Иванович! Вы будете сегодня уроки вести?

— Нет, у меня другие планы. В одну шеренгу становись! — скомандовал Дмитрий Иванович зычным голосом.

Из кабинета вышла Аделина Ионовна и встала около. Пока ребята выравнивали ряд, собрались учителя.

— Ребята, — обратился Дмитрий Иванович к детям, — ещё недавно мы с вами много говорили о наших предках и об их деяниях, наших символах и их значении. Повторяю, что любой символ — флаг, гимн, герб — это то, что связывает нас в единое целое — народ. Одним народом нас делает наша история. Любое неуважение к символу — это прежде всего неуважение к нашим предкам. Благодаря им мы сегодня можем жить в свободной и красивой стране. Да, людям свойственно совершать ошибки, но наше достоинство в том, что мы должны оставаться людьми даже тогда, когда вокруг нас вершится несправедливость. Память о прошлом, так же как и забота о будущем, — это именно то, что и делает нас людьми.

Если сегодня мы не исполним гимн и не встанем на поднятии флага, мы даём возможность будущим поколениям нас забыть. А забвение прошлого — это преступление. История — это не прошлое, а настоящее, и её творят

люди прямо сейчас. История, как и жизнь человека, пишется сразу и набело. Поэтому мы с вами, как творцы истории, должны сделать всё, чтобы нам потом не было стыдно.

Дмитрий Иванович неожиданноскомандовал:

— Флаг России поднять!

И пока триколор медленно полз к потолку, учитель запел громким и сильным голосом:

Россия — священная наша держава,
Россия — любимая наша страна.

И вдруг подхватили Руса, Коля, Гена, Аделина Ионовна и учителя, и они запели слаженно:

Могучая воля, великая слава —
Твоё достоянье на все времена!

А припев знали все, даже первоклассники, — и покатилося по пустым и широким коридорам школы:

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

Аделина Ионовна стояла рядом с Дмитрием Ивановичем, и в её глазах блестели слёзы радости и счастья. Впервые дети разошлись по классам, с чувством сопричастности ко всему, что происходит, понимая свою ответственность за школу и всю огромную страну.

Когда Дмитрий Иванович пошёл на выход, его оставила Аделина Ионовна.

— Дмитрий Иванович! — она опять обняла его. — Я вас обожаю!

— Аделина Ионовна, хватит лгать. Мы же с вами учителя...

— Вы действительно стали просто невыносимы. Идите уж! Дай Бог вам... — она махнула рукой и заспешила прочь.

Деньги любят тишину

Март в Сибири — это ещё не весна, ночью до минус двадцати, а днём солнце прогревает до нуля. Вот такая температурная болтанка, сердечникам и старикам тяжело. А вот апрель — это уже тепло, а то и до плюс двадцати, и неудивительно, что снег с солнечного склона Елового Падуна уже сбежал бурливыми ручьями в набухшее от воды озеро. А подсолнечный склон будет стеречь холод аж до самого июня, и даже обледенелый, как немолотая соль, крупнозернистый снег. Здесь, под отвесным обрывом прохлада будет храниться, как в холодильнике, но зато именно здесь, в этой запоздалой свежести и вечной тени вырастет хрустящая влагой высокая заячья капуста, здесь же обильно зацветут кокетливые саранки, рядом поднимется марьин корень благородным и узорчатым листом, а уже после, в летнее тепло он распушит махровые бледно-розовые цветы, отдавая свой невестный нектар ненасытным пчёлам и тревожным шмелям.

Но вся эта красота позже, а пока ещё вокруг клумбы снега, меж которыми суетятся ручейки, тут же жирная

настоянная грязь в ямах и в выколдобинах и целые поля подснежников, отражающие в своей чистоте небесный нежно-голубой свет.

Дмитрий Иванович обладал удивительной способностью: где бы он ни появлялся, везде мог организовать непритязательный и рациональный быт. То же самое произошло в подсобке бывшего коровника, приспособленного под деревообрабатывающий цех, в котором устроился жить учитель. Тут же кочегарка, которая не то чтобы нагревала всё пространство огромного ангара, но всё-таки создавался особый микроклимат, при котором верхонки не примерзали к остову станка. А в подсобке, напротив, было очень даже тепло, потому что целая стена, разделяющая кочегарку и каморку, была горячим боком ненасытной печи. Топили только дровами, благо древесной обрезки да и чурок было вдосталь.

Дмитрий Иванович разогревал печь до полной дури, а потом шёл работать. В цеху было относительно тепло. Прежде он забирал несколько брёвен с эстакады на улице, закатывал их на вагонетку, помогая себе коротким ломиком, потом по тонким рельсам толкал вагонетку в цех, закрывал громоздкие двери с транспортёрной лентой внизу, чтобы холод не поддувал, накидывал на дверную скобу талреп и подтягивал створки ворот друг к другу, и уже после, когда тепло не грело улицу, перекатывал бревно на пилораму и намертво закреплял винтом. После всё просто: включаешь метровый диаметр режущего диска, который с нарастающим воем разгонялся до визга и по воле пилорамщика врезался в древесину. Это упоительное зрелище, когда зубчатый диск мягко, будто нож в масло, въезжает в бревно с торца и снимает первый и самый безобразный край. Пилится бревно по конкрет-

ным размерам заказчика, и вот несколько ровных, как струна, разогретых диском досок перекладываются на стеллаж готовой продукции, а обрезь копится под окном, чтобы после беспощадно жечь её в печи и получить новое тепло, для нового дня.

Какое это упоительное ощущение усталости, когда, разогревшись от работы, скидываешь тёплую куртку и уже не чувствуешь ни холода, ни времени. Только фейерверк опилок и ровная доска, новый фейерверк и новая доска, и запах горячей берёзы, будто маков цвет на летнем лугу, будто солнце пахнуло в единственное окно в стене старого коровника, будто от радости встречи уткнулся в мамкино плечо!

Коровник, приспособленный Зиминым под цех деревообработки, остался единственным целым зданием — свидетелем прошлой богатой жизни колхоза-миллионера имени Калинина.

Дмитрий Иванович заканчивал работать в восемь вечера, к этому времени жар печи был отдан в цех, и на лежаке в каморке не душило жаром и не холодило стылостью. Но прежде чем сесть за стол и после короткого чаепития погрузиться в сладкое чтение, он выходил на улицу и окатывал себя из ведра холодной водой. На морозе даже ледяная вода казалась тёплой. Потом растирал своё тело докрасна, а после надевал чистую одежду. Стирал бельё он сам, по старинке, в тазике.

Зимин, конечно, никогда даже не мог мечтать о таком работнике, которым не нужно руководить, сам всё знает. Обязанностей у Зимина стало меньше: завёз материалы, отдал техзадание, потом только продукцию получиай и занимайся её реализацией. В цехе порядок, станки обслужены согласно регламенту, короче, нет худа

без добра. С одной стороны, школа без учителя, а с другой — ценнейший работник в цехе.

Иногда вечером Зимин заглядывал на пилораму, как говорится, на огонёк, приносил из дома угощения. Сегодня оладушки от Русы, сладкие трубочки от Зои, а холодец от Галины Егоровны.

Зимин старше учителя, но почитал Дмитрия Ивановича за друга и равного себе товарища, и даже, может быть, чуть выше себя. А сегодня особый случай, и Александр Николаевич пришёл с бутылочкой водки. Выложил на стол угощения, приготовленные «девочками».

— Дмитрий Иванович, — начал разговор Зимин, — нехорошо это, жить в коровнике.

— Ну, не в коровнике, а в подсобном помещении деревообрабатывающего цеха, в очень уютной и тёплой комнатке, за которую не надо платить. Я даже коммунальные услуги не оплачиваю.

— У тебя все коммунальные услуги на дворе, — пошутил Зимин. — И потом, это ты так воспринимаешь, а люди говорят — в коровнике, а мне неудобно, стыдно мне. Может, ко мне переедешь?

— Никогда! Семья есть семья, и нечего чужому человеку в ней делать.

Александр Николаевич поставил бутылку посреди стола.

— Что за праздник, за что пьём? — Дмитрий Иванович начал раскладывать на столе принесённые закуски. Включил газовую горелку, на которой готовил себе еду, и водрузил на неё кастрюльку с картошкой, приправленной говяжьей тушёнкой.

— Предлагаю выпить за дружбу, и начнём всё-таки обращаться друг к другу на ты и по именам.

— Согласен, — ответил Дмитрий Иванович и приказал: — Открывай, что на неё смотреть.

Зимин открыл бутылку, а Корнеев пододвинул фарфоровые чайные чашки, рюмок не оказалось.

— Ну-с, будем, я Александр, а ты Дмитрий! — глухо столкнулись кружками, дружно выпили и начали закусывать. — Дмитрий, я всё думаю, что на Русу этой комиссии плевать, они пытаются расправиться с тобой. Но вот вопрос, который меня мучает: за что? Ты рядовой учитель, и даже не в райцентре, и даже не в полной средней школе, а в Елшанке, за двадцать пять километров от центра. Что им надо? Ты-то должен понимать, откуда и за что ветер дует?

— Саша, Александр, — Корнеев взял паузу, будто пробуя на вкус имя друга без отчества, стараясь привыкнуть и освоиться, — осенью в Еловый Падун приходил следователь из районного отдела полиции и не особо любезно разговаривал с Чернихой, то есть с Анной Павловной. А мы там оказались с Русой, пришли проведать старушку. Я тогда сказал, что мы её в обиду не дадим и что, если надо, вся деревня встанет на защиту. Это и не понравилось районному руководству. Со старушкой справиться легко, а вот общественность — это уже серьёзно. Так я стал персоной нон грата.

— Я так и думал, что всё из-за участка. Так вот, дорогой мой защитник сирых и обездоленных, участок вокруг озера вместе с домом Чернихи был выставлен на торги, и купил его наш деятель культуры, предприниматель и близкий друг главы района Глеб Свирский. А потому Черниху скоро на вполне законных основаниях выселят. И если ты рыпнешься и соберёшь людей в защиту старушки, тебе тут же припаяют штраф, а это кругленькая

сумма, за несанкционированный митинг, а если ещё раз, то просто посадят. Они делают всё по закону!

— Куда её могут выселить? Её дом в Елшанке — развалина, там жить нельзя, его даже отремонтировать уже нельзя.

— Куда выселить — они найдут: или в дом престарелых, или в психинтернат. Психинтернат более вероятен, потому что там она будет под охраной. А после штрафа или обязательных работ ты школу уже никогда не увидишь. И одна тебе дорога — катить куда подальше из района, туда, где о тебе знать не знают. А это им и нужно. Ты им неинтересен, им плевать на тебя, им важно, чтобы здесь было всё тихо, как в болоте. Потому что, как говорит один очень известный персонаж, деньги любят тишину.

— А деньги-то тут при чём? Здесь решается судьба человека, который родился, славно трудился и хочет умереть на своей земле.

— Да где же это ты свою землю видел?! Все самые ценные земли уже скуплены частниками. Мы даже их фамилий не знаем, и кто их хозяева, и из какой страны, потому что это коммерческая тайна. А что такое коммерческая тайна? Это самый главный закон в нашей стране.

— Стоп! Саша! Давай выпьем — здесь без бутылки мы точно не разберёмся. Наливай. Стоп! — Дмитрий Иванович остановил. — Хорош, столько будет. Пьём!

— Ну, будем жить! — выпили. — Ты думаешь, я не знаю, что ты в магазине копилку поставил на дом для Чернихи? — занюхав хлебушком, спросил Александр Николаевич.

— Ну, поставил, и считаю, что правильно сделал.

— Я не о том. Чтобы построить даже на старом фундаменте новый дом, полмиллиона надо. Даже если

я мужиков попрошу бесплатно сруб собрать. Ты услышал — полмиллиона!

— Знаю, что много, только сиднем сидеть тоже нельзя.

— Захотел всех сырых и убогих обогреть. Не обогрешь! Их столько сейчас, что хотелки твоей на всех не хватит.

— Не хватит, согласен, и всех не обогреть, но стремиться к этому надо. А сколько удастся и как это всё удастся, будет видно, это другой вопрос.

— Упёртый ты. Я тебя слышал. Подумать мне надо, как помочь. Она мне тоже не чужая, она же меня в больницу отправила. Я, может быть, так и не сподобился бы до докторов доехать, а она пощупала мою бочину и говорит: не тяни, мол, езжай на операцию, дело серьёзное. И денег не взяла.

— Вот видишь, а ты говоришь, всех не обогреть. Без доброты человеческой никак нельзя, попередохнем каждый в своей подворотне.

— А сейчас, дорогой Дмитрий Иванович, то есть Дмитрий, я скажу тебе самое главное! Еловый Падун вместе с озером и домом глава планирует купить у Свирского для организации летнего детского лагеря. Даже уже название придумали — «Курная изба». Типа историческое знаковое место времён Гражданской войны, экологически чистое и всё такое прочее. Понял?

— Лагерь? Какой лагерь? Там же невозможно ничего построить! Туда нет дороги, и по тем склонам только на заднице можно спускаться! А внизу полуболотина. Это, конечно, красивая, но яма!

— Ты не дослушал меня, дорогой учитель. Никто ничего в Еловом Падуне не собирается строить. Эту, как

ты говоришь, яму купил Свирский за восемьсот тысяч рублей, а глава собирается эту же яму у Свирского купить за тридцать миллионов на бюджетные деньги. Это не новая схема, так было много что куплено и отремонтировано. Например, крыша на гараже автохозяйства в три раза дороже: вместо пяти аж за пятнадцать миллионов рублей. Дом ремёсел в райцентре куплен за восемнадцать миллионов рублей, хотя этот дом и пяти не стоит. И всё по закону! Комар носа не подточит. Да везде эта схема работает.

— Что значит, не подточит? Тут же всё очевидно, что это прямое воровство бюджетных средств!

— А ты докажи! А тебе ответят: торги были! Рынок у нас, базар, короче, и о целесообразности никто не думает, а о хозяйском, рачительном — такое даже в голову не придёт, потому как деньги бюджетные, зачем их беречь. Да на то они и деньги, чтобы тратить их на нужды народа. А вот то, что такие траты и есть грабёж этого народа, так вопрос никем не ставится.

— Давай выпьем! Так можно всю страну разворовать! — Дмитрий Иванович поднял чайную чашку.

— А ты что, не видишь, что происходит со страной? Или ты настолько заучился в своей школе, что не замечаешь, как строятся объекты? — Александр Николаевич в свою очередь поднял чашку. — От нас и не скрывают, что от сметной стоимости до завершения объекта смета увеличивается в несколько раз. И это всё по закону. Собственно, Дима, странно, что мы негодуем по поводу воровства во властных структурах. Личная выгода правит балом. Система такая. А разговоры о борьбе с коррупцией, заботе о людях, оптимизации социалки, образования, медицины — это дымовая завеса для комфортного

и результативного личного обогащения. Всё! Приехали! А мы тут сидим и охаем: ах, какой Ананьев плохой человек, ах, какое правительство! Ах, этот Путин, куда он смотрит? А это не Ананьев с Путиным плохие, а система такая! Поставь в эту систему нас с тобой, мы бы стали такими же.

— Нет, Саша! Я бы не стал. Вот я бы точно не стал!

— И хорошо. Система тут же выдавит тебя... в коровник, на лесопилку, где мы сейчас с тобой и находимся! Система! Вот, а за это уже надо выпить!

Чокнулись, выпили, закусили, посидели, отдышались.

— И всё-таки, Саша, надо думать о будущем. У власти воры. Так они уже тридцать лет у власти. А вот будут ли дальше — зависит от нас. Я верю, что хоть немного, да зависит. И ради этого стоит жить, растить детей, стихи писать, в конце концов.

— А пока мы пишем стихи, у страны воруют миллиарды! А тут такая мелочь — тридцать миллионов, — заключил Зимин.

— Саша, мне кажется, что для района это очень большие деньги.

— Деньги выделит область, там есть заинтересованные люди. А ты вдруг стал помехой, случайной помехой. Бабка им смотрины испортила, а ты им пообещал скандал учинить. Но если бабка не препятствие, то ты — кость в горле.

— Ты прав, Саша! Вот почему деньги любят тишину. Это значит своровать по-тихому, без шума и гаму. Да, плохи наши дела. Надо поспешить с домом для Чернихи. Правильно Руса говорит.

— Что говорит?

— Она говорит, что фашисты окопались значительно ближе Украины, они — здесь. А так, я думаю, если ты у страны своровал, да ещё во время войны, значит, ты предатель, не просто воришка, а предатель! Вор во время войны — пособник фашистам, а это значит, он сам и есть фашист. А где должен быть предатель?

— В тюрьме! — уверенно заключил Зимин.

— Нет, дорогой ты мой, Александр Николаевич, не в тюрьме, а в могиле! Это в мирное время он вор, а в военное — предатель! Смерть предателю! Вот как это должно быть. Там мужики гибнут, а здесь... Нет, ты как хочешь, а я утверждаю — расстрел! По законам военного времени. Тридцать миллионов своровать во время войны! Расстрел! И точка!

— Дима, мне кажется, что мы уже изрядно выпили, — Зимин повертел полупустой бутылкой, — и по пьяни приговаривать к расстрелу никого не будем. А то мы страну без чиновников оставим.

— А это не по пьяни, а по совести.

— Вот и Руска у меня такая же!

— Какая?

— Решительная. Хась, и выгнала сотрудника полиции сковородой из дома, и точка!

— Ты это не поощряй, а то она и мужика своего так гонять будет. Так вот! Ты меня не сбивай! Точно, выпил я изрядно, внимание вразнос. Одни зубные щётки собирают, а другие миллионы тырят! Расстрел! И без права переписки! Всё!

— Согласен! Но как вовремя ты затеялся с домом для Чернихи, ведь выкинут её на улицу и не поперхнутся.

— Мы придумаем что-нибудь, — Дмитрий Иванович пожал руку Александра Николаевича. — Спасибо,

друг, что поддержал. Мы вместе, а значит, обязательно придумаем, как дом построить.

Любовь

Случались дни, когда Дмитрий Иванович шёл проведывать Черниху. Он загодя предупреждал хозяина пилорамы, получал согласие и часов около одиннадцати направлялся прежде в магазин за подарками: гречка, спички, соль, килька в томате, морская капуста — особые деликатесы для старушки, потом заглядывал к местному хозяйственному мужичку за молочком, сметанкой, рубленой колбаской, набором для холодца, а уже после направлялся в Еловый Падун в гости к Анне Павловне.

Апрель в Сибири — месяц исключительный и замечательный. Если на юге страны люди уже избалованы солнцем и травкой на обочине, то у нас всё ещё впереди: и ощущение тепла, обилие солнца, прозрачность небес, готовность берёзы пустить сок по ствольным протокам, и готовность ожить всего ползущего, летающего, скребущего, бегущего.

Рюкзак и сумка с напитками для молодого человека не ахти какая нагрузка, слегка подсушенный ветром бежевый дёрн упруг под ногой и приятен скорой ходьбе. А впереди главное — смущение старой женщины, её негодование вниманием и искренняя благодарность в слезливых глазах. Господи! Как мало нужно старикам! Несколько добрых слов, ничтожный подарок, который в её руках приобретает золотой оттенок, источает синий

цвет лазурита, смешанного с красными разводами янтаря. Праздник, счастье, благодарность и желание жить и чувствовать это прикосновение заботы.

Да, как мало нужно нашим старикам! Как мало нужно нам самим! Забота, внимание, участие. Чтобы кто-то был рядом. Чтобы заглянул в глаза и понял, без слов, и поддержал своим присутствием. Дмитрий Иванович невольно подумал о себе. И вроде, было у него это — внимание, участие было. Но нет, не то. Не этого хотел Дмитрий Иванович, не об этом мечтал, он хотел большего, не просто отношений, он хотел любви. Любви неожиданной, искренней, любви бескорыстной, без оглядки, любви, которая способна заменить и разум, и волю, и желания. Но именно этого у него и не было, а была Элеонора, которая теперь избегала встречи из-за всей этой следственной кутерьмы.

Он вдруг, глядя на колковый хоровод, на открытый простор и наметившийся полевой спуск к Еловому Падуну, и вовсе беспричинно вспомнил давнюю и почти забытую историю.

Это случилось в раннем детстве. Он рос мальчиком тихим и спокойным. Может быть, из-за этого в детском саду на него обратила внимание крупная и решительная девочка. Она как-то сразу завладела его рукой, и, когда группа выходила на улицу, они всегда гуляли вместе. Однажды в садик пришла женщина с большой клетчатой сумкой и сказала, что принесла игрушки, которые ей не нужны, она ещё в детстве ими играла, а теперь уезжает в другой город. Она оставила сумку и ушла. Когда Дима подошёл к сумке, то там осталась только одна игрушка, лежавшая на самом дне. На маленькой платформе размером со спичечный коробок и с кнопкой сбоку была

закреплена лилия, и если с силой надавить на кнопку, то лилия раскручивалась, раскрывались металлические лепестки, а внутри стояла маленькая девочка удивительной красоты. Когда лилия прекращала вращаться, лепестки закрывались и нужно было опять давить на кнопку. И так до бесконечности. Эта игрушка понравилась всем, и каждый хотел заполучить её, но большая и решительная девочка никому не разрешала отобрать лилию у Димы.

И однажды он придумал: раскрыл лепестки и вынул девочку наружу. Игрушка осталась в детском саду, а девочку он забрал с собой, незаметно положив её в карман пальто. Но дома девочки в кармане не оказалось. Мальчик не плакал и никому ничего не сказал, боялся, что его отругают за сломанную игрушку. Утром его свалила высокая температура, он сильно заболел и с тех пор больше никогда не ходил в детский сад.

Через какое-то время девочка нашлась в пальто за подкладкой. Видимо, она провалилась в дырочку в кармане и все эти месяцы была в Димином пальто, но он не догадывался об этом. Мама отдала ему девочку, но он больше не играл с нею. Она пробыла у него ещё некоторое время, а после, наверное, её выкинули вместе со старыми игрушками, а может, тоже унесли в детский сад. Дима вырос.

Потом была школа, и Дмитрий ни разу не вспомнил о девочке из цветка, пока не поступил в университет. Однажды он вошёл в лекционную аудиторию и увидел девочку из лилии — она сидела на втором ряду крайней слева. И звали её Лиза. Он сел рядом и подумал, что это уже навсегда. У них всё было решено как-то сразу, они не говорили о свадьбе, потому что этот вопрос даже не

обсуждался и не вызывал сомнений, но решили, что нужно закончить хотя бы три курса.

На втором курсе студенты должны были ехать на археологическую практику. Но Лиза неожиданно заболела, и Дмитрий поехал один с однокурсниками, а когда вернулся, то узнал, что она вышла замуж за какого-то крутого и очень богатого бизнесмена. Она отказалась обсуждать эту тему и, так как была беременна, скоро ушла в академический отпуск. Были разные мысли, и даже что это его ребенок. Но когда Лиза родила, стало ясно, что он в это время копал землю и чистил черепки.

И вот недавно позвонил бывший однокурсник. От него Дмитрий Иванович узнал, что у Лизы родился второй ребёнок — с ДЦП.

Корнеев шёл и думал про Лизу и её ребенка, про свою Элеонору. Жизнь есть жизнь, а фарфоровая куколка — всего лишь мираж, призрак, недостижимый образ.

Дмитрий Иванович шёл придавленный печальными мыслями, перед глазами мелькала прошлогодняя трава. Он поднял взгляд от земли и увидел около тропинки, ведущей в Еловый Падун, огромное дерево старины глубиной. Ветви его, как оленьи рога, пронзали голубизну весеннего неба, будто силились пропороть эту чистоту, а сам ствол был толст и чёрен, чернее угля, с размытыми водою трещинами и морщинами.

«И что бы это значило? Откуда оно здесь?!» — только и успел подумать Дмитрий Иванович, как дерево ступило на него и зарычало, изрыгая скрежет тормозящего железнодорожного состава.

Учитель быстро поставил на землю сумку со сметаной и молоком, снял рюкзак и, согнув перед собой руки, как боксёр, приготовился к бою.

Но дерево превратилось в Лешего, который засмеялся ехидно и восторженно!

— Боишься?! — и запрыгал. — Обманули дурака на четыре пятака!

— Леший, — обратился Дмитрий Иванович, утерев пот, выступивший на лбу. — Вот ты взрослый, уже не первой молодости мужчина, а ведёшь себя как школьник.

— Обманули дурака на четыре пятака! — Леший подскочил к Дмитрию Ивановичу и протянул руку. — Привет, учёный! Разговор есть!

— Здесь, в поле? Или, может, до озера хотя бы дойдём? На берегу брёвнышко лежит, там и поговорим.

— Вот это? — указал Леший на брёвнышко, которое вмиг появилось около Дмитрия Ивановича.

— Хорошо, — согласился Дмитрий Иванович и глянул на бревно. — Здесь так здесь, давай поговорим, но недолго, я дотемна хочу домой вернуться.

— Спасибо, брат! Но я сегодня принимаю, а потому прошу «седаум плис!» — и около Дмитрия Ивановича появился круглый, ослепительно белый столик и два кресла рядом. — Прощу, мистер учёный!

Дмитрий Иванович попробовал на прочность прежде столик, а потом кресло и уже после того сел.

— Хорошо, удобно, — оценил учитель. — И о чём пойдёт речь?

Леший плюхнулся в свободное кресло, почесал лысину, смахнул со лба гусеницу и сожрал её.

— Речь пойдёт о Елизавете.

Дмитрий Иванович смутился, он только что думал о ней, и вот о ней же начал говорить Леший.

— И с чего я должен с тобою обсуждать эту тему? Это моё личное дело, и ни с кем я его обсуждать не намерен, — учитель начал подниматься из-за стола.

— А у неё горе! — слова Лешего посадили Дмитрия Ивановича обратно в кресло. — Знаешь ведь уже. Чего молчишь-то?

— Знаю. Жаль, очень жаль. Это же на всю жизнь.

Леший аппетитно утёр кривой рот:

— И что жаль-то? Она тебя обманула. Вот и огребла в обраточку!

— Прекрати, Леший, а то сейчас ты огребёшь!

— Опешил? А то рассказывал тут всем, лапшу вешал на уши, что «дети в деревне талантливее и потому поеду работать в глухомань». А сам от бабы бежал! А от себя, батенька, не убежишь!

— Леший, отстань!

— То-то! Давай по чайку! Могу кофе или какао? Что хошь могу! Я угощаю!

И тут же на столике появились чашки на блюдечках, из которых валил душистый пар.

— Ты же тоже предавал? Вспомни! Ну же! — Леший пропеллером закинул ногу на ногу, теперь правая лежала на левой.

— Я? Нет.

— А девочку из цветка! — Леший взял чашечку ароматно парящего кофе и проглотил вместе с чашечкой. Но на столе тут же появилась другая, которая источала аромат какао.

— Девочку из цветка? — учитель вновь болезненно насторожился. Леший опять касался этой давней и щепетильной истории и опять будто подслушал его мысли.

— Да-да! Поиграл фарфоровой девочкой и забыл, а она ждала. Ну вот и тебе вернулось: Ромео был жестоко обманут, рогат и утешила его огненная сибаритка. Как тебе такая интрига, как тебе такая связь? По вкусу ли тебе жёлтый цвет предательства?

— Леший, не лезь в душу!

— Твоя Лиза хотела стать Золушкой. Только это ж сказка — чтобы и любовь, и достаток сразу. Вот и получила: много денег, а любви нет. Она думала, что к деньгам любовь сама собой прикладывается, типа в нагрузку! Отнюдь, учитель, ей никто не сказал, что любовь — это труд тяжёлый. Любовь, прежде чем стать красотой, она должна граниться ежедневным трудом, терпением, прощением, заботой и чёрт его знает ещё чем, чтобы наконец-то стать счастьем!

Леший крутанул ногами, и теперь левая лежала на правой, и он аппетитно проглотил чашечку с какао.

— Откуда тебе знать, пожиратель фарфоровых чашек? Тебе ли думать о любви? Честное слово, даже смешно!

— Мне ли думать? Именно мне, тому, кто потерял любовь. Может, через думы я и понял, что любовь — это жизнь ради другого, а не себя любимого! Любить — значит светить сердцем и душой, кто зрит сердцем — тот видит! Любовь — вот настоящая Золушка. Золото — в золе. Ты понял, что я понял, да свиньёй остался?! Потому что жизнь — она сразу и набело! От слепоты своей и глупости мы часто не видим любви, мимо проходим. Слеплены мы, понимаешь? Внешним лоском, а уж в золу заглянуть... нам и вовсе в голову не придёт, нам бы злата блеск и чахнуть потом над этой мертвечиной. А настоящее богатство душу греет, а не руки. А где прощение? Где милость Божья? Ан нет её! У меня всё в прошлом: и любовь, и предательство, и слёзы. У меня даже слёзы — слёзы клоуна! И в сериалах ваших сплошное враньё. И про богатых женихов — там одни подонки. И про этих, которые в Золушки метят, — там сплошь дуры! И Лиза твоя — дура!

— Жалко Лизу. Такое горе, да ещё с ребёнком, — Дмитрий Иванович хотел отпить из чашки, но почему-то отодвинул её от себя. Он ясно почувствовал, что нет в его сердце обиды и что Лизу он давно простил.

Леший посмотрел на него мрачно, исподлобья:

— Если бы ты знал, как я завидую тебе!

— Мне? С чего бы? У меня ни денег, ни дома, ни жены, ни детей — у меня ничего нет. Я в Елшанке на смех курам! Тридцать лет, а для меня уже нет любви.

— Дурак ты, учёный! У тебя есть школа, а там дети, у тебя есть родители этих балбесов, у тебя есть — главное — любовь к этому всему и даже к тем, кого и любить-то срам! Да, любовь ты сохранил и не просто сохранил, ты её приумножил и раздаёшь теперь просто так, налево и направо, как миллиардер какой-то! Как я тебе завидую! Моя любовь стала трагедией для меня!

— Так и для меня тоже, я жить не хотел!

— Нет, не так! Моя любовь превратилась в горе, несчастье, беду! Понимаешь? Вот в чём разница. Злоба заменила мне любовь. И я это понял через страдание, и ты через страдание, однако ты не клянёшь, а любишь. Вот что есть главное в тебе и чего главного нет во мне! Твоя Лиза-предатель сделала твою любовь сильнее, а моя Лиза-предатель стала причиной моего недочеловечества!

— А ты-то что расплакался? — Дмитрий Иванович внимательно посмотрел на Лешего, будто пытаясь разгадать его подлый замысел. — Прощения от меня ждёшь, сочувствия? Хватит причитать. Хочешь изменить судьбу — меняй себя. А то поплакался и свят! Лучше скажи, как Лизе помочь?

— Вот я знал, что ты задашь этот страшный вопрос! Знал, но надеялся, а вдруг ты ближе ко мне ста-

нешь? — Леший махнул рукой. — Да ну тебя! Иди к Чернихе, она подскажет.

— Анна Павловна?

— Именно. А что бы я тебя здесь поджидал? Исповедаться? Поздно! Знаю, я всё знаю. И про тебя, и про себя, и про любовь. Я даже знаю, как Лизе помочь. Да только мне от моих знаний жить не легче.

— Как помочь Лизе? — вскочил Дмитрий Иванович и схватил Лешего за загривок.

— Отпусти, а то не скажу! — Леший вырвался из рук учителя. — Пусть попросит Арефу — здешнего ведуна, знахаря, вечного человека, он только и поможет. — Леший вдруг заметался вокруг кресла, резко остановился и, глядя в упор на Дмитрия Ивановича, чуть не плача, спросил: — Ты, правда, готов помочь Лизе и сделать её счастливой?

— Готов, конечно, в чём вопрос!

— В том, что эта гадина предала тебя! — снова попробовал поймать Леший. — Она же угробила тебе жизнь!

— Это не моё зло, и не мне о нём судить.

— Тогда что сидишь? Расселся, понимаешь ли, тут, посреди поля, иди, люби, а я к себе. Прощай.

— Прощай, Леший!

Но ни Лешего, ни стола, ни кресел уже не было. Дмитрий Иванович рухнул на землю, медленно поднялся, отряхнул запачканные сзади штаны.

— Вот же, чёрт лысый!

Дмитрий Иванович накинул на спину рюкзак, взял сумку с молоком и сметаной.

— Арефа, — вспомнил он имя лекаря. — Надо попросить Черниху о помощи. А ведь добрый же он, этот Леший. С виду чумной, а сердце доброе.

Закон Вселенной

Черниха была дома. Она сидела за столом и перебирала корешки. Здесь были корни лопуха, похожие на поросычьи хвостики, но способные и обезболить, и как мочегонное, и для поджелудки. Коренья окопника, уже очищенные, лежали сторонкой, они для костей при переломе или вывихе. И много чего ещё украшало стол.

С привычным, режущим ухо скрипом отворилась входная дверь, и в дом вошёл старик с огромной белой бородой, он снял с головы шапку и обнажил такую же белую шевелюру. Злыдни, по привычке мутузившие друг друга, шмыгнули под лавку и затихли.

— Здравы будьте, люди добрые! — сказал старик и поклонился. — Дозволит ли хозяйшкa гостем быть?

— И тебе здоровьица, Арефий. Скучно в своей берлоге одному?

— Скучно, да не поскучаешь. Корешки добыла, — старик кивнул на стол. — Хорошо. Вижу папоротник, лопушков немного, марьин корень, саранок пучок, и даже окопника отыскала. Вот, завидую я тебе, всё ты успеваешь, а я вечно под занавес поднырнуть стремлюсь. Слыхивал я, Анна Павловна, воин в наших местах объявился. Радостна сия новость и по душе старикам.

— Объявился. Хороший, хороший, да ума ещё не нажил. Я говорю, глупо обращаться к тем за совестью, у кого её нет. Да учитель не согласен.

— А почему не согласен-то? — спросил Арефа, устраиваясь на лавке в углу. — Если вместо совести мёртвое место осталось? Совесть же как огонь в очаге... если тле-

ет, раздуть ещё можно, а если поленьев не подбрасывать, и погаснуть может.

— Говорит, надо дать шанс человеку.

— Хорошо говорит!

— Разве может человек вмиг измениться?

— Но шанс иметь должен.

Арефа погладил рукой свою окладистую бороду. Вечный человек, не один десяток лет и не один век ходит он по земле. Много открылось ему — мудрости и печали.

— Вот и учитель наш, такой же упрямый, как ты, батюшка Арефий, — проворчала Черниха, спешно перебирая корешки. — Потерпи, Арефушка, скоро закончу.

— А некуда мне спешить...

Но вдруг заскрипела дверь, и в дом вошёл Дмитрий Иванович.

— Доброго здоровья, Анна Павловна, — поприветствовал он старушку, со свету не заметив сидевшего в углу Арефу. — Я вот гостинцы принёс.

— Учитель пожаловал. — Она увидела подарки. — Ой, да зачем же? Старикам-то кушать надо мало, а ты меня кормишь как на убой. Тут Зимин с Русой повадились мне стряпню носить, вкусняшки всякие! Спасибо, милый, поставь на скамью да присаживайся. Я тут весь стол кореньями загадила. Немного ещё осталось, и чай поставлю.

— Хорошо, я последнее время спешить перестал, — Дмитрий Иванович сел напротив неё. — Корешки лекарственные?

— Да, лечим понемногу, да по людям раздаём, так и живём потихоньку. В аптеке-то есть, но как оно там готовилось-хранилось — не знаешь, да и денег всё это стоит. А тут бесплатно земелька сама дарит.

— А я к вам по делу, Анна Павловна.

— Захворал ли?

— Я-то здоров. Скажите, Анна Павловна, а ДЦП лечится?

— Это паралич?

— Именно он, детский, — с надеждой подтвердил учитель.

— Нет, не лечится.

— А Арефа может помочь?

— Арефа? Арефа может.

— А вы говорите он не лечится.

— Так я и говорю, что не лечится.

— А Арефа?

— А Арефа может.

— Анна Павловна, я понял, что ничего не понял. А как найти Арефу?

— А что его искать, — Черниха кивнула в угол избы. — Вот он, туточки. Тебя дожидается.

Арефа всё это время с интересом разглядывал учителя. Дмитрий Иванович встал из-за стола, не зная, как себя вести. Тем временем старик протянул ему руку, и Дмитрий Иванович аккуратно пожал её.

— Вы, правда, можете помочь?

— Отчего же не помочь доброму человеку. Если ты, конечно, добрый человек, — Арефа внимательно посмотрел на учителя, потом на Черниху. — Вот ответишь на мои вопросы, и помогу.

— Эк, ты выдумал, Арефий-батюшка! Экзамен, что ль? — удивилась старуха. — Уж не ожидала... Ну, твоя сила — твоя и воля. А ты, Дмитрий Иванович, значит, ответ держи.

Корнеев вдруг растерялся, не зная, о чём пойдёт речь. С волнением он понимал, что от разговора сейчас

будет зависеть помощь Лизе, от него будет зависеть чужая жизнь. По крайней мере такое условие зачем-то поставил Арефа. С другой стороны, если к тебе обратились за помощью, на кой устраивать экзамены? Что, трудно помочь, если это в твоих силах? Но и ситуация заставляла смирить себя и говорить теперь предельно честно.

— Вот скажи, тебе зачем жизнь дана? — приступил к экзамену Арефа.

— Чтобы жить, — начал Дмитрий Иванович, но тут же осёкся, заметив фальшь в собственном голосе. Разговор выходил серьёзный, не на пару-тройку слов, и он поправил себя: — Чтобы научиться жить. Я хочу понять закон Вселенной. Я хочу понять, зачем я здесь, и хочу понимать каждый час и каждую минуту своей жизни, как правильно поступить, без сомнений и условностей. Меня выели изнутри сомнения, я всё время в каком-то поиске, как на трясине, а я хочу твёрдо встать на ноги и знать, ради чего я здесь живу. У меня в голове как шторм и сплошная путаница: то добрый, когда злым быть надо, то смелый, когда отступить следует. А в итоге одни сомнения, безволие и усталость. И вот тут у меня к вам вопрос: вы знаете закон Вселенной?

— Ишь ты, хочет знать закон Вселенной. А ведь хорошо сказал, честно, — похвалила Черниха.

— Как же ты живёшь, если главного не ведает? — хитрил Арефа.

— Трудно живу. Но я уверенно знаю, как отличить добро от зла.

— Хорошо, уже немало. Поведай, — улыбнулся Арефа и в удовольствии потёр усы.

— Если это нам, то это добро, а если это только мне, то это зло.

— А прорывается свет и в умы человечески! — обратился Арефа к Чернихе, а потом опять к Дмитрию Ивановичу: — Но ты же знаешь пять главных слов этой жизни? Пять смыслов, в которых заключена вся мудрость мира.

— Знаю, но не умею применить.

— Говори их!

Учитель опёрся на стол локтями.

— Красота. Труд. Жизнь. Вера. Любовь. Красота спасает мир, стремление к красоте позволяет человеку оставаться самим собой, она как маяк. Труд создал человека, развил его. Жизнь — это главная ценность и главный дар. Вера — это истинное знание. Любовь — источник нашей силы и вдохновения, она возвышает нас над злом и несправедливостью, даёт шанс сегодня стать лучше, чем мы были вчера.

Черниха отодвинула свои корешки и внимательно слушала ответ, стараясь не потерять ни слова. Всё это она знала, чувствовала и сама, но как отрадно было слышать истину из чужих уст. И она задумчиво произнесла:

— Теперь я понимаю, почему ты ходишь по домам, возишься с детьми с утра до вечера и ко мне идёшь с подарками, не боишься зла людского. Сила в тебе есть — любовь. Хорошо, много знаешь! Как тебе, Арефушка, учитель наш?

— Мудро, — согласился старик, лицо его светилось добром, и блеск в глазах остался прежним — радостным, однако он стал серьёзным. — Всё верно сказал, но позволь добавить малую толику, но важную толику. И если уловишь смысл, то и жизнь твоя окрепнет, а поступки нальются не только силой, но уверенностью. Мир есть любовь, это источник энергии Вселенной, двигающая сила

всего живого и неживого. Ты уразумел, куда я веду? Бог с любовью творил мир и хотел, чтобы любовь жила в этом мире. Так появилась жизнь вечная, а человек — это её проявление, обладающее свободной волей! Нет человека без Бога, как и Бога нет без человека, вот как близко, вот как едино. Но человек может вместе с Богом продолжать творение, созидая любовь, а может пасть во тьму и отказаться от жизни, выбрав смерть. Вот почему жизнь никогда не принадлежала только нам, — но и нашим родителям, народу и Создателю. Любовь не живёт в одиночестве, любовь живёт только в миру. В то же время жизнь — это труд! Через труд человек познаёт мир и обретает веру — то есть знания. Мы чувствуем и видим, как дуют ветры, текут реки, замерзает вода, растут горы, слышим дыхание камней и шум грозы, понимаем и различаем биение сердца каждого живого существа. Именно вера говорит нам: мир есть любовь! И если делиться любовью с живыми существами, то их ответная любовь может даже лечить, спасать человека. Растения, собранные в определённую пору с любовью, — лечат, а собранные в ту же пору со злобой — калечат. От души человеческой рождается вода живая и мёртвая. Вот какая сила у истинного знания и любви!

Ведь счастливый человек — тот, кто является частью целого мира, а не его осколком. Нужно помнить, что человек — это все люди, а предназначение людей — нести свет Бога, а значит, любовь. Любовь — закон Вселенной!

Счастье невозможно без любви, как и невозможно его найти в одиночестве. Но столь простые и очень важные истины открываются не всем, а должны быть известны с детства.

— Любовь — закон Вселенной! — Дмитрий Иванович повторил слова Арефы. — Но я же об этом знал! Всё в жизни может быть, и эта быль пишется набело, но у человека всегда есть ещё один шанс, вот что позволяет человеку не потерять веру в созидательный смысл существования. Только я не знаю, — остановился вдруг Дмитрий Иванович, как будто вернувшись на землю, — какой смысл жизни у бессовестных людей?

— Пустота, — скоро ответила Черниха.

— Почему пустота?

— О, это просто, — вступил Арефа. — Без совести, значит, без любви. Бессовестные люди не знают закона Вселенной, не знают значения пяти самых важных слов, они без совести, а значит, без компаса: где блеснуло, там и радость, там и смысл их бытия. А в итоге жизнь, прожитая впустую. Бессовестные люди видят только половину мира — мир материальный, физический, но не видят мира тонкого, духовного, а потому бессовестные люди примитивны. Они даже предположить не могут, что совесть помогает творить красоту.

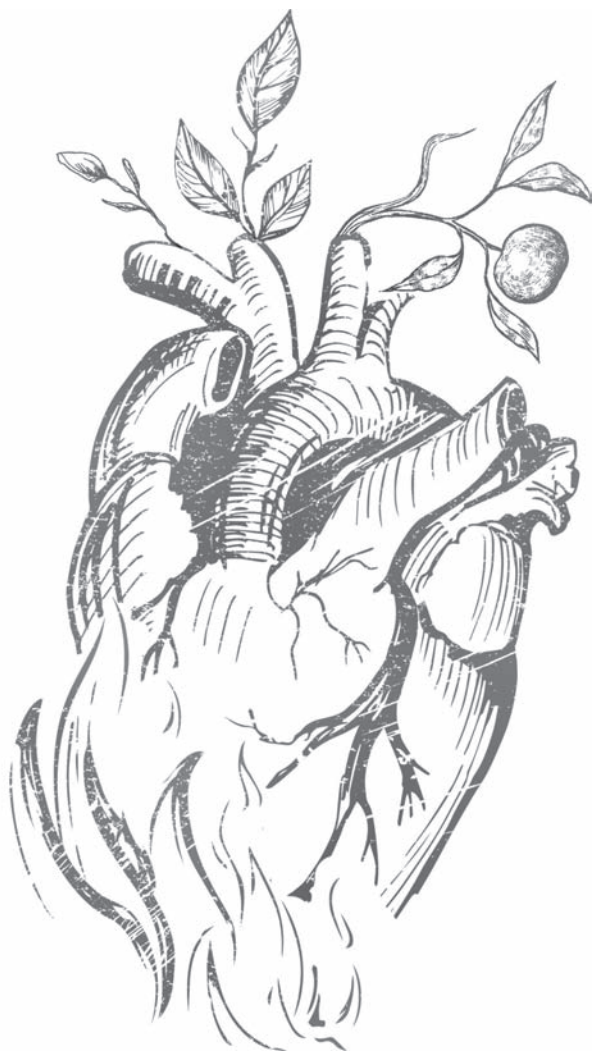
— Да, действительно всё очень просто. Мог бы и сам догадаться, — согласился Дмитрий Иванович.

— Ну что, батюшка Арефий, прошёл учитель твоё испытание или ещё слаб? — спросила Черниха, сметая мусор со стола в хозяйственный тазик.

Арефа опустил голову, и оттого решение его было сразу не ясно. Дмитрий Иванович чувствовал, как сжалось сердце. Может, первый раз он говорил вот так просто и от души. И он был уверен в своей правоте.

Наконец Арефа взглянул на него — лицо старика было по-прежнему светло и спокойно.

— Ты не обижайся на меня, добрый человек, что заставил тебя говорить. Очень я хотел твоё честное слово

услышать, без учёности и зазнайства. Значит, есть ещё надежда. Значит, можно ещё шанс дать. А мы поможем, не сомневайся, — кивнул Арефа. — И хорошо, что простил того, кто обидел. У прощения есть обратная сторона — это страдание, а оно очищает душу. Это в зачёт тебе. Только прощение делает нас богатыми и равными Богу.

Пожар

Дмитрий Иванович проснулся от кошмарного сна. Ему приснилось, что его душит Аделина Ионовна: она накинула ему на лицо подушку и сверху придавила своей безмерной грудью. Корнеев пытался проснуться, но завис где-то между сном и явью, и сознание никак не могло преодолеть эту малую черту, чтобы скинуть с себя наваждение. Но всё-таки усилием воли он проснулся. Комнатка была заполнена дымом!

Корнеев вскочил, привычным движением включил свет на стене, но плотный дым не позволил различить ничего вокруг. Он рванулся вон из комнаты, почти на коленях выполз наружу, но и весь цех был плотно окутан дымом. Он дополз до ворот, хлебнул прохладного воздуха, сочившегося из щели под воротами, встал, нащупал входную дверь и, наконец, сорвав накладную задвижку, вырвался наружу.

Тяжёлые клубы дыма повалили вон из цеха. Он открыл ворота, и приток свежего воздуха не только выгнал часть дымовой завесы, но и раздул огонь. Горела

обрезь под окном. Дмитрий Иванович включил свет в цехе, нашёл на привычном месте верхонки и пополз к огню. А огонь прямо на глазах разрастался, охватывая новые полоски срезанной берёзовой древесины. «Благо, сырая», — подумал Дмитрий Иванович и начал выкидывать в окно горящие берёзовые палки.

Жар не давал приблизиться к самому источнику горения. И тогда Дмитрий Иванович вспомнил про огнетушитель, кинулся в кочегарку, сорвал его со стены и мигом вернулся обратно в дымовое пекло. Баллон оказался полным, и белая струя не только сбивала пламя, но и придавила исходящий из кучи древесины дым. Когда баллон опустел, Дмитрий Иванович вновь кинулся в свою комнату и вернулся с полным ведром питьевой воды, которую заготовил для утренней уличной процедуры обливания. Вода из ведра, будто в пасть дракона, влилась в самое ядро пожара. Теперь можно было продолжить выкидывать в окно остатки дымящейся обрезки.

Потом Дмитрий Иванович долго сидел на улице. Немного отдышавшись, он вернулся в свою каморку, нашёл сотовый телефон и набрал Зими́на.

— Да что случилось?! — услышал встревоженный голос друга.

— Всё уже в порядке, но приезжай прямо сейчас.

Зимин приехал буквально через пятнадцать минут. Начало светать.

Взволнованный Александр Николаевич быстро вошёл в цех, заглянул в каждую щель и уголок, обследовал станки, тщательно исследовал место пожара и лишь после немного успокоился.

— Главное, станки целы, — выдохнул он.

Вышли на улицу, обошли цех и увидели следы машины, подтёки выплеснутой в окно жидкости, тут же валялась канистра и пластиковая полторашка.

Зимин понюхал горлышко канистры и заключил:

— Соляр.

Потом понюхал горлышко пластиковой бутылки.

— А это бензин.

— И в чём загадка? — спросил Дмитрий Иванович.

— А в том, что соляр они разжечь не могли. Видимо, сначала вылили соляр, но он не разжигался от пучков соломы, вот она насыпана здесь, а потому пришлось выцедить из уазика бензин, плескнуться его внутрь, и тогда только всё и вспыхнуло.

— Ты откуда знаешь, что УАЗ?

— По резине. УАЗ новый, хороший протектор, совсем новый.

— Но это значит, просто поставили четыре новых колеса! — возразил Дмитрий Иванович.

— Плохо ты знаешь сельского человека, он на резине будет ездить до полного полысения. Стираются прежде задние колёса, а на следующий год, а то и через два, подспевают передние колёса. Понял? Экономия. Сначала он купит два колеса на задок, а через два года два колеса на передок. Я же тебе говорю, что экономия. А здесь все четыре колеса свеженькие, только поставленные, на них муха ещё не сидела.

— Саша, а зачем тебя хотели сжечь?

— Версии две. Первое — ты, намекнули, что недовольны моим гостеприимством. Второе — конкуренты из Томской области. И это более вероятно. Знаешь, чем отличаются спортивные соревнования от бизнес-конкуренции? Спортсмены хотят победить, а конкуренты — убить.

Я занял малую, но прочную нишу. Вокруг леса сотни пилорам, таких же маленьких, как моя. Отсюда и ненависть. Заготовить можно, а куда сбить?

На левой руке Дмитрия Ивановича вздулся-таки небольшой волдырь ожога, и волосы на голове сильно опалило с левой стороны.

— Смотри, какой ты теперь модный, с одной бровью и без ресниц. Панк или пранк — даже не знаю, как тебя теперь назвать, — грустно пошутил Зимин. — Но в больницу идти надо.

— Я к Чернихе, она меня подлатает. Я пойду к ней, а то жжёт сильно.

— Потерпи, твой друг из полиции уже едет.

— Это кто у меня друг из полиции?

— Картавко!

К цеху подъехал служебный УАЗ, из него вышел знакомый следователь. Он поздоровался.

— Ну, показывайте, что у вас тут случилось. Пожарные были?

— Нет, эксперт к обеду подъедет.

Прошли вокруг цеха. Картавко осмотрел всё, что предъявили Зимин с Корнеевым, добросовестно записал показания и уехал. Но уголовного дела о поджоге полиция возбуждать так и не стала. Просто пояснили, мол, старая проводка, замыкание. Все попытки доказать, что проводки в том месте вовсе нет и никогда не было, не имели убедительного успеха, потому что пожарные утверждали ровно то, что и полицейские. В рассмотрении дела было отказано однозначно.

Маёвка

Когда-то очень давно, ещё в царской России, первого мая люди выходили на весенние гуляния, и назывались такие прогулки «маёвкой». Чуть позже этот праздник принял более основательный вид, и горожане уже семьями или целой компанией себе равных по сословию, рангу и статусу делали выход или выезд на природу. Собственно, всё началось с Санкт-Петербурга и Москвы, прочая Россия жила на земле и в лесу, а потому ходить куда-то им не было никакой необходимости.

На маёвку готовилась пища, у каждого по достатку. У дворян и буржуа на тёплую лужайку загодя выезжали слуги, приготавливали место, расставляли складные кресла, сервировали к определённому времени стол или скатерть на земле с мягкими подушечками для сидения. На скатерти располагались закуски и графинчик с водочкой, а по желанию и шампанское в ведёрке со льдом. Тут же услужливые лакеи, предугадывающие каждое желание барина или барыни: и салфетку подаст, и салфетку заберёт, дитя малое у барыни примет, кормилице отдаст, и папиросочку предложит, и огоньку прикурить — одно слово, дворяне на отдыхе.

Купцы из простолюдин, чиновники средней и низшей руки, а также рабочие организовывали маёвки скромнее, попроще: уже не белая скатерть, а одеяло или иная подстилка на траве, бутылка самой неприхотливой водки от Смирнова или Шустова, на всю мужскую и женскую компанию одного сорта, без искусов, но селёдка и картошечка непременно к водочке, остатки за-

готовленной в зиму солонины в виде квашеной капусты с яблочками, огурчики солёные, уже с «проголодавшимися», впалыми животами, грибочки, лоснящиеся и сверкающие маринадом. Но веселья и ощущения весны не меньше, чем у богатых, а то и больше, потому что люди проще и искреннее, без траты сил на внешний лоск и чувствительную солидность.

В тысяча восемьсот восемьдесят девятом году в лесу под Санкт-Петербургом состоялась первая маёвка с политическим привкусом. И далее, под видом маёвки, то есть семейного или дружеского застолья на природе, скоро стали собираться революционеры. Выследить их было очень трудно, потому что рабочие зачастую на свои маёвки брали пасхальные куличи. Полицейские не решались бить крашеные яйца.

Нынче иная история, нынче маёвки уже не называются маёвками, потому что этот термин пропах революционной начинкой и тем приводит в страх власть поддерживающую буржуазию. Люди просто выезжают на пикник или, совсем модно, а всё иностранное у нас ныне модно, на уикенд.

В тот год семья Зиминых в полном составе: Александр Николаевич, Галина Егоровна, Зоя и Руса, а также Дмитрий Иванович и Анна Павловна устроили первомайскую маёвку, в день тёплый и солнечный.

На поляне под раскидистой ветлой недалеко от дома Чернихи Зоя и Руса расстелили большую белую скатерть. Галина Егоровна помогала разложить еду. Дмитрий Иванович вместе с Александром Николаевичем собирали хворост для костра, который устроили тут же под деревом у берёзового бревна, которое давно служило Чернихе скамейкой у озера.

Пришёл Леший, но не в привычном халате и с гусеницей на лысине, а с модной причёской, с бабочкой под белым воротничком и с ослепительно белыми манжетами, украшенными рубиновыми запонками. А более всего удивила дымящаяся трубка в редкозубом рту. Однако общее приятное впечатление и почтенный вид портил подбитый глаз с синим свежим отёком, отчего Леший походил на дирижёра академического оркестра после банкета по случаю премьеры музыкальной комедии. Домовой был в клетчатой курточке, новых шароварах, берёзовых лаптях и кепочке на тщательно причёсанном проборе. Русалка привычно висела на стволе изогнутой ветлы, но в новом, праздничном купальнике из осоки и камыша. Объявленный праздник никак не отразился на поведении злыдней, как были не чёсаны и плешивы, так и явились на глаза гостям.

Стопудовый Сом подплыл к берегу, поздоровался и пригласил гостей покататься. Осмелились Зоя и Руса. Они забрались на Сома, как на гидроцикл, Зоя ухватила за усы Сома, как за повод, а Руска вцепилась в Зою, и они помчались по озеру, разгоняя волны. Сом гонял отчаянно, делал неимоверно крутые повороты, но девочки только визжали от восторга.

Неожиданно из кустов тонкого березняка вышел полицейский Картавко Пётр Петрович.

— Что здесь происходит? — оторопело, но пытаюсь держаться официального тона, спросил лейтенант. — Почему дети летают по воздуху?

— На Соме катаются, — ответил Александр Николаевич. — Разве вы не видите?

— Вы издеваетесь? Какой Сом? Здесь мелочь только водится.

— Да, — согласился Дмитрий Иванович и не преминул подразнить полицейского, — в томатном соусе.

Русалка посмотрела на полицейского и страхнула на него несколько капель с хвоста. Тот поднял голову и удивился:

— На небе ни облачка, а дождь идёт! — он сбил рукой капли с форменной фуражки. — На каком основании вы здесь находитесь?

— А на каком основании мы здесь должны не находиться? — удивился Александр Николаевич.

— Это частная собственность! Озеро, дом и участок вокруг дома принадлежат частному лицу. Прошу разойтись!

Полицейский осмотрел поляну с праздничным застольем, понаблюдав за летающими над озером девочками и пошёл в дом.

Дом завизжал ржавыми петлями и впустил лейтенанта. Внутри было сумрачно и тихо. Полицейский осмотрелся, заглянул в чёрное отверстие печи, потрогал пучки трав на стене и вдруг увидел распятие. Снял форменный головной убор и размахисто перекрестился. Подошёл ближе к распятию, осмотрел его, дотронулся и попытался оторвать. Но распятие сидело в красном углу уже несколько столетий и отрываться не хотело.

— Хорошо, — прошептал лейтенант, — не украдут. Умели же делать!

На улице он снова осмотрелся и, к своему удивлению, никого не обнаружил. Все исчезли, совсем все. Девочки не летали над озером, только волны бежали по глади, старуха не сидела на брёвнышке, мужчин и женщины тоже не было, только дымил костёр, белым пятном на зелёной траве лежала сервированная скатерть.

— Ушли, это правильно, — заключил полицейский и подошёл к скатерти.

— Он что, нас не видит? — спросил Александр Николаевич, пропуская идущего прямо на него лейтенанта.

— Не знаю, но похоже, что не видит, — подтвердил Дмитрий Иванович.

— Ослеп, что ли?! — ахнула Галина Егоровна. — Или разучился людей видеть?

Тем временем Картавко остановился над скатертью, поднял полторашку минеральной воды, открыл крышку, выпустив газ с каплями минералки, подошёл к костру и залил его.

— Он заливает наш костёр! — удивился Дмитрий Иванович.

— Пусть, видишь, он не в себе, — остановила Черниха Александра Николаевича, который хотел помешать полицейскому.

— А что с ним, Анна Павловна? — спросила Галина Егоровна.

— Что-что! Приземлился. А из-под земли людей не видать.

Картавко бросил пластиковую бутылку на землю, увидел шанежки, приготовленные Галиной Егоровной, подцепил одну и пошёл прочь.

В это время к берегу подплыл Сом и высадил девочек.

— А кто приходил? — спросила весёлая Зоя.

— Никто, — ответил Дмитрий Иванович.

— Но мы же видели, — удивилась Руса.

— И мы видели, а он нас нет.

— Ну что, друзья мои! Предлагаю перекусить! — пригласил Александр Николаевич.

— Какие вы странные, — прокомментировала Руса, взяла со скатерти кусок хлеба и угостила Сома.

И праздник начался! Леший невесть откуда достал скрипку, поправил дымящуюся трубку, и над округой полилась приятная мелодия полонеза. Домовой из кармана вынул аккордеон, присел около Чернихи на брёвнышко и слился с мелодией скрипача. Злыдни тоже не остались в стороне: вдруг на берегу появилась ударная установка, тут же потянул музон, загремели маракасы, загрузил саксофон — они играли слаженным ансамблем, дирижировал злыдень по кличке Копилка с резьбой на лысине. Некоторые успевали играть сразу на нескольких инструментах, например, дудеть в трубу, которую пианист положил прямо на фортепьяно, другой переходил от виолончели к органу, а тот, что на арфе, уже пробовал лбом бить в бубен, который каким-то чудом висел перед ним. Музыканты набирали обороты, темп ускорялся, музыка гремела какофонией, скрипача уже не было слышно.

Потрясение, которое испытали слушатели в начале концерта, перешло в смех. Зоя и Руса уже катались по траве, а Галина Егоровна начала прикрывать уши.

Неожиданно Леший огрел одного из злыдней скрипкой по голове, началась потасовка, дрались уже не только на инструментах, но и на кулаках. Русалка визжала от восторга! И только Домовой мирно сидел около Чернихи и продолжал играть печальную мелодию полонеза. По его щекам текли крупные слёзы. Вдруг Сом ударил по воде, и вся дерущаяся братия оказалась прижатой огромной волной к стене дома. Всё замерло на минуту, но тут же драчливая компания кинулась на Сома, и потеха продолжилась уже посередь озера.

Короче, отдохнули! Маёвка удалась на славу.

Сава

И всё-таки злое предсказание Зимина сбылось — Черниха исчезла, в доме всё как прежде, но старушки нет. Скоро выяснилось, что через заботу соцзащиты Анну Павловну поместили в психоневрологический интернат, среди подобных ей сирот.

— Что будем делать? — спросил Дмитрий Иванович, когда услышал эту новость.

— У меня есть знакомая, у неё в этом диспансере брат лежит.

— Хорошие у тебя знакомые!

— Не перебивай!

— Я имел в виду, что очень полезные.

Александр Николаевич махнул рукой, чтобы Дмитрий Иванович не перебивал.

— Так вот, я с ней переговорю, чтобы она помогла нам пройти на территорию. Надо повидаться с Чернихой, узнать, что да как, а потом дальше будем думать.

— Ты не поедешь, — уверенно сказал Дмитрий Иванович, — тебе надо оставаться вне подозрения. Хватит того, что я живу и работаю у тебя. Своё неудовольствие они уже высказали поджогом. Если и тебя сейчас подрежут, тогда совсем худо будет. И нет здоровья у тебя воевать, тебе восстановиться нужно.

— Хорошо, я переговорю с Люськой. Короче, организация поездки за мной.

На том и порешили.

В назначенный день и час Дмитрий Иванович приехал на своей «Королле» в райцентр, встретил в услов-

ленном месте девушку по имени Люська, всё, как в детективе, и уже вместе они отправились в интернат.

Люська оказалась молодой девушкой, симпатичной, высокой, с выдающейся грудью, подкачанными губами и ярким макияжем, то есть дамой, знающей себе цену, а потому привычно понукающей мужской частью населения. Невзирая на холодный май, она была в короткой джинсовой юбочке и курточке, которая с трудом скрывала её природное богатство.

Машина осталась за воротами. Они вошли в проходную психоневрологического интерната.

— Здравствуйте, — заулыбался охранник, увидев Люську, — а молодой человек с вами?

— Да, со мной, — кивнула она.

— Вы, Людмила, вышли замуж?

— Нет, это мой дядя!

— Счастливый дядя! — хохотнул охранник, открывая входную металлическую решётку.

— Юморист, что ли? — не очень довольная вниманием охранника, ответила Люська.

Они прошли через проходную на территорию диспансера.

— Как они вас тут знают! — удивился Дмитрий Иванович.

— А то, за десять лет можно выучить, — ответила Люська и уверенно зашагала модельной походкой, будто по подиуму, по широкой аллее. — Здесь охраняют, как правило, бывшие офицеры, демобилизованные из армии, а они немного одичалые и привыкли к приказам.

— Да вы психолог. Я об этом никогда не думал и даже предположить не мог, но ведь в этом есть правда. В армии — приказ, и далее — исполнение, без пререка-

ний. Так и я служил. Однако и в семье они тоже предпочитают подчиняться. Великая наука психология!

Они шли по чисто выметенной аллее с белёным бордюром, на обширных ухоженных клумбах множество цветов.

— А здесь неплохо, никогда не был в подобном заведении.

— Твоё счастье, — ответила Люська.

Собственно, девушка была чуть старше Дмитрия Ивановича, но, видимо, привыкла общаться со всеми запросто и на ты. Корнеев это заметил, но не возражал. Даже более того, он радовался, что Люська имеет здесь такое влияние и особенно на охранников. Такая связь могла пригодиться.

На большой площади диспансера были раскиданы здания, слева недостроенная часовенка, а кругом, куда ни глянь, огромное количество цветов. Люди копошились то тут, то там, и только редкие санитары в белых халатах ходили по тропинкам, наблюдая за работой больных.

Они свернули к двухэтажному корпусу. Недалеко от входа на скамеечке сидел мужичок в шляпе, сплошь увешанной значками и медальками. Когда он поворачивал голову, они слабо бряцали.

— Люся! — обрадовался больной. — Здравствуй, Люся!

— Привет, Стёпа!

— Людмила, — прошептал Дмитрий Иванович, — а почему он без охраны?

— Неопасный. Это же Стёпа, наш художник, спился, после горячки в себя прийти не смог.

Они вошли в двери двухэтажного кирпичного здания. В тёмной прихожей другая дверь с маленьким заре-

печенным оконцем. Люська уверенно надавила кнопку звонка. Открыли не сразу, а как открыли, то доброжелательный санитар закивал головой и кому-то крикнул:

— Саву позови! К нему приехали.

Они прошли в коридор, который служил и комнатой свиданий. Два продолговатых стола вдоль стен, две лавки к ним. За одним столом сидел мужчина в трико и майке и ел из пластмассовых контейнеров. Рядом старушка, которая всё придвигала к больному контейнеры, подсовывала под руку хлеб. Они не обратили на вошедших внимания, будто были в полном одиночестве.

— Меня скоро выпишут, — вдруг сказал больной.

— Да, да, — закивала старушка.

— Ты мне трусы принеси и сигарет.

— Хорошо, — опять закивала старушка.

— А как там на улице?

— Тепло, весна.

— Нас сегодня гулять поведут.

— Хорошо, гулять надо.

— Надо, мама. И работать надо. Я вот выпишусь и выйду на работу.

— Да, да, конечно.

И говорил он эти слова безучастно, с каким-то подавленным настроением. Безвольные плечи, будто крылья острой крыши, упирались в коньковую хребтину, под самую маковку круглой головы, а крест, как и голос больного, безвольно и безучастно, будто сорванный с церковной маковки, болтался на тонкой ниточке у самой груди.

— Я люблю работать, да, мама.

— Любишь, любишь, ты хороший работник.

— Я хороший работник, я люблю работать.

— Да, да, ты кушай лучше, кушай.

Раздался плачущий сигнал, санитар, как проводник в поездном вагоне, вставил ключ в скважину и в пол-оборота открыл дверь.

Из дверного проёма вдруг и сразу, будто горячий пар из-под сорванной крышки кастрюли, вырвались звуки баяна. Играли, как на хмельной свадьбе, рвя меха и отчаянно. И из этих залихватских звуков вышел молодой парень, слегка лохматый, уверенно глянул на Люську, обнял и спросил, шепелявя и оттого невнятно выговаривая слова:

— Бритву привешла?

— Привезла, и сменное бельё. Как ты тут? Как себя чувствуешь? А что у вас там, что за музыка?

— А, — махнул парень, — дурдом, что ты хочешь. Играют.

— Будешь кушать?

— Нет. Не хочу. Потом.

— Сава, познакомься, это мой друг, Дмитрий.

Сава протянул руку и слабо пожал пальцы учителя. Вдруг решительно шагнул к нему и на ухо шепнул:

— Я тебя ждал, — обернулся и сказал Люське: — Нам нужно поговорить.

— Хорошо, поговорите, а я к Максиму Геннадьевичу. — И ушла.

Сава заговорщицким голосом чуть слышно и совсем невнятно заговорил:

— Хорошо, что ты приехал. Уже пора. Мне нужно в Мошкву.

Дмитрий Иванович напряжённо слушал, пытаясь разобрать шипящую, будто из вагонных динамиков, речь.

— Меня уже ждут.

— А зачем в Москву?

— На царство. Купи билет, лучше плацкарт. Я знаю, деньги у тебя есть. И мне в дорогу, немного, рублей сто. Да, и ещё сменное бельё и зубную щётку. Ты запиши, а то забудешь.

— Я запомню, — уверенно ответил Дмитрий Иванович.

— Хорошо. И ещё паспорт, страховой полис и пенсионное удостоверение. И, главное, если кто спросит, где я, ты ничего не знаешь. Так и говоришь — не жнаю. Понял? За мной шледят. Всё время шледят. Ты видел у входа машину, чёрную такую?

— Нет, — удивился Дмитрий Иванович, пытаюсь вспомнить машину.

— Шледят, я видел. Постоит и уедет.

— А зачем в Москву-то, я не понял.

— Как зачем? Царя выбирать. Враги во власти. Ты что, не знаешь? Враги и предатели. Пора. Понял?

— Не очень. Если честно, но я не в теме.

— Ну как же! Запад протащил своих людей в правительштво. Посмотри, что делают. Промышленность лежит, образование лежит, культуру добивают. Ты телевизор смотришь? И не видишь? Оккупированная штрана!

— Ну не так уж и оккупирована, — Дмитрий Иванович попытался успокоить Саву. — У нас совсем не плохо, люди не голодают, продуктов в магазинах достаточно, работы на всех хватает. Президент у нас сильный, американцам не поддаётся. Российская Федерация — демократическая страна. Никто никого за инакомыслие не преследует.

— Ты что, совсем дурак? Какая демократия? Да они боятся всякой демократии, потому что при демократии к власти можем прийти мы. Ну, ты валенок! Американцы

захватили все наши ресурсы. Россия разрушена. Власть не хочет защищаться от Запада, это Запад хочет с помощью нашей власти защитить свои интересы в России. У тебя точно не все дома! Вы что там, на свободе, совсем с ума сошли?

Дмитрий Иванович обернулся, будто пытаюсь понять, что происходит, и найти подтверждение, что это реальность. Санитар безучастно стоял у окна. За столом всё ещё сидел и мерно жевал больной с матерью-старушкой. И будто заведённый негромко говорил:

— Я свинарку поправлю. Я работать люблю.

А мать вторила:

— Да, да, совсем завалилась.

Сава требовательно дёрнул Дмитрия Ивановича за рукав.

— Меня ждешь специально держат, — опять заговорил Сава с напором и волнением. — Но мне пора ехать. Про бельё не забудь и ещё про плеер.

— А плеер зачем?

— Музыку слушать, — Сава посмотрел на Дмитрия Ивановича и посетовал: — Вы там совсем очумели! Не знаешь, для чего плеер?

— А, ну да, я что-то сразу не сообразил.

— Всё, а теперь иди, нас не должны видеть вместе. Люське привет и никому ни слова.

Сава прошёл к двери, санитар отворил её, и тот, не оглянувшись, скрылся за нею в звуковую канитель баяна.

Дмитрий Иванович бестолково потоптался, потом обратился к санитару:

— А Максим Геннадьевич, он кто?

— Заведующий отделением. Вам к нему?

— Нет. Мне лучше на улицу, я там подожду.

На улице было свежо и просторно. Дмитрий Иванович вдруг и сразу почувствовал всем телом этот простор. Он, конечно же, знал, что есть психушки, но что это всё так рядом, вот в такой реальной близости, такого он даже представить себе не мог.

— Па-па!

Дмитрий Иванович обернулся на голос.

— Па-па! — бряцая значками и медальками на соломенной шляпе, к нему шёл Стёпа.

Дмитрий Иванович огляделся, но кругом, кроме него, никого не было. А Стёпа шёл, протягивая к нему руки, и, уже задыхаясь, плакал.

— Папа! — вырывалось из его груди. — Папа...

Стёпа восторженно смотрел на Дмитрия Ивановича, слёзы градом текли по его тёмным, почти сизым щекам.

— Папа, папа, подари часы, — захлёбываясь слезами, попросил он.

Дмитрий Иванович обернулся на дверь в отделение, но там никого не было.

— Стёпа, зачем тебе часы?

— Папа, папочка, подари-и-и ча-асы-ы! — навзрыд плакал больной, размазывая сопли и слёзы по лицу.

И Дмитрий Иванович снял наручные часы. Тот принял их в подставленные лодочкой ладони, как драгоценность и великую милость, повернулся и пошёл прочь, что-то шепча и прижимая часы к лицу. А на Дмитрия Ивановича напало оцепенение. Он слышал радостный Стёпин шёпот, перемешанный со звуками бряцающих медалек, всхлипами и сморканием.

— Пойдём, — сказала Люська и прошла мимо в направлении проходной.

Дмитрий Иванович нерешительно побрёл за девушкой.

— Людмила, а Черниха, то есть Анна Павловна?

— Я попросила Максима Геннадьевича, — Люська остановилась, осмотрела юбку, поправила её, расправила кофточку на груди. — Он всё узнает и сообщит.

— Когда?

— Уже сегодня. Ты мне телефон свой оставь, вечером созвонимся.

Дмитрий Иванович обернулся и увидел Стёпу, тот сидел на лавочке, теребил его часы и счастливо улыбался.

— Людмила, а что с Савой? Что случилось с ним?

— Ничего, просто шизофрения. Ты заметил, что он шепелявит?

— Конечно, заметил.

— Так это он себе язык отрезал. И ты понимаешь, только когда язык отрезал, его в психушку приняли, а до того считали, что мы его от армии косим.

Чистая аллея, работающие больные. Они высаживали цветы. Красивые и уже распустившиеся многоцветные нежные и даже робкие петунии.

— Людмила, но мы даже не увидели Анну Павловну! В каком она состоянии? Быть здесь и не увидеть её — это неправильно.

— Правильно-неправильно, — высказала своё неудовольствие Люська. — Ладно, пойдём.

— А теперь куда мы идём?

— В женский корпус, щас увидишь.

Люська так же уверенно нажала кнопку на дверях. Отворил охранник, заулыбался, увидев Люську.

— Говори, — повернулась к Дмитрию Ивановичу она, — кого хотел видеть?

— Добрый день, я хотел бы видеть Чернихину Анну Павловну.

Когда в коридорчик вышла Черниха, Дмитрий Иванович встал ей навстречу. Она выглядела обычно, и только больничный коридор выбивал её образ из привычного лесного пейзажа.

— Как вы, Анна Павловна?

— Учитель, — улыбнулась Черниха, и глаза её наполнились добротой и слезами. — Хорошо, спасибо, милый, хорошо. Ты не беспокойся, я скоро приду.

— Так вас выпустят?

— Я сама приду.

— Но это невозможно!

— Это вам невозможно, а мне Леший поможет и злыдни подсобят. Ты мне только денежек немного оставь, на автобус.

Дмитрий Иванович вынул из кармана смятые деньги, там было несколько тысяч: сотни и даже одна пяти-сотка.

— Это много, — беря деньги, сказала Черниха.

— Берите, берите, вам пригодятся. Мы вас ждём! Мы вас очень ждём! А куда вы приедете?

— Куда? Домой приеду, в Еловый Падун приеду. А погонят, в шалашике поживу.

— О шалашике мы ещё поговорим. До свидания. Мы вас очень ждём.

Когда сели в машину, Люська спросила:

— Доволен?

— Да, огромное спасибо!

— Спасибо на хлеб не намажешь и в ломбард не снесёшь. Позолотил бы ручку?

— У меня нет, я всё Анне Павловне отдал.

— Вот именно, а красивой девушке ничего не досталось.

— Я рассчитаюсь, я обязательно рассчитаюсь, вы не беспокойтесь. Я правду говорю.

День Победы

В День Победы около сельского памятника участникам Великой Отечественной войны собрались школьники, родители, односельчане, выступала Аделина Ионовна. Ни одного ветерана войны в селе уже не осталось, шутка ли сказать, шла семьдесят девятая годовщина Победы над фашистской Германией. Пригласили старенькую бабушку — ветерана труда, которая работала во время войны в колхозе имени Калинина.

На праздник пригласили Пилатова Владимира Олеговича — участника специальной военной операции на Украине. Сам он был родом из Елшанки, но после девятого класса уехал в райцентр, чтобы поступить в СПТУ — сельское профессионально-техническое училище. Потом добровольцем ушёл на фронт, был тяжело ранен и сейчас проходил лечение.

Из окон школы звучала праздничная музыка, хотя митинг у памятника уже закончился. Дмитрий Иванович сидел на берёзовом бревне около цеха, отдыхал. Сегодня выходной, но он работал во все дни. А сейчас ему вдруг захотелось закурить. Нет, он никогда не курил, только в детстве, лет около семи пару раз затянулся, получил от матери трёпку и понял на всю жизнь, что

курение вредно для здоровья. Ему захотелось покурить с солдатами той войны, и чтобы они рассказали о своих подвигах, о стране, о жизни. Без прикрас и иного расчёта, как на привале.

Он даже представил себе этих мужиков в выпцветших полинялых гимнастёрках и в галифе, в медалях грудь. Представил, как они сидят напротив него на таком же прогретом майским солнцем стволе берёзы и курят, не сигарки, не папиросы «Беломорканал», а козью ножку, настоящую, набитую ядрёной махоркой, которая дерёт горло и заставляет морщиться, отворачиваться от плотного и ароматного дыма, и громко и по-хозяйски откашливать терпкую мокроту, и со знанием дела хвалить самосад.

Вдруг с улицы, к цеху свернул старенький тёмно-синий джип. Он бойко подъехал по ещё влажному, но уже плотному земляному насту и остановился около учителя. Значит, всё-таки гости, понял Корнеев, поднимаясь с бревна.

— Дмитрий Иванович! Смотри, кого я тебе привёз! Вот кто тебе ответит на все твои вопросы! — закричал радостный Александр Николаевич.

Из машины, с водительского места, на одну ногу прыгнул молодой человек. Он был в военном камуфляже, левая нога в медицинском чёрном сапоге. Мужчина допрыгал до задней дверцы, открыл и вытащил из машины два костыля, захлопнул дверку и, укрепившись на костылях, уверенно сделал несколько прыжков навстречу Корнееву, протянул руку:

— Владимир.

— Дмитрий, — представился Дмитрий Иванович, отвечая на крепкое и сухое рукопожатие.

— Так вот, — продолжил Александр Николаевич, — Володя учился в нашей школе. Только он ещё совсем малец был, когда я выпустился.

— Давайте присядем, — предложил Дмитрий Иванович, — в ногах правды нет.

— Скажу откровенно, — засмеялся Александр Николаевич, — с правдой всегда были проблемы. Её не только в ногах, но и во всём дефицит.

Расселись. Дмитрий Иванович на одном бревне, а Владимир и Александр напротив.

— Курите? — спросил Дмитрий Иванович.

— Нет, уже нет, госпиталь отучил.

— Вы приехали на праздник?

— Да, меня школа пригласила выступить, но какой из меня оратор, — махнул рукой солдат.

На груди три медали, худой и стройный, а в глазах серьёзность.

— Саша, — обратился Дмитрий Иванович, — а давай проведём внеурочное мероприятие, и пусть дети поговорят с солдатом. Не просто торжественный митинг, а разговор по душам, вот тут на брёвнышке, и пусть они, да и мы, зададим Владимиру вопросы, и о войне, и о жизни. Владимир, как вы, не против?

— Да, пусть, поговорить-то можно.

— Ну, Дима, в тебе учитель непобедим, ты всегда думаешь о детях.

— Звони Русе, пусть она всех здесь соберёт. А мы пока чаю попьём. А чай я организую.

— Можно, — согласился солдат. — А кофе вместо чая можно?

— Будет кофе! — учитель встал. — Сидите, отдыхайте, я сейчас всё организую.

Не прошло и получаса, свободных мест на брёвнах уже не было. Пришли, и ещё шли взрослые и старики, но в основном мужчины. А дети были уже на месте, а потому Дмитрий Иванович начал урок, как он сказал, урок мужества. Владимир Пилатов после торжественного вступления даже смутился. Зимин вдруг хлопнул себя по коленям и позвал: «Мужики, подсобите», — и они прикатали огромный сосновый комель, поставили его на попа да на таком месте, с которого бойца было видно всем.

Мужики закурили, по-деловому, вот только на их плечах были обыкновенные болоньевые куртки или хозяйственный камуфляж. Тут же дети, кто-то с отцами рядом, а прочие на отдельном брёвнышке. Колька ущипнул Русу, и та вдруг развернулась и залепила ему подзатыльник, да так смачно.

— Ты что! — возмутился Колька.

— Руса! — удивился Дмитрий Иванович.

— А он знает, — ответила Руса.

Шаман

— Дорогие друзья, — обратился Дмитрий Иванович ко всем собравшимся, — прошу выключить звук на сотовых телефонах и поприветствовать нашего земляка, уроженца села Елшанка, Пилатова Владимира Олеговича.

Все захлопали, а солдат опять слегка смутился. Видимо, человек не привык к большому вниманию.

— Владимир Олегович, — обратился учитель к солдату, — мы просим рассказать немного о себе. Пожалуйста.

Итак, урок начался. Дмитрий Иванович чувствовал себя особенно счастливым: как он соскучился по детям, урокам и всей этой взросло-детской возне, такой серьёзной, столь важной, настоящей жизни. «Дети и их родители вместе на уроке мужества, что может быть лучше! — думал учитель. — Вот именно эта встреча запомнится детям навсегда».

— Я после Елшанской школы учился в училище на механика, а потом в срочной армии служил механиком-водителем БМП.

— Друзья, это аббревиатура, которая расшифровывается как «боевая машина пехоты».

— А аббревиатура — это что? — любопытствующий мужик был слегка выпивши.

— Это сокращения для удобства, называются только первые буквы. Например, РФ — это Российская Федерация, СССР — это помнят взрослые, Союз Советских Социалистических Республик. Продолжайте, Владимир Олегович.

— Я пошёл добровольцем, но потом меня перевели в мобилизованные, потому что там был недобор. Собрали нас на площади в областном центре, со мной было ещё два парня из нашего района. Мы так и держались потом вместе.

— Во! Это правильно, это по-нашему, — уточнил мужик с бревна. — Земляки! А земляки должны держаться друг дружки!

— Губернатор выступил, и потом нас отправили сначала в военное училище, там есть оборудованное место для обучения разведчиков, а потом на полигон. Двадцать девятого декабря двадцать второго года нас посадили на борт, и мы полетели на Украину. Поселили в

бараке, а я всё думаю, как жажнут сейчас по нам, пока мы здесь, как селёдка в бочке, и всем нам тут хана будет. Но обошлось. На Украине всё непривычно. Ночи тёмные и дождь. Декабрь, а там дождь. А темнота — вот так стоишь, и чёрное перед глазами. У нас другая темнота. Там рано темнеет, и ветра зимой сильные.

— Да, там зимой так, — опять заговорил мужик с ближнего бревна, — слякоть, дрянь, а не погода.

— Друзья, прошу вас, — остановил его Дмитрий Иванович, — не перебивайте нашего гостя.

— А потом нас отправили под Кременную. Там уже ничего не было, только пара домов целых, а всё — руины. Начали устраивать быт. Дело в том, что на Украине нету бань. Я не знаю, как они там живут, в душе, наверное, моются, но в другой деревне домов двести, а бани всего три.

— Тёмные люди, Европа!

Дмитрий Иванович погрозил мужику и спросил:

— Дети, это чей папа?

— Ничей, — ответил Генка, — это мой дядя.

— Хорошо, Гена, сядь около своего дяди и следи за ним, чтобы он не перебывал нашего гостя.

— А чё сразу я? — Генка послушно встал и сел около дяди.

Владимир улыбнулся и продолжил:

— Потом вдруг приехали медики. Пришёл к нам их старший и говорит: «Там надо парням помочь в зелёной зоне».

— Извините, Владимир, я вас прерву, чтобы пояснить детям. Зелёной зоной называют место, где стоят войска, и там более-менее безопасно. Есть жёлтая зона и красная. Красная — это, собственно, и есть линия соприкосновения войск, её ещё называют «передок».

— Точно! — подтвердил дядя, и Генка зашипел на него:

— Дядя Витя, сиди тихо, не разговаривай.

— Ладно, — согласился дядя. — Ты ещё тут.

— Начмед спрашивает нас: «Есть добровольцы?» А мне же не сидится на месте. Я говорю: «Я поеду». Ну, на один день, почему не съездить, а получилось четыре и на «передке». Армия есть армия, там правду никто не скажет. А я и не расстроился, что меня обманули, я там многому научился, и обкатала меня там война первого из наших. Мне дали сумку медицинскую — такая, старого образца, ещё из брезентухи, посадили на броневик — и на передовую. А там как раз атаквали. Вот четыре дня и возил раненых. Так я стал медбратом. Мне начмед говорит, оставайся, у тебя, мол, классно получается. А там всё просто: идёт информация по рации, что там-то и там трёхсотый — это значит раненый. Мы вдвоём прибегаем туда, осматриваем, какие ранения, а бой идёт, всё в аду. Если сильное кровотечение, кровь хлещет, ты перетягиваешь, а если перетянуть не получается, есть специальные тампонады, такая салфетка длинная, она растягивается, то её в рану засовываешь, и кровь никуда не идёт. А потом начинаешь эвакуацию, короче, прёшь его на себе. Вытащил раненого на броневик, отвёз в госпиталь и опять стоишь где-то рядом и ждёшь следующие координаты. А бой идёт вовсю. Тебе опять координаты дают, где раненый. Вот так это всё и происходит.

— И что, страху не было? — спросил Александр Николаевич.

— Во! Учитель, сади Руску около отца, пусть контролирует, — вставил дядька.

— Друзья, вопросы задавать можно, но не надо комментировать рассказ! — пояснил Дмитрий Иванович.

— Первые дни взрывы прижимают к земле, ноги сами подкашиваются, а потом, через пару недель, страх отходит. Потом уже, когда над головой летит, ты слышишь, и что летит, и куда летит, и откуда летит. По звуку определяешь, из какого оружия по тебе стреляют.

Когда туда едешь, на фронт, надо осознавать, если повезёт, то демобилизуешься, когда война закончится. А так либо трёхсотый, либо двухсотый. Надо быть готовым к этому. Если ты этого не осознал и не принял условие войны, ты начинаешь бояться, а тот боец, который боится каждого шороха, не боец, а обуза для товарищей, особенно если в группе разведки. Проверка там идёт хорошая.

— Дмитрий Иванович, можно вопрос? — поднял руку Коля.

— Да, конечно, — отозвался учитель.

— Скажите, — Коля повернулся к солдату, — как победить страх?

— Да оно само как-то, я даже не знаю. Я со страхом не боролся, я просто стал воспринимать реальность. Ты должен осознать и быть готовым, на войне без жертв не бывает, на то она и война. Не надо в голове иметь иллюзий или фантазий, что ты супербоец, что ты ничего не боишься, не бывает такого. Дурак ничего не боится, нормальные люди боятся. Все боятся. Если кто говорит другое, тот не участвовал в бое, он ничего не видел. Бояться — это одно, а победить страх — это другое.

— У меня вопрос, — руку подняла Руса. — А что вы лично делали на войне? Кем были?

— У нас рота разведки, нас распределили по пять человек. Нам дают задачу, мы идём и выполняем.

— Какую задачу? — уточнила вопрос Руса.

— Задачи разные. Например, называется «огневой налёт». Вот мы пришли, с ними маленько постреляли, они свои позиции обозначили, ну где они находятся. Мы ушли, а туда прилетело. Или засады на колонны. Идёт машина, наш коптер заметил, мы идём туда, потрепали их и ушли. Собственно, они делают то же самое.

После задания возвращаемся на точку ноль. Точка ноль — это откуда всё начинается. На точке ноль командир даёт задание. Пока не прибудем на точку ноль, никто никаких задач не ставит. Мы просто едем, куда не знаем. Это сделано специально, если вдруг, не дай Бог, конечно, диверсионная группа взяла нас в плен, то нас спросят, куда и зачем. И враг уже будет знать, для чего и куда ехала группа. Если отправят вторую группу, то её уже там будут ждать. А вторую группу по любому отправят, потому что задачу надо выполнить.

Нам в плен сдаваться там совсем не вариант. Десантник, разведчик, спецназовец или фээсбэшник, тебя они будут резать на мелкие кусочки, если поймают. Там выручает граната. Она есть такая одна с собой. Чтобы по привычке не схватить её во время боя и не кинуть, она подальше, за спиной на бронике. Если поймают, есть чем себя и их подорвать. Издеваются над пленными идейные — это нацики или наёмники, а простые нет.

— Откуда приезжают наёмники? — спросил Дмитрий Иванович.

— Отовсюду. Их там море, америкосы, негры, прибалты, поляков очень много, со всех стран.

— И куда потом пленных?

— Сначала сами допрашиваем, в своём интересе: какое вооружение, время ротации, какая есть поддержка.

— Сразу рассказывают?

— Бывает, повыпендривается минут пять, а потом всё рассказывает. В основном все понимают, что выпендриваться нету смысла. А так рассказал и пошёл в столовую.

— Боль терпеть невозможно?

— Никто не выдерживает. Если, говорят (я сам в плену не был), терпишь боль, тебе вкюют какую-то фигню, и ты всё равно в беспамятстве расскажешь.

— Владимир, вы можете сказать, почему пошли добровольцем на войну? По идейным соображениям или из-за денег?

— Я пошёл потому, что там америкосы. Я их терпеть не могу. Их политику, войны, которые они везде по всему миру устраивают, и на Украине тоже. Я пошёл не убивать украинцев, не намеренно, я пошёл потому, что там америкосы. Не хочу, чтобы они были под носом, они же гады лживые. Украина, даже если и останется какой кусочек, они америкосам будут вечно платить. Сколько долбали ракетами Донецк, да и до сих пор, а американцы поддерживают этот геноцид.

— Много жертв?

— Много. Скажу так, те, кто побывал в Афгане и Чечне, говорят, что эта — самая жестокая война, даже там столько зла не было. В основном гибнут от артобстрелов, пулевых ранений мало. Где-то девяносто к десяти.

— У вас ранение в ногу? — вёл урок Дмитрий Иванович.

— У меня обе ноги, но одна уже поджила, а вторую ещё долго буду лечить.

— А что случилось, как это произошло?

— Мы возвращались на «мотолыге» (МТ-ЛБ — многоцелевой транспортёр-тягач лёгкий бронированный) с

задания на точку ноль. Нас, видимо, выследили и шарахнули из «Града», кассетным боеприпасом. Мы успели среагировать, услышали хлопок прямо над нами, и с брони кто куда. Я — под дерево. Нас было семь человек. Ракета разорвалась, кассеты пошли, и начало всё вокруг разрываться. Ад начался, короче.

Я под деревом, а рядом Фара (позывной такой у пацана), а у него каска на лбу разодрана в клочья. Я решил, что он ранен, и начал к нему поворачиваться, чтобы помочь, типа медбрат, всё умею, и тут меня ударило в ногу. Сильный удар, боль страшная. Я привстал, чтобы рану зажать, а тут ещё взрыв, осколком в каску. Меня перевернуло. Потом мне уже парни помогали. А каску не пробило, новые каски из стекловолокна, прочные. А у Фары осколок прошёл через каску, знаете, на лбу она выпирает, и только бровь поцарапал. Из семи нас ранило четверых, троих тяжело: меня, Кузнецца и Конторщика.

— А у тебя, брат, какой позывной? — по-свойски и со знанием дела спросил Генкин дядя.

— Шаман.

— Шаман? Это хорошо! — одобрил дядя.

— А почему? — удивился Генка, слегка подтолкнув дядю, чтобы тот не комментировал.

— Кто бы знал, я не знаю. Мне сказали, что я Шаман, вот я и стал Шаманом. Но я уже для фронта не годен. Подлечусь, и видно будет, у нас в стране так всё быстро меняется, что загадывать не стоит. И осколки ещё вылазят. Недавно вижу, на ноге ранка появилась и загнила, я начал мазать и вытянул железку — а это рубашка от боеприпаса.

— Есть люди, которые не одобрили ваше решение идти на войну? — вёл беседу Дмитрий Иванович.

— Есть. Не так чтобы с фашистскими наклонностями, а задают вопросы типа: «И что ты туда пошёл? Тебе это надо было?» Путин, мол, такой нехороший, а ты за него воюешь. Мол, они деньги отмывают с олигархами. Вот такие пацаны. А один говорит: «Я вот не пошёл, руку себе сам сломал». А я ему отвечаю: «А почему себе шею не свернул? Гарантия потвёрже была бы».

— У нас тоже много вопросов к Путину, — серьёзно сказал дядя. — Ты подожди, учитель, не глуши меня. У меня вопрос: почему фашистов из отряда Азова, больше ста уродов, весь комсостав ублюдков поменяли на какого-то хрена Медведчука? Могёшь ответить?

— А почему наш главнокомандующий войсками по профессии строитель, который даже в армии не служил?! — поднялся другой мужик.

— Два года войны, а мы на том же месте, только трупы в цинковых гробах! — ещё чей-то голос.

И вдруг мужики на брёвнах как сорвались с цепи.

— А почему не разбомбили мосты и не уничтожены пути подвоза техники и снарядов?

— А почему продолжаем торговать с Украиной?

— А почему торгуем с немцами? Они укропам танки, а мы им и нефть, и газ!

— А почему американцам продаём уран для ядерных реакторов?

— А почему?!.. А почему?!..

— Друзья! — попытался остановить вопросы Дмитрий Иванович.

Вдруг солдат поднял руку, и все затихли.

— Я не знаю ответы на ваши вопросы.

— Друзья, мы все хотим услышать ответы на эти вопросы. Мы тоже хотели бы знать! Но узнаем только после победы. Сейчас нужно побеждать.

— Скоро побеждать некем будет! Или со стройки азиатов отправлять начнём?! Они навоюют.

— А поход Вагнера на Москву — это что было?

— Кто убил Пригожина и Уткина?

— Что происходит? В стране бардак!

— Сталина нужно!

— Он бы и войну выиграл, и порядок навёл!

— И колхоз не дал бы разорить!

— Друзья! Прошу успокоиться! Или вы хотите, чтобы мне ещё и несанкционированный митинг припаяли? Или призыв к насильственному свержению власти? Или такую статью, что я лет десять солнца не увижу. Нет у нас ответов на ваши справедливые вопросы, и по телевизору не скажут, а потому задавать их будем после войны, когда солдаты с фронта вернутся.

— Правильно учитель говорит: освобождение придёт с фронта!

— Мужики, мы тоже думаем, там, в окопах, и у нас есть вопросы. Но учитель прав, давайте их зададим после войны, — солдат разволновался. — Эх, закурить бы!

— Да коль не куришь, и не хрен начинать! — оставил его дядя.

— Друзья, внимание! Продолжаем беседу, — Дмитрий Иванович опять взял управление в свои руки и обратился к солдату: — Владимир Олегович, вы сильно изменились? Вас сильно изменила война?

— Да! Я стал серьезнее. Пацаны здесь и там — это разные пацаны. Всё по-другому.

— Хорошо, это трудный был вопрос. Тогда уточню: вы стали сильнее или слабее?

— Конечно, сильнее. Война делает людей сильнее. А потому с фронта скоро вернутся очень сильные люди. Надо подождать.

Осколок

Закончилась встреча с ветераном спецоперации Пилатовым Владимиром Олеговичем. Солдат встал с комель-трона, опёрся на костыли. Мужики подходили к солдату, пожимали руку, а потом нестройной цепочкой потянулись по дороге в Елшанку. На брёвнах остались Коля, Гена и Руса.

— И всё-таки как хочется курить! — солдат посмотрел кругом, но рядом были только три школьника.

— Терпи, Володя, — сказал Александр Николаевич, — не дам я тебе закурить. Терпи.

Дмитрий Иванович увидел детей и пригласил:

— У вас тоже вопросы планетарного значения?

— У нас спор. Мы собираем на фронт посылки, все помаленьку, кто что может. А я говорю, что олигархов надо потрянуть, толстосумов, коммерсов, а Руска говорит, что мы тоже должны помогать. Кто прав?

Солдат достал из нагрудного кармана маленький прозрачный пакетик с резиновым скрепышом в виде розовой крошечной ромашки.

— Видите эту игрушку?

— Да, и что? — удивился Гена и попытался взять пакетик, но солдат не отдал.

— Пришла посылка, их много было от людей. Кто сигареты прислал, носки там, зубную щётку и пасту, а мне досталась посылка с салом, вот такой ящичек с отборным салом, и было в той посылке письмо треугольником. Я не смог прочитать письмо, там такие каракули, что не разберёшь, писала девочка первого класса. И там

был этот скрепыш. Сало мы съели, письмо в крови потом измазал, когда ранило, выбросил, а скрепыш отмыл и в пакетик положил, и стал он моим талисманом, ангелом-хранителем. От девочек талисманы самые верные, самые надёжные. От всех бед оберегают. И зубные щётки ваши, они другие щётки, они самые лучшие. Это понимать надо.

— Но коммерсов-то тряхануть нужно? Это же справедливо?! — не унимался Колька.

— С «коммерсами» не всё так просто. Пока я служил, до ранения, понятно, к нам приходила техника, купленная одним бизнесменом: и японские вездеходы, и десяток УАЗов типа «Буханка», десятки, если не сотни дронов, броников, аппаратов ночного видения. По нашим прикидкам, он израсходовал на нашу часть миллионов сто, а то и больше, а он не олигарх и не вор, он просто деловой человек, у которого не воровское, но прибыльное дело. Он сам привозил гумпомощь, я его видел, здоровался, и знаю, что его зовут Игорь Петрович, и всё. По виду он человек как человек, улыбается, очень прост, общается так, будто мы с ним в одной Елшанке учились. Ни мы, ни он не знаем, сколько жизней спасла его гумпомощь. Но каждая жизнь — это счёт уже важный. Так что вы, парни, не торопитесь с «коммерсами» разборки чинить, с ними тоже не всё так просто. Хотя среди них есть и воры, и предатели. Одно скажу, нельзя всех под одну гребёнку. Ну, как-то так.

— Вы поняли, что вам солдат сказал? А теперь бегите, мы ещё поговорить хотим, — сказал Дмитрий Иванович.

— Подождите, Дмитрий Иванович, гнать нас, — Ру-ска выдернула из головы заколку в виде бусинки и при-

крепила Дмитрию Ивановичу на уголок воротника рубашки. — А это вам, чтобы мой талисман оберегал вас от всех бед и всякой подлости.

Руска резко развернулась и позвала мальчишек:

— Пошли домой.

И они пошли прочь, угрюмые и по-взрослому серьёзные, пошли ей вслед, в Елшанку, думать над сказанным и увиденным.

Солдат, Дмитрий Иванович и Александр Николаевич посмотрели уходящим вслед.

— Хорошие дети, — сказал солдат.

— Хорошие. И Руска у меня толковая, правильная, — согласился Александр Николаевич.

— А от меня, учитель, получи ещё один подарок в благодарность за урок. Я сегодня тоже многому научился, — и солдат протянул Дмитрию Ивановичу кусочек металла, будто маленький слиток потемневшего золота. — Это оберег верный, его из меня достали.

Новое утро

Чёрный день двадцать второго июня, день летнего солнцестояния, когда самый длинный день, и самая короткая ночь становится на несколько секунд длиннее. Дмитрий Иванович проснулся ещё затемно, нашёл на цеховом верстаке короткую дрель, заправил самое тонкое сверло, затем зажал пассатижами осколок и просверлил малое сквозное отверстие, в которое продел толстую нить, завязал концы и надел на шею. После вышел на

зарю, разделся и омыл себя тёплыми струями из бака, приспособленного им под душ. Потом осушил себя мягким полотенцем, надел чистую одежду и шагнул в сторону Елового Падуна.

Просыпалось утро солнечным светом из-за горизонта, птичьей вознёй и затишьем ветров. Ярило шагал по небу, и Дмитрий Иванович шагал по заросшей тропе. То ли солнце повторяло движение человека, то ли человек вторил солнцу, но шли они вместе и в одном направлении — на запад.

Знакомая тропинка, как надежда на встречу, вела его к друзьям, и он знал это твёрдое и надёжное чувство, которое грелось и лелеялось в его душе, и которое стало основой его веры. Дмитрий Иванович посмотрел на небо, на миг увидел горячее солнце, ослепившее его, улыбнулся.

Трава касалась колен, орошала лёгкой росой, склон уходил резко вниз, и тропинка змейкой зашепила между сосен и берёз, между кустами шиповника и черёмухи. Озеро парило. Чем ниже, тем плотнее белый саван тумана. Но вот сквозь белую непроглядь выступили чёрные стены курной избы, стены из огромных листвяков, вечные и истинные, похожие на историю России, такие заманчивые для жадных глаз врагов и такие непобедимые для их ржавого оружия.

Дмитрий Иванович прошёл к озеру, вдоль по берегу, к высокой лужайке у воды. И скоро увидел чёрную фигурку Чернихи, похожую на уставшую и истерзанную испытаниями Россию. Он присел рядом, полюбовался на тонкий слой тумана, плавающий над водой, на белые, уже распустившиеся со всею доверчивостью лилии, на редкие всплески мальков у тёплого берега.

— Пришёл? — спросила Черниха, не поворачивая головы.

— Пришёл, — кивнул Дмитрий Иванович, он подал коробочку из плекса, там лежали деньги, собранные жителями Елшанки на дом для Чернихи. — Это тебе, Анна Павловна. Здесь пятьдесят семь тысяч. Купишь потом шторы, кастрюли себе в новый дом.

— В новый дом? А мне и старый хорош.

— А новый будет лучше. Я попрощаться пришёл.

Дмитрий Иванович поклонился старой женщине и ступил прочь. А навстречу ему вышли злыдни и кланялись в пояс, Домовой утирал старческую слезу, Леший махал рукой, Сом крутил хвостом и разгонял волны, а на ветке раскидистой ветлы сидела Русалка и плакала. Христос сошёл с креста, вышел из дома, взял руку учителя и поцеловал её. В ответном порыве Дмитрий Иванович поцеловал руку Христа.

Прежде чем начать подниматься по склону Елового Падуна, он обернулся и махнул всем рукой.

— Прощайте! Я вернусь! Я обязательно вернусь!

Письмо

Через три месяца Зимин получил письмо с фронта. Дмитрий Иванович писал:

«Здравствуйте, мои дорогие Александр Николаевич, Галина Егоровна, Зоя и Руса!

Если бы вы только знали, как я скучаю по Елшанке, высоким соснам у школьной ограды, по сорванному голо-су звонка. Как скучаю по магазину-вагончику, по запаху тёплых опилок под диском пилорамы, аромату борща от Галины Егоровны, по неугомонному Генке и весёлому Кольке, и такой искренней Русе. Как мне не хватает старой и чёрной от времени Анны Павловны. И неторопливого разговора с другом.

Если бы вы только знали, как хочу подышать родным воздухом плотного тумана над озером в Еловом Падуне, терпкого, сырого и сладкого, с ароматом камыша, карася и тины. Как хочу вдохнуть свежий воздух леса, прозрачного и лёгкого, как дыхание матери! Как хочу вдохнуть всею грудью влажный воздух грозы, стекающей по иголкам сосен, густыми каплями, как смола, и в каждой — искорка родного света, света Родины. Какое это счастье — дышать пылью, выбитой крупными каплями дождя, любоваться светом зари, наслаждаться громом тяжёлой поступи тучи! И когда забрезжит солнце, вы можете умыться зарёю родного края и увидеть, как просыпается утро.

Я на войне, я скоро вернусь с победой, и мы заживём счастливой жизнью!

PS

Дружище, Александр Николаевич! Саша! На твою карточку будут приходить деньги — мои боевые. Начни строить дом для Анны Павловны, организуй мужиков помочь. Очень прошу. Ей нужен новый дом».

СОДЕРЖАНИЕ

Память ночи. <i>С. В. Федорчук</i>	5
Лилия	19
Курная изба	23
Бык	31
Домовой	35
Урок	40
Отец	46
Рыбалка	50
Учитель	57
Элеонора	61
Руфус	65
Полицейский	69
Ананьев	76
Незваные гости	82
Геодезист	87
Флешмоб	94
Комиссия	95
Учитель уволен	100
Дело Ерёмина	105
Случайная встреча	112
Руса	116
Сказка — ложь	120
Гимн России	126
Деньги любят тишину	130
Любовь	140
Закон Вселенной	150
Пожар	158
Маёвка	162
Сава	169
День Победы	179
Шаман	182
Осколок	192
Новое утро	194
Письмо	196

Александров Николай Александрович

КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ УТРО

Фантастическая повесть
о реальной жизни

Редактор *Чумакова Т.*
Обложка, дизайн *Васильева Е.*
Корректор *Чумакова Т.*
Вёрстка *Вялкова О.*

Подписано в печать 20.02.2024 г. Формат 60x84/16. Тираж 3000 экз.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
Тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
E-mail: nikolay_plus@mail.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: 8 (383) 334-02-70, www.dealprint.ru